

Глава 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Введение в проблему¹

165

Включение термина *семантика* в контекст проблем речи и языка в какой-то мере нарушает границы его привычного употребления, поскольку в наше время этот термин применяется главным образом в области логики, философии, лингвистики. Однако ситуация не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд. Специалисты утверждают, что случаи довольно свободного употребления термина *семантика* многочисленны, наряду с привычным словоупотреблением термин используется во многих других контекстах. В современных публикациях насчитывают порой десятки подходов к пониманию семантики (Сааринен, 1986, с. 121).

В область психологии этот термин введен более полувека назад Ч. Осгудом, употребившим его в словосочетании *психосемантика*. Сейчас это словосочетание получило распространение и широко принято у нас в связи с работами Е. Ю. Артемьевой, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелева и др. Можно думать, термин *семантика* еще находится в стадии становления. Тогда не грех подключить его и к нашим психологическим нуждам.

Необходимость использования термина *семантика* в контексте данной книги вызвана моей озабоченностью придать звучание очень важному и широко распространенному психологическому явлению, неотрывному от любого вербального акта – осмысленности речи. Это явление составляет корень вербальной функции, но, к сожалению, часто оставляется исследователями на заднем плане или просто опускается – без его упоминания как-то проще и меньше забот. Это можно понять: смысловую сторону речи и языка даже определить бывает довольно затруднительно.

1 Материал ранее не публиковался.

В связи с этим так важно объединить круг фактов, свидетельствующих о повседневном существовании семантического содержания в функционировании речи и языка. Действительность постоянно наталкивает нас на его проявления. Каждый, кто работает в области психологии речи и психолингвистики (да и просто внимательно слушает звучащую вокруг речь), согласится, что главная функция речи состоит в выражении психологических состояний, внутреннего мира человека. Выражению подлежат чувства, желания, готовая мысль или ее начатки, впечатления от воздействующих событий, ситуаций, воспоминания, настроения, отношения, даже намерение солгать – словом, любое психологическое переживание может быть с большим или меньшим успехом выражено в речи. Во всех названных ситуациях мы сталкиваемся с проявлением семантики речи и языка. Для выражения актуализированного в сознании содержания с помощью звучащей или записываемой внешней речи требуется специфическая «предсловесная» обработка (или, по нашей терминологии, этап внутренней речи).

Казалось бы, обсуждаемые явления можно описать, используя термин «информация». Однако в рамках нашей темы этот термин, как и обозначаемая им область, оказываются недостаточными в силу объективистского характера понятия «информация», не предполагающего существования субъективного начала. Между тем в содержании речи существенным оказывается именно субъективный, психологический компонент: строя свою речь, человек реализует поставленную цель, имеет в своем сознании объект обсуждения, что-то вспоминает, рефлексировать (или в принципе может рефлексировать) в связи с подбираемыми словами и выражениями, осознает (или может осознавать) значение используемых лингвистических форм, делает поправки к сказанному, привносит юмор, шутку, эстетический компонент и мн. др. За этими операциями стоит целая область психологической действительности. Способность выразить ее составляет основную ценность речевого продукта. В сфере семантики осуществляется функционирование и хранение психологического субъективного опыта, открытого самому чувствующему и действующему субъекту. Что же знает об этой сфере наука?

В поисках ответа на этот вопрос мы обнаруживаем парадоксальную ситуацию: с первого взгляда кажется, что обозначенная область обстоятельно исследована специалистами, однако чуть более внимательное рассмотрение обнаруживает ее практическую нетронутость исследовательской мыслью. Так, внутренняя организация речевого процесса, подробно рассмотренная во многих моделях речепорождения, не затрагивает вопроса о субъективном, смысловом содержании речи и, соответственно, не дает его характеристики.

Другая тема – соотношение мысли и слова, также привлекающая к себе внимание психологов и психолингвистов, обсуждается обычно в абстрактном плане, в результате чего субъективный компонент теряется в анализе речевого материала, а проблема не получает продвижения. Казалось бы, источником интересующих нас сведений могла стать близкая интересующей нас теме область лингвистической семантики (Апресян, Вежбицкая, Падучева, Степанов). Но и здесь мы не находим обращения к субъективному содержанию речи. Для лингвистических работ характерна замкнутость на лингвистическом материале: семантическое содержание словесных единиц объясняется посредством их сопоставления с другими словесными единицами. Не удивительно поэтому, что результаты такого подхода оказываются неудовлетворительными даже для их авторов. Выразительна характеристика Е. В. Падучевой: «...механизм изначального порождения смысла – всегда вместе с формой – пока во мраке, и ссылки на врожденность языковой способности не обогащают наши представления о том, в чем эта способность состоит» (Падучева, 2004, с. 13). В то же время, как это справедливо отмечает Н. А. Алмаев, для построения психологической теории, рассматривающей проблему значения слов, необходимо выявлять «совокупности и структуры психических актов», приводящих к образованию вербальных элементов (Алмаев, 2006, с. 29).

В психологическом словоупотреблении термин *семантика* находится в одном смысловом поле с такими понятиями и словесными клише, как *значение, смысл, понимание, сознание, психологическое содержание речи*. Сложность связана с тем, что указанные понятия используются не только в психологии, но и в других науках и, разумеется, со своими оттенками содержания. Термины *семантика, сознание, смысл, значение* активно применяются в философии, особенно в философии языка.

Содержание речи является предметом изучения в филологии, языкознании, а также во многих науках гуманитарного профиля – юриспруденции, истории и др. Оно может иметь отношение в принципе к любому явлению действительности: к историческим событиям, литературным произведениям, экономике, физическим и химическим процессам, обыденным явлениям жизни; людям; особенностям личностных проявлений и многому-многому другому. Содержание речевых текстов, описывающих явления, относящиеся к окружающей действительности, могут составить предмет различных наук и при этом вовсе не иметь прямого отношения к психологии. В отличие от этого предметом изучения *психологического содержания речи и ее осмысленности* должны быть психические процессы и операции, которые лежат в основании речи и в связи

с ней реализуются в психике говорящего. Например, в круг явлений, относящихся к психологическому содержанию речи, войдут вопросы: как в психике человека образуется имя, значение слова; каким образом слово «выбирается» для его использования; каким образом младенец научается осмысленной речи, как развивается его осмысленность, какими средствами пользуется человек, чтобы выразить свою мысль и понять собеседника и мн. др.

С психологической стороны отмечаются трудности в использовании терминологии: *психологическое содержание, переживание, субъективный компонент состояний ребенка*. Подобные характеристики с трудом поддаются отчетливому описанию, и язык не располагает для этого адекватными средствами. Например, говоря о боли, мы характеризуем ее по аналогии с теми или другими объективно наблюдаемыми операциями: *боль – режущая, колющая, тянущая. Радость* в нашем языке описывается как *большая, огромная, безумная* или как *тихая, светлая*. Язык выработал также формы, позволяющие отметить интенсивность субъективного чувства: *очень сильно, сильно, умеренно, слабо, едва-едва*. Однако во всех этих языковых формах нет ничего специфически психологического, они по своей природе объективны, т. е. по отношению к субъективному переживанию метафоричны.

Ориентируясь на психологическую (психолингвистическую) сторону в обсуждаемом предмете, удобно использовать для ее именованья не совсем психологический термин *семантика речи*: он стал привычным в психологии для обозначения содержательно-психологических явлений общего характера, и, как отмечено выше, психологи уже приняли его в связи с продвижением популярной темы *психосемантика*.

Попробуем рассмотреть применение термина *семантика* в философии языка и логике на предмет использования достижений в смежных областях. В философии языка содержание термина *семантика* сближается с проблемой имени и его отношения к миру (Степанов, 1985, 1998). Наилучшей минимальной схематизацией именованья считается так называемый *семантический треугольник*, предложенный логиком Готтлобом Фреге (Степанов, 1998, с. 94).

На рисунке 4.1 представлены основные элементы имени, показана связанность этих элементов: внешнего объекта, его звучания, соответствующего понятия. Предложенные обозначения полезны, поскольку они очерчивают круг отношений, существующих между различными сторонами слова. В то же время нельзя не признать, что с психологической стороны схема оставляет много вопросов и мало способствует пониманию природы именованья. Неясным остаются вопросы: в какой форме понятие и предмет (референт) су-

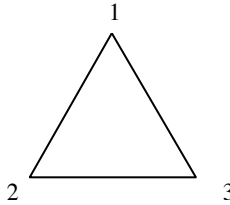

Рис. 4.1. Строение знака – треугольник Фреге

Предмет, вещь, явление действительности. В математике – число и т. д. Иное название – *денотат*.

Знак: в лингвистике, например, фонетическое слово, в математике – математический символ; иное название, принятое в философии и математической логике, – *имя*.

Понятие о предмете, вещи. Иные названия: в лингвистике – *сигнификат*, в математике – *смысл имени*, или *концепт денотата*.

существуют в человеческой психике, в чем конкретно состоит связанность слова с понятием и предметом, в какой форме осуществляется их связь?

Примеры показывают, что задачи, решаемые разными специалистами, по данной теме, не всегда близки. По-видимому, психологу целесообразно рассматривать встающие проблемы на основании собственно психологического материала.

Исследование вербальной семантики с использованием конкретных фактов представляет трудности. Порой нелегко определить даже область, где можно искать ответы на стоящие вопросы. В нашей работе делается попытка подойти к проблеме с нескольких сторон:

- Разработать линию анализа онтогенетического развития семантических явлений у детей, начиная с рождения, предполагая, что, подобно другим сложным психологическим феноменам, семантические вербальные проявления оказываются несколько более легко доступными исследовательскому наблюдению в раннем детском возрасте.
- На основании представлений о механизмах внутренней речи (см. предыдущую главу книги) произвести оценку характера семантического компонента, «встроенного» в структуру отдельных блоков речевого механизма.
- Разработать линию лингвopsихологического характера, допускающую построение экспериментального исследования с целью выявления внутренней семантической организации структуры вербальных элементов.

Вербальная семантика в онтогенезе

О субъективной стороне ранних младенческих вокализаций

Представление о младенческом крике как начальной ступени эволюционной лестницы, приводящей в своем развитии к осмысленной речи, позволяет развить более или менее аргументированную гипотезу о голосовом проявлении субъективных состояний. Если младенческий крик, гуление, лепет, возникающие слова, а затем и развернутая речь – это единый ряд, то возникает теоретическая возможность характеризовать начальные формы ряда на основе более развитых форм. Развернутая речь – хорошо изученная с субъективной стороны функция; известна ее тесная связь с рефлексивными операциями, сознанием человека, пониманием, мыслью. Эти качества достигают своего максимума в развитой речи, на вершине эволюционной лестницы. Можно предположить, что на каждой предыдущей ступени названные характеристики, континуально убывая, все же присутствуют в лепете, гулении и в зачатке в младенческом крике. Данные многих наблюдений позволяют предположить, что на нижней ступени в реакцию младенческого крика включается минимальное психологическое содержание, возможно, в форме субъективного переживания неприятности (голода, холода, боли). Это переживание, видимо, составляет один из самых ранних видов субъективного элемента младенческих вокализаций. Его можно квалифицировать как *семантему* первых детских вокализаций. По наблюдениям специалистов, период преобладания негативного субъективного переживания краток и быстро сменяется проявлениями позитивных детских эмоций, выражающихся в улыбках, спокойном бодрствовании, а чуть позднее в гулении и других вокализациях (Белякова, 1983).

В отношении ранних семантических проявлений предлагается говорить об «опыте предсознания», относя к нему различие сухого и влажного, горячего и холодного, прикосновения, вкуса, цвета, запаха и др. (Портнов, 2004). Это предложение интересно, особенно в виду необходимости развивать терминологию в отношении ранних детских семантических проявлений. Термин «опыт предсознания» сближает феномен детских семантических проявлений с психологическим понятием «сознание». Вместе с тем ощущается потребность обоснования такого рода суждений теми или иными фактическими данными, а также данными развития конкретных характеристик субъективной или объективной (физиологической) стороны обсуждаемых явлений.

В связи с этой задачей привлекают внимание данные, рассматриваемые в рамках единой концепции сознания и эмоций, развивае-

мой Ю. И. Александровым с соавт. (Александров, 2006; Александров, Александрова, 2009; Колбенева, Александров, 2010). Основные положения концепции строятся на идеях физиологии функциональных систем (Анохин, 1968, 1975; Швырков, 1978, 1995). Утверждается, что «сознание и эмоции являются характеристиками разных, одновременно актуализируемых уровней системной организации поведения, представляющих собой трансформированные этапы развития и соответствующие различным уровням системной дифференциации» (Александров, Александрова, 2009, с. 151). Каждому поведенческому акту присуща характеристика как сознания, так и эмоций. Соотношение этих характеристик оказывается в каждом случае различным. Высоко дифференцированным системам присуща выраженность сознания, наименее дифференцированным – эмоциональность. Сознание и эмоции континуальны по природе. В ходе онтогенеза исходные низкодифференцированные системы не исчезают, но пополняются высокодифференцированными. Из этого делается интригующий вывод: «Как понятие *сознание*, так и понятие *эмоция* приложимо ко всем живым существам» (там же, с. 152).

Обсуждаемая позиция представляется интересной в разных отношениях. Прежде всего, внимание задерживается на идее сущностного сближения феномена сознания и эмоции. Такое сближение креативно и вызывает интуитивное согласие. Отметим, однако, что авторская аргументация ведется целиком объективистски, через описание процесса формирования физиологических систем. Каких-либо психологических определений или разъяснений обсуждаемых феноменов, к сожалению, не дается. Но тогда возникает вопрос: почему сознание связывается только с эмоцией? Разве сознание не включено в процессы перцепции, памяти, мышления, т. е. в те процессы, которые тоже могут быть описаны с точки зрения системной физиологии?

Выше мы подробно аргументировали точку зрения, согласно которой психофизиологический подход в своей основе предполагает равноправное исследование как психологической, так и физиологической сторон изучаемого явления, что позволяет содержательно производить их последующее сопоставление и интерпретацию. В частности, в отношении рассматриваемых феноменов естественно возникает критерий выделения сознания и эмоций из круга других когнитивных процессов. Большая часть когнитивных процессов (восприятие, припоминание и др.) обращена в основном к объективным явлениям: человек видит *предметы*, *лица*, слышит *звуки*, припоминает произошедшие *события*. Что касается сознания и эмоций, то они как бы «повернуты вовнутрь» субъекта: «*Я переживаю* минуты счастья», «*Мне неприятно* слушать упреки», «*Я осознаю*, что на-

хожусь у себя дома» и т. п. Другими словами, субъект как бы «перебирает» внутри себя события, вызвавшие эти состояния. Конечно, как это и отмечается в обсуждаемой концепции, в поведенческий акт одновременно включаются различные по степени дифференцированности системы. Поэтому общая структура поведения оказывается сложной по составу входящих элементов и, соответственно, по их проявлениям. Так или иначе, но психологическая сторона функционирования систем сознания и эмоций по самоощущению человека содержит элемент обращенности на себя, т. е. рефлексия, что признается характерным признаком сознания.

Приведенные рассуждения дают дополнительный аргумент в пользу сближения понятий сознания и эмоций. Их единое рассмотрение позволяет обосновать предположение, что в раннем младенческом возрасте субъективный «рефлексивный компонент» проявляется поначалу преимущественно в форме эмоции. С расширением субъективного опыта, возрастанием доли высокодифференцированных структур усиливается компонент сознательности. Через объективную характеристику состояния дифференцированности структур возникает возможность уловить характер соотношения субъективного компонента сознательности и эмоциональности в поведенческих проявлениях.

Радикальная идея о приложимости понятий *сознания* и *эмоции* ко всем живым существам также находит поддержку в наблюдениях над поведением младенцев, что обсуждалось ранее в наших работах (Ушакова, 2004). С нашей точки зрения, неоспорим тот факт, что *каждый ребенок является в мир, неся в себе способность к субъективному переживанию*. Не существует свидетельств о внезапном пробуждении субъективного чувства у маленького ребенка в какой-либо более поздний момент по отношению к новорожденности. Специалисты не находят поворотной точки в онтогенезе, после которой только и обнаруживается субъективная составляющая психики малыша. Нейрофизиологические данные показывают, что этот субъективный компонент соответствует поначалу понятию эмоции. Явления, заслуживающие квалификации сознательных, видимо, следует связывать с ментальной способностью ребенка к «осмысливанию» событий, их сравнению с другими событиями, помещению их в тот или другой контекст, собиранию своего знания (т. е. со-знанию). Можно ставить вопрос о возникновении в ходе развития ребенка промежуточных форм реагирования, сочетающих ранние эмоциональные компоненты с более поздними, сознательными. Это дает основание для более конкретного представления о том, как наблюдаемые от рождения субъективные переживания континуально развиваются.

Если мы поставим перед собой задачу содержательно характеризовать первоначальные субъективные переживания новорожденного, используя имеющиеся в нашем распоряжении *психологические средства*, то мы сможем сделать это лишь в самом общем плане. Нам понятно, что сначала выделяются ощущения приятного – неприятного с опережающим вокальным проявлением неприятного. Ощущение приятного соотносимо, скорее всего, со спокойным состоянием, позднее с мимикой и характерными вокализациями. Сила неприятного переживания, если ориентироваться на громкость младенческого крика, возможно, бывает различной у разных детей. Во всяком случае, очень громкие крикуны – не редкость. Высокая интенсивность реакции крика у здорового малыша – свидетельство того, что и само негативное младенческое чувство обладает порой достаточно большой силой.

Определенные основания для качественных характеристик ранних субъективных переживаний младенца содержатся, как это ни удивительно, в проведенной на взрослых людях эмпирической работе (Колбенева, Александров, 2010). В исследовании, помимо прочих, получены данные о различиях в свойствах прилагательных, относящихся к старым функциональным системам по сравнению с молодыми системами, Прилагательные, связанные с более ранними и менее дифференцированными структурами, оцениваются как более интенсивные и эмоционально позитивные; прилагательные, относящиеся к более поздним и высокодифференцированным структурам ощущаются как менее интенсивные и менее эмоциональные. Со структурами, формирующимися рано, оказались связаны прилагательные, характеризующие вкусовые и обонятельные ощущения, а также отчасти кожная чувствительность. Эти данные позволяют обосновать гипотезу, что вкусовые, обонятельные и некоторые другие виды кожных впечатлений входят в круг начальных форм психического реагирования младенцев.

Приведенные данные расширяют представление о труднодоступной для анализа сфере субъективных состояний младенцев раннего возраста, что свидетельствует о возможностях нейрофизиологического подхода к этой области.

Развитие семантического компонента в раннем младенчестве

В семанте крика и плача малыша отражено его психологическое переживание рассогласования, потери спокойного, комфортного состояния и возникновения ощущения дискомфорта или боли. На первых порах такая семантика примитивна, единообразна, однако уже в первые недели жизни новорожденного она начинает

развиваться: возникают различия между криками боли, охлаждения, дискомфорта и т. п. Мать и другие близкие люди обычно понимают эти оттенки семантем и реагируют на сигналы новорожденного как на полноценные семантические знаки. Существуют эмпирические данные, показывающие, что в конце первого месяца по интонационной структуре можно различать плач-жалобу, плач-требование, плач-недовольство, плач-каприз, плач-протест и др. (Кушнир, 1994).

Субъективный компонент детских криков и плача – это *негативные переживания* эндогенного происхождения, связанные главным образом с нарушением комфортных условий. Возникающие вскоре гуленье, гуканье, а позднее и лепет обнаруживаются в спокойном удовлетворенном состоянии. Их семантическое содержание – *позитивные субъективные переживания* умеренной интенсивности, связанные с эндогенными раздражителями. В этих переживаниях отражается прогресс психического развития: укрепления полюса позитивных чувств. Обсуждается вопрос, существует ли отставание позитивных переживаний младенца от негативных. Нельзя исключить вероятность существования в этом моменте индивидуальных различий у младенцев. Однако если подойти к вопросу физиологически, то скорее можно предположить временную близость этих реакций в ходе онтогенеза. Дело в том, что оба вида реакций строятся на безусловных адаптивных механизмах одного порядка, хотя и противоположного направления действия: если голод вызывает реакцию крика (отторжения), то поступающая пища, тепло и нежность прикосновения материнской груди включает те же, но оппозиционно действующие механизмы (привлечения). Холод дает импульс к избеганию, тепло материнского тела – к приближению. Из всего этого вытекает предположение, что первичные детские психологические переживания не однополюсны, а биполярны и развиваются одновременно или в близком следовании друг за другом. С этого вида переживаниями связана перспектива дальнейшего психического развития младенца, при которой возможно нарастание контакта с окружающей действительностью, повышение сложности и дифференцированности детских переживаний. У младенца они, по-видимому, еще диффузны, примитивны, но именно они ощущаются окружающими как «осмысленность» реакций малыша.

Следующий шаг семантического развития, имеющий принципиальное значение, состоит в переходе от переживаний, связанных с внутренним источником, к внешним впечатлениям. Отсюда открывается широкий горизонт дальнейшего обогащения семантики, вливающейся в конечном счете в русло общего интеллектуально-ко-

гнитивного развития малыша. Справедливы выразительные характеристики, которые дает Ж. Пиаже раннему периоду психического развития младенца: «Язык согласуется со всем, что усвоено на уровне сенсомоторного интеллекта» (Пиаже, 1983, с. 133); «Есть некий смысл в этом синкретизме и в этом родстве между сенсомоторным интеллектом и формированием языка» (там же, с. 136).

Наиболее ранние значимые для новорожденного внешние впечатления связаны, скорее всего, с близким человеком, в первую очередь – с материнским физическим контактом (Лисина, 1997; Ляксо, 1996 и др.). Формы коммуникативных проявлений младенца с возрастом становятся более явными, расширяется сфера их проявлений. На 2–3-м месяцах жизни появляется так называемый комплекс оживления (Н. М. Щелованов). Ребенок реагирует на приближение взрослого радостным возбуждением – на лице у него появляется улыбка, глаза озаряются радостью, телесная моторика усиливается, возникают вокализации.

Можно проследить и другие ситуации, содержащие те или иные внешние проявления младенцев в раннем возрасте, позволяющие понимать его семантические состояния. Пиаже высказал мнение, что прирожденные рефлексy под влиянием опыта и повторений преобразуются приблизительно к 2-месячному возрасту в первые простые навыки, когда возникает возможность приобретения новых форм реагирования (Флейвел, 1967, с. 127). Механизмом возникновения новых возможностей Пиаже считал так называемые циркулярные реакции. Они состоят в том, что, совершив некоторую реакцию (порой случайно), младенец приобретает тенденцию затем повторять ее. Вследствие повторения образуется достаточно прочная схема и создается новая поведенческая форма. Первые случаи циркулярной реакции обычно сосредоточены на теле ребенка – это так называемые «первичные циркулярные реакции». Типичным примером могут служить акты, предвещающие схватывание: ребенок поскребывает предмет, привлечший его внимание, пытается его схватить, отпускает и снова повторяет последовательность: скребет, схватывает, отпускает. Такие схемы повторяются многократно, в результате чего малыш научается более или менее ловко удерживать предметы в руках.

Сами по себе эти проявления не дают ответа на вопрос о включенности семантического компонента в образующиеся поведенческие формы. Здесь есть, однако, два момента, позволяющие сделать некоторые более или менее обоснованные предположения на этот счет. Во-первых, время появления первых циркулярных реакций оказывается близким к моменту возникновения комплекса оживления, содержащего ясную эмоциональную составляющую. Это поз-

воляет предположить, что приблизительно к 2-месячному возрасту субъективный компонент укрепляется в различных поведенческих проявлениях малыша, в том числе и двигательных. Во-вторых, нашему рассуждению может помочь уже опробованный выше прием – сравнение со следующим шагом моторного развития малыша, а именно – появлением вторичных циркулярных реакций. Это понятие Ж. Пиаже относил к таким поведенческим формам, когда младенец направляет свою активность на объекты внешней среды, а не на собственное тело, как это происходит в случае первичной циркулярной реакции. Вторичная циркулярная реакция, возникающая обычно в возрасте 4–6 месяцев, проявляется в повторяющихся действиях, с помощью которых ребенок стремится удержать или воспроизвести интересное для него изменение в среде. Так, наблюдаемый исследователем малыш, случайно проведя однажды твердым предметом по прутьям кровати и вызвав заинтересовавший его звук, затем многократно повторяет это действие.

В связи с исследованием вторичных циркулярных реакций важнейшей темой для Ж. Пиаже стал вопрос об их целенаправленности, произвольности. Используя уже введенные выше термины, мы можем считать, что речь здесь идет о включении психологического компонента в уже достаточно сложно организованный поведенческий акт. Пиаже стремится нащупать критерии проявления преднамеренности в действиях младенца. Выделяются такие параметры преднамеренности, как нацеленность ребенка на объект; наличие промежуточных действий, служащих средством достижения цели; произвольное приспособление к новой ситуации (Флейвел, 1967, с. 146). Поведение младенца на рассматриваемой стадии развития Пиаже считает лишь полупреднамеренным, поскольку соответствующие действия проявляются у ребенка не заранее, а в результате того, что произвольность включается в ряд непроизвольно выполняемых реакций.

Отметим, что не только моторные, но и коммуникативные проявления малыша рассматриваемого возраста обнаруживают тенденцию к расширению их сферы, возникновения реакций, которые могут быть сближены с преднамеренными. Так, ребенок часто выражает желание находиться вместе с другими людьми, с помощью крика протестует, если его оставляют в одиночестве.

С приближением к годовалому возрасту преднамеренность поведения малыша становится все более очевидной. Нередко ребенок достигает теперь поставленной цели путем преодоления препятствия на своем пути. Если, например, он хочет взять заинтересовавший его предмет, который у него на глазах чем-либо закрывают, то малыш вполне способен отбросить препятствие чтобы получить

то, что хочет. Таким образом, здесь налицо разделение центральных элементов поведенческого акта: цели и средств ее достижения.

В развитие разработок Пиаже за протекшие годы накопились новые приемы, с помощью которых интересующая нас тема получила некоторые дополнительные разъяснения. Интересным, с нашей точки зрения, оказался цикл работ, проведенных в контексте когнитивно-интеллектуального развития.

Он связан с именами таких авторов, как Байаржон, 2000; Смит, 2000; Спелке и др., 2000, добившихся возможности получать в экспериментальном исследовании регистрируемые и воспроизводимые данные о когнитивных способностях совсем маленьких детей, начиная с двух – двух с половиной месяцев. Эксперимент с такими маленькими детьми стал возможен в силу введения в научный обиход вполне нейтрального и в то же время остроумного приема: регистрации времени, в течение которого малыши наблюдали заинтересовавшие их явления, фиксировали на нем взор. Такими явлениями были падающие под силой тяжести предметы, которых не оказывалось на месте предполагаемого падения; вещи, перемещавшиеся за ширму, и отсутствующие за ней, когда ширма убиралась, и т. п. Если малыш не задерживается взглядом на предмете, быстро переводит его на другой объект, то это трактуется как отсутствие у него интереса или его быстрое угасание; относительно длительное наблюдение – понимается, напротив, как проявление «удивления» малыша, фиксации внимания на объекте. Проведение серий опытов по описанной схеме обнаружило поистине удивительные явления: двухмесячные малыши, имеющие минимальный опыт наблюдения за обыденными проявлениями движений предметов, ясно выражали «удивление» в тех случаях, когда обычный порядок элементарно нарушался в искусственно создаваемых условиях. Младенцы обнаруживают в той или иной степени владение понятием объекта, его места, его сохранения при исчезновении из поля зрения, равномерность движения и др. (Бауэр, 1985; Байаржон, 2000; Смит, 2000; и др.). Осмысленность детских реакций проявлялась в улавливании логики событий. Оказывается, таким образом, что осмысленность в ее начальных формах – это субъективное переживание, улавливающее «правильность», «нормальность» протекающих событий и явлений или отклонения от этой «правильности». Из этих фактов вытекает, что тема осмысленности сливается с темой происхождения и развития знаний у маленького ребенка. Исследования Ж. Пиаже, как и других авторов, показали, что развитие знаний ребенка проходит долгий и сложный путь. Стало быть, и осмысленность младенца развивается, хотя ее начальные формы диффузны, примитивны, имеют эндогенное происхождение.

Единицы психологической семантики: психосемантемы и психо-физиологические комплексы

Дальнейшее развитие ранних форм психологической семантики идет как поступательное нарастание качества, сложности и разнообразия этой сферы психики малыша. Можно попытаться на основе существующих данных описать характер тех, условно говоря, единиц, которые образуют совокупность испытываемых младенцем переживаний. Такого рода единицы мы будем называть психосемантемами и судить об их целостности и отдельности на основе их использования в разных жизненных контекстах. Такой путь даст нам возможность проследить характер и принципы развития психологической семантики у нормально развивающегося ребенка.

Проявляющиеся вонне начальная формы психосемантем – переживание младенцем негативного состояния (боли, дискомфорта, одиночества и др.) и положительного знака – сытости, покоя, благополучия. В возрасте около 2 месяцев, как мы видели, малыш владеет относительно сложными семантемами, связанными с пониманием некоторых физических правил, наблюдаемых в повседневной жизни: падения тел, опоры предметов на другие предметы и т. п.

Для понимания сути рассматриваемых явлений представляется продуктивным обратиться к современным психологическим и психофизиологическим данным, проливающим свет на некоторые стороны вопроса. Попробуем начать *ab ovo*, т. е. проследить начальные формы реагирования организма новорожденного на внешние воздействия.

Согласно психофизиологической теории векторного кодирования (Соколов Е. Н., 2003), восприятие поступающих впечатлений происходит в результате действия выработанного в эволюции нейронального механизма анализаторов, с которыми ребенок рождается на свет. Каждый поступающий сигнал, воздействующий через анализатор, возбуждает активность во многих нейронных детекторах, но аккумулируется в тех нейронах высшего уровня, где по исходному расположению синапсов происходит наилучшее восприятие сигнала. В условиях низкой дифференцирующей способности нервной системы ребенка объективно достаточно непохожие впечатления не различаются нервной системой, и происходит их первичное обобщение. В результате незрелости функционирования детского мозга его нервная система производит широкие, с точки зрения взрослого наблюдателя, обобщения воспринимаемых впечатлений. Так, например, появление лица матери, всей ее фигуры, прикосновения рук, движения и т. п. производит на него общее практически неразличимое впечатление. В этот же перцептивный комплекс

включаются звуки: разговоры окружающих, голос матери, голо-
совые обращения к малышу, баюканье. В этом контексте нередко
слышится слово *мама*. Указанные воздействия, по теории, создают
некоторый обобщенный функциональный комплекс, *нервную модель*
ситуации (Соколов Е. Н., 2003). Этот комплекс, обладающий низкой
дифференцированностью элементов, по данным Ю. И. Александрова
с соавт. (2009, 2010), связан со структурами мозга, продуцирующими
эмоции, т. е. в субъективном плане возникающий комплекс
эмоционально окрашен.

Обсуждаемые функциональные образования возникают в ког-
нитивной системе ребенка автоматически, в силу устройства его
нервной системы. В их составе могут преобладать элементы разной
модальности (температурные, кожные, обонятельные, вкусовые,
слуховые), они могут быть разного эмоционального знака – позитивного
или негативного. Совокупность таких комплексов образует
начальный объем сознания малыша, или, лучше сказать, его «пред-
сознания». Такие функциональные комплексы (ПФК) имеют двусоставную
природу: психологическую и физиологическую. Выше мы
аргументировали точку зрения, предполагающую, что субъективный
психологический компонент как способность к эмоциональному
переживанию в зачаточной форме присущ ребенку от рождения.
Встречается и более радикальная позиция, согласно которой каждый
живой организм от природы одушевлен (Тейяр де Шарден, 1955), что,
возможно, связано с существованием специализированных нейронов
(Соколов Е. Н., 2004). Развитие субъективного компонента обеспечи-
вается рассмотренным выше механизмом. По нашему мнению,
ПФК представляют начальную форму эмоционально окрашенного
представления ребенка, своего рода младенческую «пред-идею».

Психофизиологические комплексы включаются во многие фор-
мы реагирования малыша. С позитивным знаком они проявляются
в ситуации кормления, в первоначальных формах игры и общения;
с негативным знаком в ситуации протеста при неблагоприятных
воздействиях (мокро, болит животик, холодно). Положительное ре-
агирование выражается в голосовых проявлениях гуления, лепета,
мимики, улыбки, движений конечностей. Негативное – в плаче, хны-
канье, крике, искаженном личике, судорожных движениях тельца
и конечностей. С течением времени вместе с физическим развитием
ребенка расширяется круг его впечатлений и, соответственно, ПФК;
нарастает количество производимых ребенком ответных реакций.
Отметим, однако, что ПФК являются, скорее, промежуточными
образованиями когнитивной сферы, служащими материнской ос-
новой для образования более дифференцированных, а впоследст-
вии систематизированных когнитивных структур, составляющих

основу сознания человека. Одним из показателей этого является тот факт, что ПФК в своей *первоначальной форме* обычно не сохраняются в памяти ребенка. Однако *элементы* воспоминаний продолжают довольно долго обнаруживаться у подросших детей¹. Показано что развитие и разрастание состава ПФК происходит у младенцев удивительно интенсивно (Бауэр, 1985; Байаржон, 2000; Смит, 2000; и др.) Уже в возрасте 2–2,5 мес. дети замечают нарушение обычного порядка событий: «удивляются», если упавший сверху шарик не оказывается внизу, а скрывшаяся за ширмой тележка, заехав с одной стороны, не появляется с другой.

Любопытные факты по интересующей нас теме получены по отношению к возрасту около 9 мес., когда когнитивное поведение младенца приобретает внешне выражаемые формы, допускающие интерпретацию со стороны их внутреннего психологического содержания. Э. Бейтс в организованной экспериментальной ситуации изучала момент развития, непосредственно предшествующий появлению у ребенка первых слов и делала акцент на возникновении таких явлений, которые она квалифицировала как коммуникативные интенции, конвенциональные сигналы, символы (Бейтс, 1984).

В эксперименте создавалась следующая ситуация. Перед малышом на расстоянии, через которое он не может дотянуться, помещается привлекательный для него предмет – цель. Сбоку от младенца под прямым углом к линии, направленной от ребенка к цели, находится взрослый, к которому малыш может обратиться за помощью, что легко замечается в этих условиях.

По описанию Бейтс, все наблюдаемые дети проявляли следующие типичные черты поведения:

- обращались к взрослому, когда тянулись к цели, но не могли ее достигнуть; повторяли свои обращения и, как утверждает исследовательница, очевидно, осознавали действие своих сигналов;
- изменяли свои звуковые и жестовые сигналы, добавляя и замещая их в зависимости от поведения взрослого; поведение детей было направлено, скорее, на человека, чем на цель;
- включали использование индивидуальных форм сигналов.

Например, если ребенок нуждался в помощи взрослого, чтобы достать предмет, он использовал сигнал сжимания-разжимания пальцев руки, крихтенье при усилии, мог издавать другие звуки и шумы.

1 Наблюдаемая 3-летняя девочка, впервые побывавшая весной за границей и получившая там много ярких впечатлений, в августе того же года, через 3 месяца, иногда вспоминала отдельные впечатлившие ее ситуации, однако помещала их совсем в другой пространственный и временной контекст.

Эти разнообразные сигналы постепенно «ритуализировались», т. е. регулярно включались по определенному случаю. Поведение детей показывало, что они предполагали понимание со стороны взрослого.

На основании приведенных Э. Бейтс описаний мы провели логический анализ ситуации, позволяющий выделить психофизиологические комплексы, необходимые для успешного решения поставленной перед малышом задачи. Для выполнения описанных действий ребенок должен иметь, по крайней мере, следующие ПФК разного характера и степени конкретности:

- общую ориентировку в ситуации и существующей цели (приманки),
- желание (интенцию) получить приманку,
- понимание невозможности сделать это своими силами,
- понимание возможностей взрослого,
- желание побудить взрослого к тому, чтобы совершить необходимое действие,
- понимание возможности предпринять что-то самому (изменить форму воздействия и т. п.).

Эти ПФК, видимо, могут иметь диффузные формы, основываться на смутных чувствах, отрывочных впечатлениях и нечетких репрезентациях. Тем не менее без их участия поведение описанного вида не могло бы осуществляться, что заставляет признать факт их скрытого присутствия и действия. Напомним также, что рассмотренная довольно сложная семантическая структура обеспечивает поведенческие проявления малыша и не имеет в наблюдаемом возрасте отношения к функционированию вербального механизма.

В русле анализа скрытых семантических операций маленького ребенка проведена заинтересовавшая нас работа В. Д. Соловьева по изучению семантического состава отдельных слов ребенка в раннем периоде (Соловьев, 1988). Автор вел наблюдение за пониманием речи детьми в возрасте от 7 до 16 мес. жизни, используя такие слова, как *покажи*, *дай*, *возьми*, *нельзя*. Для анализа полученных фактов использовалось понятие валентности слов. Слова *встань*, *нельзя* квалифицировались как безвалентные, не требующие дополнительных пояснений; в отличие от этого глагол *покажи* оценивался как одновалентный (*покажи что?*), глагол *дай* – двухвалентный (*дай что? кому?*). Автор проследил динамику развития понимания используемых слов в разных возрастах. Он нашел, что маленькому ребенку до 9 мес. доступны только безвалентные слова, т. е. семантема отношения действия и предмета в этом возрасте отсутствует. На следующем возрастном этапе, в 9–12 мес., адекватность реакций ребенка градуально нарастает. В ответ на просьбу *дай нечто* в 9 мес.

малыш дает предмет, но только тот, который непосредственно держит в руках. В более старшем возрасте дается предмет, находящийся перед глазами, а затем уже тот, который надо предварительно найти. Тем самым выявляется, что семантема *дать взрослому определенный предмет* проходит определенный путь развития и лишь к 12 месяцам оказывается полностью сформированной.

Аналогичным путем идет формирование семантических падежей (по Филмору), что прослеживалось автором у ребенка, начиная с возраста в 12 мес. Раньше других ребенок начинает понимать отношения *что, кому, чей*, позднее *кто, где, куда, откуда*. Во всех этих продвижениях первичным фактором, согласно наблюдениям автора, является понимание детьми реальных отношений, лишь вслед за этим им становятся доступны грамматические формы, в которые эти отношения облакаются. Развитие указанных форм в нашей терминологии представляет собой формирование частных семантем, составляющих впоследствии элемент усвоения как семантики, так и грамматики.

По аналогии с тем, как мы рассматривали выше пример Э. Бейтс, представим схему семантического содержания, составляющего основу поведения малыша, реагирующего на просьбу дать что-то взрослому. Здесь присутствуют семантемы:

- общего понимания ситуации и предлагаемой просьбы (цели),
- желание (интенция) исполнить просьбу,
- проявление семантемы *дать* в форме передачи любого предмета (в возрасте около 9 мес.),
- проявление семантемы *дать* в форме передачи предмета, находящегося в руках (в возрасте между 9 и 12 мес.),
- проявление семантемы *дать* в форме передачи предмета, который должен быть найден (в возрасте 12 мес.).

Представленные в работе В. Д. Соловьева данные интересны в том плане, что позволяют увидеть «ювелирность» процесса формирования ПФК на раннем еще предречевом этапе развития младенца.

Онтогенез именованя. Символическая функция

Мы находим у детей в возрасте около года относительно развитую систему общения с окружающими. Ребенок в той или иной мере понимает обращенную к нему речь; у него сформирован круг выразительных вокализаций. Средствами выражения для малыша оказываются не только голос, но и различные движения – указывающие жесты, мимика, пантомимика. Еще не пользуясь языком, малыш подходит к такой ступени развития, когда весь «коммуника-

тивный каркас» у него созрел. Для дальнейших успехов в общении ему не хватает только конкретных слов. Каковы же механизмы, с опорой на которые малыш преодолевает стоящий перед ним барьер?

Момент появления у ребенка первого слова имеет свой секрет. «Имя всегда представлялось людям загадочной сущностью, первоосновой еще более загадочного явления – языка», – пишет Ю. С. Степанов (Степанов, 1985, с. 13)¹. И спрашивает: «Как возможны общие имена?» – и еще более остро: «Как возможно имя?» (там же, с. 17). Суть проблемы в том, что имя не имеет сходства или родства с именуемым объектом, оно из другого мира. Для его появления необходим специфический акт придания объекту имени (именования). В этом акте психологическое семантическое содержание (впечатление, мысль, представление об объекте) соединяется с физической формой, акустическим явлением, которое становится представителем психологического содержания.

Здесь заключена проблема, не всегда сразу понятная: что удивительного в имени и именовании? Люди повседневно дают имена – своим детям, животным, событиям, явлениям. Вспомним, однако, что мы даем имена тогда, когда находимся в круге языка и пользуемся, часто бессознательно, его возможностями. Вопрос для науки состоит в том, как в принципе это происходит и как могло произойти «изначальное» именование, например, у «доязыкового» человека, каким образом он «додумался» до возможности имени и каким образом его поняли остальные? Если мы узнаем это, то, возможно, поймем, по каким правилам именование производят младенцы, не обладающие даже начальными представлениями о языке. И наоборот: если мы разгадаем, как это происходит у ребенка, станет понятнее происхождение слова в филогенезе.

В возрастной психологии предпринимались попытки объяснить появление первых именовании у начинающего говорить младенца путем формирования временной связи, ассоциации, между звучанием воспринятого от взрослого слова и мысленным представлением называемого объекта. Возникновение общих слов объяснялось повторением и накоплением единичных случаев, их обобщением и, соответственно, появлением общего имени. Такого рода попытки наталкиваются, однако, на значительные трудности и во многом не отвечают фактам речевого онтогенеза. Так, проведенные наблюдения показали, что условия усвоения языка младенцем решительно отличаются от тех, какие необходимы для установления временной связи. Новые слова усваиваются ребенком обычно в естественном

1 Отметим, что термин имя понимается в современном языкознании, логике, философии для обозначения всего, что мы можем назвать, и относится не только к именам собственным, а к любому типу слов.

общении с окружающими, они извлекаются из текущего разговора. Ребенок не так уж часто сталкивается с сопоставлением звучания слова и обозначаемого им объекта. Соположение слова и объекта – не типичный в практике естественного усвоения языка случай. Не усматривается также важный для формирования временной связи стимулирующий, «подкрепляющий» момент. Неясно, каким образом слово (или его физический сигнал) может соединяться с субъективным впечатлением. Не разъясненным оказывается процесс формирования обобщения и возникновения общих слов. Указанное направление поиска к настоящему времени практически забыто, обращение к нему, видимо, было связано с расширительным пониманием условно-рефлекторной традиции.

При расшифровке загадки появления слова у ребенка Ж. Пиаже обратил внимание на развитие у него символической функции (Piaget, 1952). Э. Бейтс пишет об открытии ребенком принципа, согласно которому каждая вещь имеет свое имя (Бейтс, 1984). Рассмотрим обе идеи.

Понимание символической функции у Пиаже состоит в сведении ее к внутреннему подражанию, т. е. к мысленному воспроизведению внешнего события с помощью специальных средств, *ре-презентации*. Такого рода внутреннее подражание представляет, по сути, образ-обозначение, согласно Пиаже, оно может иметь различную модальность – не только звуковую, а, например, двигательную или предметную. Так, одна из дочерей ученого обозначала открывание спичечной коробки посредством открывания своего рта; другая использовала для обозначения подушки в игре кусок материи, на который она помещала свою головку, как бы укладываясь спать. Пиаже выделяет два типа обозначений: с помощью знаков – общих для данной социальной среды форм, с помощью символов – личных некодифицированных приемов обозначения. Начальные обозначения ребенка, по Пиаже, – это сугубо личные символы, часто они связаны с меняющимися в зависимости от опыта личными схемами действий малыша. Они достаточно далеки от категорий объективной реальности, на которые ориентируется взрослый человек.

Подробный анализ символической функции провела Элизабет Бейтс (Бейтс, 1984, с. 57–98). Символ определяется ею как такое отношение между знаком и его референтом, при котором знак рассматривается как принадлежащий своему референту и в то же время при определенных условиях отделимый от него. Она полагает, что целостная ситуация употребления символа содержит четыре части: объективное средство обозначения (например, слово «собака») и его референт в реальной действительности (само обознача-

емое животное), а также субъективное, психологическое средство обозначения и его ментальный референт. Установление отношения между этими частями для ребенка строится на двух типах психологических процессов: восприятию сходства и восприятию смежности. Наиболее адекватными для ребенка являются, по данным Бейтс, отношения иконического типа. Автор проводит различие между понятиями «репрезентация» и «символизация». Она полагает, что «...репрезентация создает ментальные целостности, символизация отбирает какие-то части, которые должны представлять это целое» (там же, с. 96). В своем анализе Бейтс приходит к вопросу, который, полагает она, останется без ответа до тех пор, пока не будет разработана адекватная теория, объясняющая, что заставляет ребенка выбрать звуковой, а не иной способ для называния или узнавания объекта (там же, с. 85).

Предложенные Ж. Пиаже и Э. Бейтс характеристики символической функции продуктивны. Особенно ценной представляется исходная идея Пиаже, увидевшего в оригинальных формах поведения маленького ребенка проявление значимого феномена детской психики. Тем не менее мы полагаем, что в расшифровке сути этого явления следует осознать, что любой акт символизации по необходимости включает *субъективный элемент* (пусть даже у маленького ребенка очень неясный), улавливающий *связанность (соединенность) слова и обозначаемого объекта*. Характер этих отношений и их происхождение могут рассматриваться путем анализа их механизмов. Выше с психофизиологической точки зрения анализировалось формирование начальных форм «пред-сознательных» психофизиологических комплексов, ПФК. Их включение в процесс именованья объектов позволяет обозначить путь появления первых слов ребенка. Для удобства изложения наших представлений используем схему, отражающую участвующие в процессе элементы, их взаимодействие и состояние в разные моменты онтогенеза малыша (рисунки 4.2а и 4.2б).

На стартовом, дословесном этапе эндогенные или отдельные экзогенные возбудители через перцептивные органы воздействуют на когнитивную сферу (в том числе на начальные семантические структуры, ПФК) и вызывают экспрессивную реакцию в виде телесных движений, включающих общую моторную и голосовую активацию, еще не имеющую форму слова. В ранний период жизни младенца типичный случай реагирования при негативных воздействиях – *крик и плач*. Благоприятные внешние условия (комфорт, сытость, телесное благополучие) вызывают реакции гуления, улыбку, спокойное бодрствование, сон. Механизм именованья у младенца еще не сформирован.

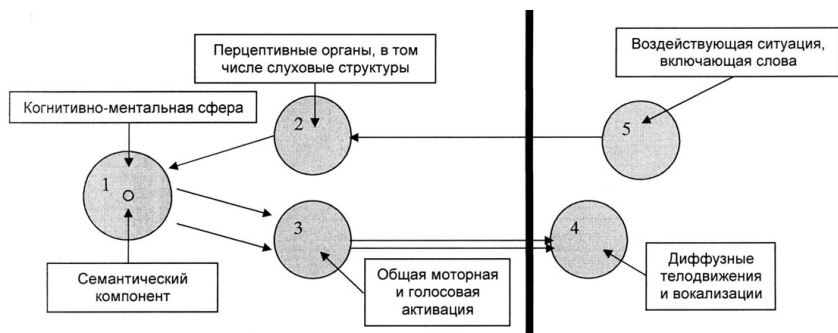

Рис. 4.2а. Механизм дословесного вокального реагирования младенца

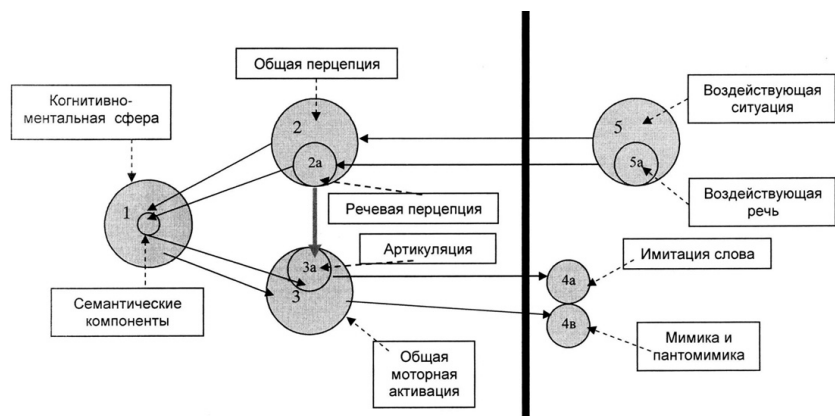

Рис. 4.2б. Формирование механизма именования

Примечание: На рисунке 4.2а и 4.2б показаны два ключевых момента формирования имени: а) в возрасте нескольких месяцев жизни, когда ребенок еще не говорит, но проявляет понимание некоторых жизненных ситуаций и б) в возрасте около 12 мес. при появлении первых слов. Левая часть схемы условно представляет внутренние психофизиологические процессы когнитивной сферы ребенка, правая – внешние воздействия и реакции ребенка. Окружностями обозначены действующие элементы протекающих процессов. Стрелки указывают направления воздействий.

Вектор дальнейшего развития – расширение круга воспринимаемых экзогенных воздействий, обогащение семантических структур, ПФК, нарастание позитивных психологических состояний новорожденного, реагирование на ситуации внешнего мира.

Прогрессивным моментом становится появление *имитативных вокализаций* младенца (к возрасту около полугода): восприятие речевых звуков включает в действие так называемые «зеркальные нейроны» и приводит к попыткам ребенка (нередко достаточно успешным) к воспроизведению фрагментов услышанных слов. В органе слуховой перцепции активизируется контакт с артикуляторным аппаратом (Kuhl, 1994; Ляксо, 1993; и мн. др.).

Другим действующим фактором развития событий оказывается рассмотренная выше особенность ПФК младенцев, состоящая в том, что внешняя ситуация воспринимается ими генерализованно, диффузно: слова и вся речь окружающих оказываются как бы слитыми с ситуацией. Это проявляется в том, что название объекта составляет для ребенка неотъемлемую часть ситуации (нижняя часть рисунка, правая сторона). Такое явление неоднократно описывалось исследователями речевого онтогенеза и обсуждалось в работах по детской речи под названием «словесного реализма». Он заключается в том, что дети не только младенческого, но и более старшего, дошкольного возраста относятся к словам как органичной части объектов. Например, слово *корова* они считают такой же принадлежностью коровы, как ее рога, хвост и т. п. (Tanz, 1978; Найсер, 1981; Выготский, 1956 и др.).

В первых проявлениях вербальной функции мы видим еще одну особенность, вносящую свой вклад в формирование акта именованя: детские смысловые вокализации обнаруживают побудительную сторону в действии речевого механизма. Она проявляется в том, что еще не знающий слов малыш уже *стремится сообщить* о возникающих у него впечатлениях. Эта особенность речевого механизма, как показывают многие факты, сохраняется у человека на протяжении всей жизни и, видимо, заостряется в старческом возрасте. В дошкольном детстве она проявляется в так называемой эгоцентрической речи (Пиаже, 1932), состоящей в экспрессии психических состояний ребенка, не направленной на общение. По сравнению с первыми словами годовалого ребенка она значительно обогащена лексически, подчинена грамматическим правилам. Этими чертами она обнаруживает результат того интеллектуального и вербального развития, которое получил малыш за прошедшее время. Однако ее «энергетическая суть» – все та же, что и у первых детских слов. Эту сторону мы называем интенциональной.

На основании отмеченных особенностей – развития линии голосовых имитаций, генерализованности восприятия, интенциональной составляющей – рецептивно-семантико-моторный аппарат ребенка к возрасту около года оказывается готовым к приобретению *функции именованя*. По схеме (рисунок 4.2б) можно видеть, что

при восприятии воздействующей ситуации, включающей слово, происходит неоднородный по структуре процесс. В сфере когнитивной репрезентации активизируется ранее сформированный психофизиологический комплекс, соответствующий воздействующей ситуации (на рисунке 4.2б – косые стрелки справа налево); одновременно возбуждаются слуховые структуры, передающие импульс на артикуляторные органы, «настроенные» на возможность имитировать воздействующие звуки (на рисунке 4.2б – вертикальная стрелка вниз). Здесь вступает в действие экспрессивная способность, которая из когнитивной сферы и ее семантического ядра подает импульс на артикуляторный аппарат (на рисунке 4.2б – косые стрелки слева направо). Этот импульс суммируется с заготовленной активностью от слухового анализатора и ФПК, следствием чего становится выведение вовне имитативной вокализации, близкой по звучанию предлагаемым извне словесным образцам. Итогом такого рода взаимодействий становится произнесение ребенком звукокомплекса, с одной стороны, похожего на услышанное слово, с другой – в той или иной степени «осмысленное», поскольку оно связано с семантическим состоянием ребенка и соответствует предлагаемой ситуации. По внешним признакам это акт именованья. Имитирующая вокализация (имя), с одной стороны, выделяется из общего впечатления о воспринимаемой ситуации, а с другой, оказывается «прилепленной» к ней. Такого рода ситуация в большой мере соответствует характеристике символа, предложенной Э. Бейтс, согласно мнению которой символ одновременно и принадлежит своему референту, а при определенных условиях отделяется от него (Бейтс, 1984).

Приведем общий перечень компонентов, необходимых для формирования имени у ребенка:

- наличие и развитие психофизиологического семантического компонента (ПФК), что обеспечивает семантический характер всей реакции;
- имитативная активность артикуляторного аппарата, обеспеченная его контактом со слуховым анализатором; следствие – голосовая имитация (не всегда точная) услышанного слова;
- синкретичность, нерасчлененность восприятия воздействующей ситуации, что образует связанность словесного артикулирования с другими компонентами ситуации;
- действие экспрессирующего (интенционального) импульса в направлении ФПК и артикуляторных органов, что служит основанием активирования целостной происходящей реакции.

Рассмотрим дополнительно отдельные моменты, привлекавшие внимание исследователей речевого онтогенеза. Вспомним, что в анализе символической функции Э. Бейтс поставлен вопрос о побудительных силах, заставляющих ребенка выбрать звуковой способ для назывании объекта или его узнавания (там же, с. 85). Мы полагаем, что имеющиеся у нас данные позволяют дать предположительный ответ на этот вопрос. Сложно координированный процесс формирования имени включает компонент голосовой имитации, получающий развитие в предваряющем опыте ребенка, соответственно, дающий облегчение его включению в общую структуру реагирования. Рассмотрим это утверждение на примере анализа в известной мере типичной жизненной ситуации.

Во время прогулки малыш заинтересовался встреченной собакой, а взрослый поясняет: «Это собачка, *ав-ав!*» При повторении подобных встреч вырабатываются ПФК и ребенок *узнает* собаку. Узнавание проявится в виде *репрезентации* (в смысле Пиаже), мысленного воспроизведения ситуации. Это может выражаться в различных формах, например жестовых. Как это описывает Э. Бейтс, ребенок 13-месячного возраста в игре часто применяет такие схемы, где объект «узнается» путем воспроизведения деятельности, связанной с объектом: малыш подносит к уху трубку игрушечного телефона, прикладывает кукольный башмачок к ноге куклы и т. п. (там же, с. 63).

В нашем примере с собакой ребенок имеет выбор изобразить ее, скажем, став на четвереньки, или другим двигательным способом (что он порой и делает). Однако малыш обычно предпочитает использовать для обозначения звук. Причину этого мы видим в том, что звуковой канал как путь выражения внутренних состояний находится у него в латентной или актуальной активации, о чем свидетельствуют обычные детские вокализации. Действие «зеркальных нейронов» способствует приближению вокализаций ребенка к форме слов окружающих. В предложенном объяснении, мы полагаем, содержится вариант ответа на вопрос Э. Бейтс.

Интересенный для обсуждения вопрос обращен к характеристике самих первоначальных символов ребенка. Пиаже подчеркивает субъективность приемов обозначения, используемых малышом, их связанность с его личными схемами действий, удаленность от категорий реальности взрослого человека. Отмечается многомодальность символов. Эта характеристика близка нашим представлениям о ранних формах ПФК, высказанным выше.

Вместе с тем в анализе раннего детского символа нам представляется важным подчеркнуть значение его словесной формы. Сло-

во, произнесенное ребенком в акте именованя, как это показано на рисунке 4.2.б, на следующем этапе онтогенеза приобретает возможность самостоятельного влияния и развития. Прозвучавшее слово вызывает в когнитивной сфере соответствующие ПФК, т. е. активизирует представление ребенка о произошедших событиях, а тем самым тренирует его образную сферу. Словесное воздействие способствует повторению имитативных артикуляций малыша и их укреплению. Нарастание функционирования обсуждаемой сферы закладывает основу формирования логогенов и их накопления, т. е. строительству лексической системы языка. Не менее важно и то, что различные словесные сигналы по механизму векторного кодирования могут становиться материалом для последующего уровня обобщения и классификации. Это значит, что словесный сигнал кладет начало символической деятельности человека в полном смысле этого термина. Эта деятельность приобретает в дальнейшем важнейшее значение во всей его когнитивной умственной деятельности.

Предложенное видение перспективы вербального развития, берущего начало в акте именованя, находит подтверждение в панораме детского словотворчества, открывающейся в возрасте 2–2,5 лет. Материалы по этой теме подробно рассмотрены в главе 5.

Интенции как сторона семантического развития

Приведенные выше материалы оставляют открытым вопрос о причинных основаниях семантического развития маленького ребенка в раннем дословесном возрасте. Согласно развиваемой нами теории, они связаны с интенциональным механизмом психики, играющим важную роль в формировании и функционировании вербального механизма.

Эта тема многократно освещалась ранее в наших публикациях (Ушакова и др., 2000; Ушакова, 2004, 2006), что дает нам возможность лишь бегло затронуть ее в этой книге. Понятие *интенция* довольно широко используется в общей психологии, особенно в современной психолингвистике. Этим термином обозначается действенная сторона психики субъекта, активность его сознания, проявляемая в поведении человека, в том числе в его речи. Интенциональность, по нашей гипотезе, основана на том, что мозг человека, подобно остальным органам тела, наделен потребностью и способностью выведения вовне (экстериоризации) образующихся в нем внутренних активных состояний.

В коллективе руководимой нами лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН проведены многие исследования интенционального механизма в структуре речевой деятельности взрослого человека. Интенциональное поведение ре-

бенка в раннем дословесном возрасте изучалось в совместной работе (Белова, 2005; Ушакова, Белова, Громова, 2007), его результаты излагаются в следующем разделе текста.

Интенции ребенка в раннем возрасте¹

Намерение осуществить то или иное действие, а также выразить поведенческими и голосовыми средствами имеющееся психологическое переживание рассматривалось в работе как проявление побудительного начала в поведении ребенка. Выше отмечалось, что в возрасте новорожденности интенциональный импульс вызывается относительно простыми психологическими, преимущественно эмоциональными состояниями: болью, голодом, испугом и др., а также выражается наиболее простыми вокальными средствами: криком, плачем. Примечательно, однако, что уже через две недели после рождения плач и крики младенца приобретают разные оттенки выразительности (требования, жалобы, страдания и т. п.), начальную форму действенности. Этот факт свидетельствует в пользу интенциональной природы самых первых детских вокализаций и дает основание считать их своего рода «прединтенциями». По мере взросления младенца набор его «прединтенций» расширяется и специализируется, его действия приобретают активность и целенаправленность, что превращает их в полноценные интенциональные акты.

В обсуждаемой работе внимание исследователя было направлено на тот возраст, когда интенциональные проявления приобретают форму активности и произвольности, что легко идентифицируется приблизительно с 5 мес. Под произвольностью понимается «не реактивность» действия, его инициирование со стороны ребенка, выраженная целенаправленность, что соответствует разработке этого понятия Ж. Пиаже (1984). Такие самопроизвольно выполняемые малышом акты, выражающие его желания и направленности, квалифицировались как интенциональные.

Наблюдения велись С. С. Беловой за сыном Эмилем, начиная с его рождения и до 2,5 лет. Мальчик был первым и единственным ребенком в семье молодых родителей, имеющих высшее образование. Физически ребенок развивался нормально, тяжелых заболеваний и выраженных стрессов не переносил. Углубленное изучение данного случая позволило получить ценные в контексте поставленных задач материалы и провести впоследствии экстенсивное исследование на более широком круге детей (56 человек), которое было направлено на то, чтобы получить подтверждение о репрезентативности выявленных у Эмиля форм поведения. Общий смысл по-

1 Раздел подготовлен совместно с С. С. Беловой.

Рис. 4.3. Интенциональные явления на раннем этапе развития речи

лученных материалов позволяет, по предварительным результатам, с доверием относиться к фактам, обнаруженным в поведении Эмиля.

Для каждой интенции регистрировались время возникновения, динамика поведенческого и вокального выражения, набор ситуаций проявления. Выделенные интенциональные явления образовали содержательные группы, показанные на рисунке 4.3.

- 1 *Предметные интенции* включали желание получить/достать предмет (время возникновения – 5 мес.), желание выполнить действие с предметом, предусмотренное его назначением (10 мес.), побуждение взрослого сделать с предметом что-то, что не получается у самого ребенка (14 мес.). В центре отношения ребенка к этим явлениям – желание манипулировать привлекательным предметом.
- 2 *Интенции привлечения взрослого к совместным занятиям* отмечались в ситуациях, отличающихся от тех, где действовали предметные интенции. Сюда вошли инициация ребенком чтения вслух для него взрослым (13 мес.), совместных с взрослым игр (19 мес.) и подобных им занятий, а также поведение, направленное на возвращение отсутствующего человека (17 мес.).
- 3 *Интенции протеста и отказа* заключались в поведении, останавливающем действия окружающих. Их первые проявления отмечены в возрасте 14 месяцев, а появление отказа – в 17 месяцев.
- 4 *Интенция поддержания чистоплотности*, развитие которой активно форсировалась взрослыми, проявилась в возрасте 18 месяцев.

- 5 «Комментирующая» интенция состояла в желании ребенка активно говорить и неоднократно повторять то, что он оказывался способен произнести в конкретный момент своего развития (11 мес.).

Из выделенных С. С. Беловой видов интенций временно оставим в стороне так называемые «комментирующие» интенции в силу особенностей стоящих за ними ментальных операций. Остальные виды объединяем по тому основанию, что с каждым из них отчетливо связываются те или иные *непосредственные действия*: достать (получить) предмет, вызвать у взрослого некоторые действия, отказаться от навязываемых действий, реализовать потребность в опрятности.

Раньше других у малыша обнаружилось *предметные интенции*: уже в 5-месячном возрасте, желая получить предмет, он тянет к нему руки, делает хватательные, шлепающие движения, издает единичные вокализации, выражает усилие или сожаление при неудаче. В предметно ориентированных действиях отражены собственные усилия ребенка и отношение к результату, т. е. он совершает произвольные действия, выражающие его интенциональную направленность. Одна из важных особенностей ранних предметных интенций (в 5–10 мес. возрасте) – в них нет выраженной коммуникативной составляющей. Этого вида интенции проявляются не только в присутствии, но и в отсутствии других людей, когда ребенок один на один с желаемым предметом. Позднее ситуация меняется: в 10 мес. малыш стремится к участию взрослого, а в 14 мес. уже использует прямое обращение за помощью, если сам не достигает успеха в получении желаемого предмета. Раннее проявление предметных интенций и их необязательная связанность с коммуникативными отношениями ребенка со взрослыми (особенно на первых шагах) дает основание считать, что их появление опосредовано не столько социальными влияниями, сколько природным фактором.

Другая линия полученных данных состоит в том, что возникает возможность проследить связь интенций с вокальными проявлениями ребенка и изменение характера этой связи в ходе развития.

В предметных интенциях в возрасте 5–10 мес. экспрессия физического усилия выражается либо единичными вокализациями, кряхтением, стонами усилия, натуги, либо при неудаче стонами усталости, сожаления, скулением. В 10 мес. дополнительно к тем же вокализациям неудача вызывает громкий крик, похожий на плач. В 13 мес. появляется вокализация «*да-да-да!*» (= *дай-дай-дай!*). Ближе к полутора годам возникают обозначения действия и желаемого предмета: «*дай-дай-дай!*» или «*груша!*», а также – «*грушу*» (в вин. падеже). Наконец в 20 мес. появляются грамматически хорошо

Таблица 4.1
Вокальное сопровождение предметных интенций

Возраст (мес.)	ЭКСПРЕССИЯ УСИЛИЯ		ЭКСПРЕССИЯ НЕУДАЧИ
	Получить предмет	Выполнить действие с предметом	
5	Единичные вокализации, крихтение, стоны усилия, натуги		Стоны усталости, сожаления, скуление
10	-//- Взгляд, обращенный то к предмету, то к взрослому, вытягивание вперед руки	Единичные вокализации, крихтение, стоны усилия, натуги	-//- Громкий крик, похожий на начало плача
13	«Стон» усилия, «да-да-да!» (= дай-дай-дай!)	-//- Приносит и подает предмет; делает резкий кивок головой (= да!); встречается взглядом со взрослым; изображает усилие напряжением рук	Крик недовольствия, переходящий в плач со слезами
16	«Дай-дай-дай!» (если не может назвать предмет) или «груша!»	-//-	Долгий плач
18	«Грушу!» (в вин. падеже)	«Мама!» (= мама, крути!)	«Никак!»
20	«Дай, мама, грушу!»	«Мама, крути!»	«Никак не получается!», «Не могу!»

оформленные высказывания: *«Дай, мама, грушу!»*, *«Мама, крути!»*, *«Никак не получается! Не могу!»*.

Аналогичные этапы развития вокализаций наблюдаются в интенции побуждения взрослого к определенным действиям: инициирование взрослого к чтению (с 13 мес.), пению (с 18 мес.), игре в прятки, бегу, катанию на игрушечной машине (с 19 мес.), рисованию (с 20 мес.). Побуждение к чтению первоначально выражалось невербально: ребенок молча приносил книгу, давал взрослому в руки или клал на колени, прижимался, устраивался поближе; в 20 месяцев уже звучало: *«Почитай книжку, мамочка!»*. Приглашение к пению, катанию, рисованию заключались в конструкциях повелительного характера: *«Про собаку!»* (название песни), *«Спой!»*, *«Катить!»*, *«Рисовать!»*. Игра в прятки и бег инициировались тем, что ребенок начинал игру сам (загораживался занавеской или бегал по комнате) и выразительно ожидал подхватывания со стороны взрослого.

Словесное обозначение ребенком своего намерения возникает в разное время. Раньше других обозначаются предметные интенции

словами «Дай» (14 мес.) и «Помоги!» (17 мес.). С 18 мес. вербализуются интенции привлечения взрослого к совместным занятиям: «Давай поиграем (почитаем)» и т. п. Позднее других проявляются интенции протеста (возможно, это особенность детей, растущих в благоприятных условиях): «Остановись!», и отказа: «Нет!».

В указанных фактах можно отчетливо видеть путь возникновения семантического содержания глаголов в речи малыша. Это особенно интересно, поскольку в литературе часто встречается авторское недоумение по поводу «усвоения» очень маленькими детьми таких абстрактных лексических форм, как глагол. Это недоумение не находит объяснения в рамках используемых традиционных «социологических» представлений. Принятый нами ракурс исследований обнаруживает простоту его разрешения: к годовалому возрасту дети приобретают опыт практической – дословесной – семантики глаголов. Скажем, желание получить некоторый предмет, переживание соответствующей интенции, ее удовлетворение через конкретные действия передачи предмета связывается в результате ряда повторений с глаголом *дать*, *дай*. Этот опыт наживается не абстрактно, а путем непосредственного осуществления определенных действий. Такое понимание представляется справедливым и в отношении других интенций: побуждения взрослого к совместным занятиям, интенции протеста и отказа от предложений и действий взрослого.

Глубокая связанность первых детских глаголов и реализуемой интенции проявляется в постоянно воспроизводимом факте: первые слова ребенка однозначно и твердо соответствуют по своей семантике характеру интенции, которую они «обслуживают». Так, стремясь получить игрушку, ребенок говорит «дай-дай-дай»; желая отказаться от чего-либо – «нельзя» и т. п. Но никогда наоборот.

В полученных материалах отметим наиболее значимые, с нашей точки зрения, черты. Во-первых, интенции и их реализации обнаруживают себя как своего рода «полигон», благоприятствующий (скорее необходимый) развитию и обогащению семантических содержаний, соответствующих тем или другим ситуациям. Во-вторых, четко выделяется момент включения коммуникативного (социального) компонента в семантическую сферу и поведение малыша: в 10 мес. впервые появляются жестовые обращения к взрослому, использование конвенционального символа; в 13 мес. используются словесные знаки, первоначально состоящие в назывании взрослого, а к 20 месяцам они приобретают развернутую словесную форму, используются обращения, повелительное наклонение. Значение коммуникативного компонента подчеркивается тем, что первые детские слова по своей форме обычно с той или иной степенью точности соответствуют словам окружающих людей.

В целом исследование интенций ребенка в раннем, еще дословесном, периоде развития ясно показывает важную особенность пути формирования семантической сферы малыша: приобщение к действенной и коммуникативной сферам его жизни.

Как сказано выше, в исследовании был отмечен еще один вид интенций, проявляющихся в форме комментирования. Это явление имеет непосредственное отношение к вопросу о побудительных основаниях использования ребенком словесной речи. Как отмечалось выше, существует мнение, что дети «открывают принцип»: каждая вещь имеет имя, называется (Bates et al., 2001). Эта позиция опирается в большой мере на тот факт, что в возрасте обычно вскоре после 12 мес. наблюдается период, когда дети с большой скоростью увеличивают объем своего лексикона (он получил название лексического взрыва – *lexical spurt*). Причину такого «взрыва» исследователи объясняют «открытием принципа» и, видимо, само собой предполагают возможность и необходимость его использования ребенком. Нам представляется сомнительным предположение об открытии принципа и тем более возможность его активного применения. В возрасте 10–12 месяцев ребенок имеет недостаточно высокий уровень интеллектуального развития для того, чтобы открывать абстрактный принцип именованной вещи. Сомнение вызывают также побудительные возможности этого принципа. Желание ребенка говорить и использовать слова должно, по нашему мнению, направляться более глубинной силой.

Предположению об «открытии ребенком принципа» можно противопоставить предположение, что принцип связи слова и вещи не столько открывается, сколько становится результатом накопления опыта маленьким ребенком и выработки соответствующего обобщения. Многократное повторение слова, связанного с воспринимаемым предметом (как это наблюдается на первом этапе развития комментирующей интенции), служит выработке обобщенной ассоциации (Шеварев, 1998) «предмет – называющее слово». Отсюда и возникает поиск слова при восприятии нового еще не именованного объекта, что, конечно, составляет мощный рычаг для освоения лексики действующего языка в его субстанциональной части. Если высказанное представление верно, то в этих процессах ясно проступает взаимодействие и переплетение природных и социальных факторов на первых этапах овладения языком у малыша.

В свете высказанных суждений специальный интерес вызывает исследование С. С. Беловой, где рассматривается развитие у маленького ребенка так называемой комментирующей интенции, связанной с употреблением не только глагольных, но и субстан-

циональных слов и целых выражений. Она развивалась у ребенка следующим образом.

С 11 мес. комментирование проявлялось в том, что при попадании в поле зрения ребенка предмета или лица, которое он мог назвать, он обязательно (или очень часто) радостно называл его, как бы устанавливал наличие факта (например, на прогулке называл каждый проезжающий трамвай, каждую бегущую мимо собаку, каждую проезжающую машину). Такое название не было адресовано окружающим, создавалось впечатление, что ребенок вспоминал вслух слова при столкновении с известными явлениями.

В 16 мес. к такому называнию добавилось комментирование действий (например, ребенок говорил «*на горку!*» в значении «*я бегу на горку*»). С 17 мес. появились предложения в телеграфном стиле («*Папа бай*», «*Баба здесь*»). Описанные словесные проявления объединяет то, что ребенок инициативно называл знакомые вещи. Впоследствии подобное комментирование (называние) приобрело более выраженный коммуникативный характер.

В 19 мес. ребенок начал показывать на предметы, названия которых были ему еще не знакомы, и указывать на их обладателя (например, говорил «*это папин!*» на дискету). В данной ситуации он сообщал то, что ему было известно о предмете – его принадлежность определенному лицу. В подобной ситуации находившийся рядом взрослый, как правило, называл предмет и поощрял повторение слова.

В 20 мес. ребенок начал употреблять фразу «*Это называется...*». Она активно применялась в отношении давно известных предметов, неоднократно повторялась. Ребенок уловил и выделил момент называния из речи взрослых и стал активно называть сам и даже использовать фразу для узнавания нового слова.

Комментирующая интенция существенно отличается от рассмотренных выше предметных интенциональных направленностей. Последние понятным образом включены в текущую деятельность малыша и, как показано, связаны с формирующимися представлениями ребенка о поведении в жизни. Эти особенности не присущи комментирующей интенции. Как можно понять ее сущность и направление развития?

Первая ступенька этого развития – называние известных встречающихся предметов – по своему проявлению напоминает картину эгоцентрической речи ребенка, описанную Ж. Пиаже (1932), а позднее исследованную Л. С. Выготским (1956) и многими другими авторами. Эгоцентрическая речь наблюдается у детей в возрасте от 3 лет и старше и состоит в произнесении слов, предложений и целых повествований в ситуации, когда дети как бы говорят сами

с собой. В возрасте 11–12 мес. ребенок обычно еще не говорит фразами, но его отдельно произносимые слова, так же как при развитой эгоцентрической речи, не адресованы окружающим, т. е. воспроизводят основную особенность эгоцентрической речи. Таким образом, рассматриваемые проявления представляют собой, вероятно, раннюю форму эгоцентрической речи. Можно видеть связь такого рода речевых проявлений с интенциональными проявлениями психики ребенка. По предложенной ранее гипотезе, интенция представляет собой некоторого рода импульс к произнесению, если в когнитивной системе человека возникла активность, вызванная внешним воздействием (Ушакова, 2004).

Согласно фактам, развитие комментирующей интенции выливается, в конечном счете, в познавательный поиск «Как это называется?». Момент возникновения у малыша понимания связи слова и объекта подробно рассмотрен выше. Встает вопрос, каково значение возникающих раз за разом актов именованного данного типа для последующего речевого развития младенца? Можно высказать несколько взаимосвязанных предположений. Во-первых, многократное повторение именованного, возможно, способствует выработке стереотипа или обобщенной ассоциации (Шеварев, 1998), которая составит базу для обобщения: *каждая вещь имеет имя*. Такого рода обобщение – важный элемент речевого онтогенеза (Бейтс, 1984). Дети дошкольного возраста ясно обнаруживают владение им в своих частых обращениях к взрослым с вопросами, касающимися различных предметов: *Как это называется?* Обсуждаемое явление – свидетельство возникновения особого способа именованного – вербального объяснения через включение других слов, что невозможно на предыдущем этапе развития младенца. Этот новый для ребенка тип именованного действует и у взрослого человека: при овладении новыми областями знания и особенно при изучении иностранных языков.

Можно предположить, что *ассоциативные процессы*, связывающие впечатления от воспринимаемых объектов с восприятием звучания называющих их слов, играют важную роль и в речевом онтогенезе. Наблюдения показывают, что они вступают в действие в раннем возрасте: свидетельством чего служат широко практикуемые воспитателями разного рода словесные клише, приспособленные для выработки и поощрения межсловесных ассоциаций у детей (*Гуси, гуси – га-га-га; Обезьяна – чи-чи-чи* и др.). На основе объединения локально существующих словесных структур (часто это структуры, соответствующие отдельным именам) образуется «*вербальная сеть*». Тогда имена теряют изолированность и превращаются тем самым в слова языка, его лексическую составляющую.

Образуется стабильно сохраняющаяся область индивидуального знания, вербальная память.

Выше отмечалось значение актов ранних детских именовании в создани основы для развития символической функции. Символическая функция реализует репрезентацию связанной с символом ситуации. Отделяясь от своего объекта, символ допускает оперирование с ним взамен самого объекта, а это уже – начало абстрактного мышления. Повторение акта символизации на различных объектах способствует выработке и закреплению умственного навыка, тесным образом связанного с развитием интеллекта ребенка.

Ранние имитативные именованя маленького ребенка дают основание для включения «социального подкрепления» со стороны окружающих. Начальные именованя малышей, как правило, вызывают одобрение, часто бурно выражаемое, со стороны членов семьи, находящихся в ожидании успехов в развитии речи своего чада. Такое одобрение, возможно, играет роль подкрепления, стимулируя ребенка к реализации акта именованя, происходящего в его когнитивной сфере относительно автоматически.

Семантические особенности первых слов ребенка

Первые детские слова возникают у здорового малыша обычно к 12 месяцам его жизни. Однако дата эта условная, отступления от правила многочисленны. По статистике наблюдается небольшое, но систематически более раннее возникновение первых слов у девочек (Бейтс). Впрочем, известны случаи сильных опозданий на этом этапе развития у многих здоровых детей, мальчиков и девочек. Наблюдается порой и другой вариант событий, когда задержка появления слов у ребенка является признаком неблагополучия его общего интеллектуального развития. Важно своевременно различить эти случаи.

Многие авторы старого и нового времени писали о начале словесной речи ребенка. Одно из лучших, по нашему мнению, описаний и анализ этого периода речевого развития дается А. Н. Гвоздевым, хотя исследование выполнено автором давно, в 1920-е годы (Гвоздев, 1961). Образцы речевой продукции наблюдаемого мальчика, сына ученого, собраны с большой тщательностью. Будучи профессиональным лингвистом, А. Н. Гвоздев использовал фонетическое письмо для передачи звуковой формы детских слов, что позволяет осуществлять глубокий анализ материала другими исследователями детской речи (см., например, работы В. И. Бельтюкова). Обращает на себя внимание систематичность и непредвзятость рассмотрения материала, без стремления поместить его в заранее намеченные

рамки. Можно без опасения использовать данные А. Н. Гвоздева в контексте современных научных исследований.

Основной признак, по которому раннее слово ребенка А. Н. Гвоздев отличает от предшествующих вокализаций, – это связывание звука со значением, иначе говоря – осмысленность произведенных малышом звучаний. Первые детские слова имеют ярко выраженную специфичность, относящуюся не только к их фонетике, но и смысловой нагрузке. А. Н. Гвоздев отмечает, что отдельные произносимые ребенком слова не являются извлечениями из более крупных синтаксических единиц, а представляют собой целые предложения. Это очевидно из их значения и интонации: «...по своему значению они представляют законченное целое, выражающее какое-нибудь сообщение, и равняются в этом отношении предложениям в языке взрослых, например, слово «кас'а» может быть «переведено» на язык взрослых в одних случаях «дай кашу», «хочу каши», в других – «вот каша». Характерно, что одно и то же слово-предложение может выражать разные семантические содержания. А. Н. Гвоздев предлагает различать их семантику по двум признакам: сопровождающих их интонациям и ситуативному контексту. На основе интонаций – по аналогии с теми, какие используются взрослыми – выделяются: повелительность (желания, требования), номинативность (называние, обозначение предметов и явлений), звательность. Подчеркивается, что особенно часты случаи называния («номинативность»): «...ребенок то и дело констатирует наличие представляющихся ему предметов и явлений» (там же, с. 162). Эта же особенность отмечена в рассмотренной выше работе С. С. Беловой (2006).

Установление значения слова-предложения по контексту каждый раз индивидуально и поясняется на основе выразительных примеров. Так, ребенок настоятельно произносит слово *сундук*, показывая на щель между сундуком и стеной, желая дать понять, что его игрушка упала и лежит за сундуком. Часто произносятся имена людей для обозначения принадлежащих им предметов: малыш указывает на корзинку тети и произносит слово *тетя*. Предметы могут обозначаться связанными с ними действиями: карандаш называется словом *пиши*. То же слово *пиши* используется при обращении к отцу с требованием рисовать.

В своих ранних словах ребенок безразличен к их форме: используя обычно существительные в именительном падеже, он в то же время спокойно употребляет грамматически неуместные формы. Так, слова *папа*, *мама*, *тетя* звучат для обозначения притяжательности *папин*, *мамин*, *тетин*. Детское слово *молока* заменяет именительный падеж, поскольку усвоено оно, скорее, из контекста

«хочешь молока», «на молока». Стадия однословных предложений наблюдается у ребенка с 1,3 до 1,8.

Попробуем использовать приведенные данные в контексте модельных представлений о начальном моменте процесса именованя, показанном выше на рисунке 4.2б. В модели показано, что ребенок воспринимает сложную ситуацию, включающую, кроме других, словесные стимулы. Отражение этой ситуации создает в когнитивной системе младенца целостную, недифференцированную репрезентацию. Слово оказывается связанным со многими вариантами и элементами воздействующей ситуации. Это обстоятельство проявляется в семантике первых детских слов. Тогда слово *каша* появляется при желании мальчика получить кашу или отказаться от нее, при виде мамы, несущей кашу, и т. п., что фактически и отмечается в материалах А. Н. Гвоздева. Специфика этого момента в том, что описанные в модели операции приводят к «скреплению» звукового паттерна и семантического компонента в «автоматическом» режиме, формируя принципиально важный момент в процессе – возникновение отношения «внешнее событие (предмет) – вокализация (слово)».

В дальнейшем развитии детской речи А. Н. Гвоздев отмечает появление предложений из двух слов-корней. После 4–5 месяцев использования однословных предложений ребенок начинает время от времени, сначала не часто, включать в свои высказывания соединения двух слов. Слова эти, как и прежде, не имеют грамматической формы. Примеры: *Тося там* (указывая на девочку), *Зайчик сундук* (уронил зайчика за сундук) и др. В возрасте после 1,9 такие предложения становятся для ребенка обычными. Членимость двусловных предложений на два полноценных слова подтверждается тем фактом, что входящие в состав высказывания слова употребляются изолированно и в других сочетаниях. Выделяются типы отношений между словами ранних двусловных предложений, это: 1) субъект и его действие, 2) действие и его объект или место действия.

В конце 1 года 10 мес. возникают трех- и четырехсловные предложения, а, самое главное, начинают использоваться первые формы слов. Это выражается в том, что употребляемые ребенком слова находятся в определенном грамматическом согласовании. Так, субъект согласуется с выполняемым действием или состоянием: *Дождик течет, Женя гулял, Вода текла, Папа встал* и др. Аналогичным образом глагол согласуется с зависимыми словами: *Лови рыбу, Дай котлетку, Папа дрова руби иди, Мама на стуле сидит хорошо, Налей воды в кружку* и мн. др.

В целом на протяжении небольшого времени от 1 года 10 мес. до двух лет происходят заметные перемены в вербальном пове-

дении ребенка. Значительно увеличивается объем используемых предложений, кроме двусловных в обиход входят многословные, вплоть до пятисловных. Развиваются падежные формы существительных, обозначение единственности и множественности; временные обозначения глаголов, кроме существительных и глаголов, возникают наречия.

Начальный семантический лексикон ребенка

Семантическим лексиконом мы будем называть совокупность элементов психологического содержания, «смыслов», находящихся в тех или иных вербальных формах, употребляемых маленьким ребенком. Целесообразно различать два вида семантических элементов: А) соответствующих объектам внешнего мира, их действиям и характеристикам (например, мама, папа, машина и др.; идет, спит и др., хороший, красный и др.) и Б) обозначающих те или другие общие качества (предметность, активность, связанность со временем, пространством и т. п.).

Семантический лексикон типа А подробно представлен во многих дневниковых наблюдениях, сделанных главным образом родителями. Наполнение этой части лексикона начинается с объектов ближайшего окружения младенца, лексический запас постепенно расширяется по мере все более полного знакомства малыша с окружающим миром. Содержание семантического лексикона детей, растущих в благополучных семьях, относительно единообразно: это *мама, папа*, другие окружающие люди, домашние животные, машины, действие приобретения (*дать*) и др. Достаточно рано проявляется гендерная акцентуация, выражающаяся у мальчиков в интересе к машинам, техническим устройствам, оружию, у девочек – к куклам, животным, украшениям. Тема организации и содержания семантического лексикона типа А интересна в том плане, что в нем находит отражение социальная ситуация развивающегося малыша, ориентация его интеллекта, гендерная направленность.

Еще более значимым оказывается характер семантического лексикона типа Б, вскрывающий путь когнитивного развития маленького ребенка в его связи с выработкой обобщенных категорий, устройством его родного языка и затрагивающий тем самым глубинную тему языка и познания.

На стадии появления первых слов мы наблюдаем ясно выраженный прогресс лексикона А. Развитие лексикона Б имеет более закрытые формы.

Семантику первых детских слов нередко квалифицируют как номинации (называние объектов), (прото) императивы (повелитель-

ные формы, выражающие просьбу или приказание), информативы (сообщения о событиях) и т. п. Такая квалификация вызывает сомнения порой у самих ее авторов. И это сомнение оправдано. Известно, что семантика первых детских слов своеобразна. Детские слова не имеют в точном смысле прямых референтов, т. е. не называют конкретные предметы или явления мира. Для них характерна диффузность и широта обобщения: употребляя одно слово, малыш обозначает целую ситуацию, где одно и то же слово может относиться ко многим ситуациям. Вследствие этой особенности первые детские слова часто квалифицируют как однословные предложения. Примеры тому многочисленны и буквально рассыпаны в дневниковых наблюдениях за ранним детским развитием. В записях А. Н. Гвоздева отмечено, что его сын своим ранним словом *ка* (*каша*) указывал на то, что мама несет кашу, он хочет каши, съел кашу и т. п. (Гвоздев, 1948). Звукосочетанием *kx* он обозначал кошку, мамину муфту, пушистый воротник на своем пальтишке и др. По наблюдениям Бейтс, в 9–10 мес. малыш употребляет звукокомплекс *на-на*, обозначая свое диффузное желание: Я хочу *x*. Спотыкаясь на игрушки, произносит *бам*; давая или беря предметы, говорит *да*. Эти звукокомплексы принадлежат всему контексту, не имеют референта и тесно связаны с деятельностью.

Генерализованное употребление начальных слов по ходу детского развития проходит любопытные стадии. Например, известны случаи, когда дети употребляют слово *собака* (*ав-ав*) сначала для обозначения любого животного, затем – для четвероногих, позднее – с большой шерстью, затем – только маленького размера и т. п.

Еще одна особенность данного процесса состоит в том, что возможны расхождения в особенностях употребления слова и его понимания. Так, дети нередко начинают с того, что словом *папа* называют многих взрослых мужчин. Однако в это же время при вопросе *Где папа?* указывают на своего отца.

Отмеченная особенность – первоначальная генерализованность словесной семантики, неоправданная расширительность в соотношении слова с действительностью – свидетельствует о том, что происходящие на рассматриваемом возрастном этапе процессы обусловлены особенностями функционирования нервной системы ребенка в рассматриваемый период. Этот вопрос подробно рассматривался выше. Здесь мы только сделаем несколько дополнительных замечаний.

Наблюдаемые особенности начального лексикона ребенка позволяют вернуться к вопросу о структуре связи, вырабатываемой при усвоении номинативного значения слова. Картина постепенной специализации значения детского слова предполагает формирование в когнитивной системе малыша начальных понятий: понятия

животных (любого вида или имеющих какие-либо специальные признаки), называемых *ав-ав*; понятия округлых предметов, которые все подряд называются *печеньем*; понятия взрослых мужчин, именуемых словом *papa* и т. п. Вместе с уточнением этих понятий меняется и значение соответствующего слова. Эти данные позволяют видеть новое качество семантики первых детских слов: семантика включается в систему формируемых когнитивных понятийных структур. Тем самым она приобретает новое качество: это семантика не столько ситуационная, сколько системная.

Следует заметить, что обобщенность и многозначность семантики слов (Гвоздев, 1948, Кольцова, 1967 и др.) имеет в функциональном плане положительное значение. В этих условиях слово становится средством мысленного оперирования и ментального опыта. Звукокомплекс («словесная оболочка») сам по себе такой возможности не дает. Обнаруживается, что значение слова – это элемент в понятийной системе; меняющаяся, подвижная реальность, зависящая от текущих условий и индивидуального опыта. Неудивительно поэтому, что даже среди взрослых, владеющих общим языком людей, случается превратное понимание, недопонимание друг друга и т. п.

Вербальная семантика и механизмы внутренней речи

Семантика в структуре логогена

Понятие *логоген* обсуждалось выше в главе 3 «Механизмы языка и речи». Избегая повторений, будем лишь кратко касаться отдельных сторон вопроса, концентрируясь на семантическом аспекте темы. Поскольку содержательная и конкретная характеристика структуры логогена составляет немалые трудности, важной оказывается возможность опереться на психофизиологические механизмы, осуществляющие это функционирование.

Как мы видели в предыдущем изложении, для адекватной обработки вербального сигнала в когнитивной системе ребенка уже на ранних стадиях речевого онтогенеза складываются специфические механизмы. Развитие этих механизмов продолжается и на следующих этапах жизни, так что у взрослого человека при нормальном владении языком все особенности каждого слова представлены в следовой многокомпонентной структуре, обозначаемой термином *логоген*. Логогены, с одной стороны, являются физиологическими образованиями, функционирующими в составе живой ткани мозга, а с другой – выполняют психологические, в частности семантические, операции.

На рисунке 4.26 (левая сторона рисунка) показаны компоненты логогена, присутствующие уже у маленького ребенка, едва начинающего произносить свои первые голосовые имитации. Здесь логогены фиксируют акустический (перцептивный) и моторный (произносительный) паттерны слова, образ воздействующей ситуации (или объекта), а также семантический компонент, подверженный наиболее интенсивному развитию по мере взросления и роста интеллекта субъекта. Взрослый грамотный человек в дополнение к названным компонентам периобретает графический образ слова, моторный навык его написания, а также парадигмальные варианты слов.

Конкретная характеристика каждого из названных компонентов логогена связана с обращением к специальным научным областям, рассматривающим законы психоакустики, организации произвольных движений, восприятия и др. Здесь мы не затрагиваем эти темы, рассматривая названные компоненты логогена лишь со стороны их конечной семантической функции.

Содержательные результаты, как отмечалось выше, были получены в работе И. А. Зачесовой, экспериментально выявляющей особенности функционирования логогенного устройства в ходе заучивания новых вербальных паттернов (1984, 1989). В результате проведенного исследования возникают некоторые общие представления о структуре логогенного устройства. Это устройство не гомогенно. Выделяются элементы, фиксирующие звуковые паттерны со своей системой «поддержек» (гомофонических связей). Другая, важная, часть логогена осуществляет фиксацию различных форм семантических отношений. Здесь, прежде всего, выступает опора на предметность мира, «субстантивирование» обрабатываемых впечатлений. Семантика развивается также по линии внедрения вновь образуемых структур в целостную вербальную систему, установление множественных, разнохарактерных и индивидуализированных ассоциаций. Возрастание сложности используемых вспомогательных средств и грамматическая категоризация усваиваемого материала, очевидно, направлены на то, чтобы способствовать успешности их запоминания.

Исследования семантического состава логогена постепенно накапливаются в современной психофизиологии, появляются свидетельства тому, что семантические признаки усваиваемых человеком слов с помощью специальных средств укореняются, «материализуются» в человеческом мозге. В этом плане вызывают интерес исследования, выполненные на кафедре психофизиологии факультета психологии МГУ им. Ломоносова, где получены интересные результаты в экспериментах с искусственными названиями цве-

тов. Эта работа проведена в контексте изучения механизмов цветоразличения и разработки идеи сферической модели различения, описывающей особенности нейрофизиологического кодирования стимулов в зрительной системе. Нейронная сеть детектирования зрительных сигналов устроена таким образом, что результаты устанавливаемых испытуемым различий между цветовыми сигналами выражаются в виде сферической модели различения. В интересующей нас работе с искусственными названиями цветов (Измайлов и др., 1992; Izmailov, Sokolov, 1992; Измайлов, Черноризов, 2005) в качестве стимулов использованы 20 трехбуквенных бессмысленных слогов. В начале проведения эксперимента реакции испытуемых на предъявление слогов приблизительно одинаковы и не отражают каких бы то ни было семантических отношений между ними. Затем проводилась обучающая серия, где каждому слоговому стимулу ставился в соответствие определенный цвет в спектральном диапазоне 480–615 нм. После того как испытуемые достигали безошибочного выучивания, они снова проходили нейрофизиологическую пробу на оценивание различий между слогами, которые после проведенной процедуры становились фактически искусственными вербальными сигналами, названиями цветов. Результаты пробы показали, что искусственные вербальные стимулы приобретали те же нейрофизиологические свойства, что и соответствующие им непосредственные цветовые сигналы. Как пишут авторы этого исследования, «...значение слова определяется только цветовым содержанием цветового образа» (Измайлов, Черноризов, 2005, с. 37). Дальнейшая регистрация в исследовании вызванных потенциалов на различение цветовых названий позволила получить данные о мозговой локализации семантики искусственных вербальных стимулов (Измайлов и др., 2003). Показано, что приобретение искусственным вербальным комплексом значения именованного заданного цвета связано с включением в действие тех же нейронных структур в левой затылочной области коры головного мозга, какие функционируют при восприятии самого этого цвета.

В описанных экспериментах моделирован частный случай процесса «укоренения» слова в нервной системе человека. Возникает предположение, что у развивающегося ребенка слова «укореняются» аналогичным образом. В общем плане можно предположить, что субъективность «материализуется» в нервном аппарате при поддержке и включении таких физиологических факторов, как следы перцептивных процессов, имеющих субъективную составляющую (перцептивную, умственную, эмоциональную) в момент знакомства со словом в психологической истории индивида. Этому положению соответствует жизненный опыт воспитания маленьких детей,

для нормального словесного развития которых используют яркие предметы, привлекательные акустические и тактильные впечатления. Следы эмоциональных реакций и мыслительных операций тем или иным образом включаются в семантическую структуру многих наших слов и выражений. Например, восприятие слов «летний ручей» вызывает в сознании образ бегущей воды, связанный с ощущением желанной прохлады и свежести в жаркую погоду. Другой образ возникает при восприятии выражения «зимний ручей»: в психике оживляется образ покрытого снегом склона с темной прорезью течения холодной, отталкивающей воды. Подобного типа переживания, мыслительные действия, сопровождающие усвоение слов, в свернутой или отрывочной форме могут сохраняться в логогенных структурах и служить своего рода семантическими метками.

Изложенные работы дают материал к теме, касающейся формы, используемой мозгом для оперирования феноменами субъективного плана: *пониманием, осознанием, переживанием*. Способность к субъективному переживанию, по нашему предположению, в элементарной форме прирождена человеку (Ушакова, 2004). С течением времени переживания субъективного плана развиваются вместе со всем организмом: дифференцируются, обогащаются, включаются в вербальное функционирование. Таким образом, «материализация» субъективности в слове осуществляется при поддержке и включении таких факторов, как следы физиологических процессов, имеющих субъективную составляющую (перцептивную, умственную, эмоциональную) в момент знакомства со словом в психологической истории индивида. Переживания, мыслительные действия, сопровождающие усвоение слов, в свернутой или отрывочной форме могут сохраняться в логогенных структурах и служить своего рода «семантическими метками».

Представление о включении «актов сознания» в различные виды психических проявлений человека обсуждалось еще Э. Гуссерлем в начале XX в. В отношении семантики слов эта идея была экспериментально разработана в выполненной под нашим руководством кандидатской диссертации Н. А. Алмаева (Алмаев, 1997). Используя материал предлогов и частиц русского языка, автор разработал оригинальные экспериментальные приемы. Значение используемых слов воспроизводилось перед испытуемым в виде динамичных сцен на экране монитора с помощью компьютерной анимации. Испытуемые должны были устанавливать соответствие языковых единиц и воспроизводимых на экране действий. Результаты показали, что с большой степенью надежности испытуемые справлялись с экспериментальным заданием, чем подтвердили гипотезу о фиксации в словесных формах «актов сознания», совершаемых

человеком при усвоении значения слов. Дальнейшая работа в этом направлении с охватом более широкого круга слов языка проведена Алмаевым в рамках его докторской диссертации (Алмаев, 2008). Таким образом, последовательно накапливаются свидетельства тому, что устройство логогена обеспечивает латентное сохранение следов не только внешних материальных воздействий, но и субъективных впечатлений, что можно считать «*нуклеарной*» (*ядерной*) *семантикой слов*.

Семантика в структуре вербальной сети

Представленные в главе 3 экспериментальные факты свидетельствуют о существовании временных связей, объединяющих логогены, репрезентирующие семантически близкие и созвучные слова (синонимы, антонимы, односитуационные, рифмующиеся и нек. др.) В этом контексте структура вербальной сети была схематически представлена в виде ветвящегося графа (см. рисунок 3.4). Можно сделать некоторые уточнения, касающиеся выработанных ранее представлений.

Первый тезис, который мы будем аргументировать, состоит в том, что прежние позиции требуют значительного расширения и обогащения. Направления исследований, выполненные с применением условно-рефлекторной методики, страдают ограничениями, поскольку включают исследования только тех отношений, которые существуют между отдельными словами. Однако слова языка вербальной сферы группируются и категоризируются в соответствии с определенной семантикой. Еще в 1960-е годы М. М. Кольцова настоятельно подчеркивала значение функции обобщения, осуществляемой мозгом ребенка в отношении вербальных сигналов (Кольцова, 1967). Она обратилась к исследованию физиологической основы этой функции и увидела ее в установлении временных связей между сигналами на словесные сигналы. Функция обобщения засвидетельствована в экспериментальных исследованиях, она проявляется во многих видах «самопроизвольной» категоризации слов. Согласно описанным выше данным, стихийно образуются категории существительных и глаголов; категории обозначения животных и обозначения пищи; прилагательных и многих других логических и грамматических случаев. О грамматических видах категоризации свидетельствуют данные детского словотворчества (см. главу 5). Можно думать, соответственно, что семантические отношения вербальной сети многообразны и, возможно, многомерны. Они стабильны и включаются в осуществление многих когнитивных операций человека: речевых, мнемических, мыслительных.

Визуализация модели вербальной сети должна поэтому представлять значительно более сложную структуру, чем это описывалось до сих пор. Мы не ставим перед собой задачу осуществить такого рода визуализацию, это задача для специалиста в соответствующей области. В литературе встречаются, однако, сообщения, позволяющие провести некоторые продуктивные сравнения.

В Федеральной политехнической школе Лозанны (Швейцария) в настоящее время проводятся разработки по моделированию элементов неокортекса млекопитающих, демонстрирующие сложность организации нервных структур, обрабатывающих информацию. Для представления деятельности одной неокортикальной колонки потребовалось использовать десять тысяч нейронов, соединенных 30 миллионами синаптических контактов¹. Визуальное представление опубликованной авторами огромной сетевой структуры по техническим причинам оказывается, к сожалению, невозможным в данном тексте. Модель позволяет, однако, составить представление о грандиозности внутренней организации неокортекса. Миллионы такого рода структур действуют в головном мозге млекопитающих. Что касается человека, то его мозг отличается наибольшей сложностью по сравнению с другими видами животных. Визуализация вербальной сети (что представляет наш конкретный интерес), должна быть, по всей вероятности, существенно более сложной, чем это показано швейцарскими учеными на модели неокортикальной колонки и, уж конечно, на порядки сложнее, чем обозначено в схеме на рисунке 3.4.

Имея в виду приведенные материалы, мы приходим к выводу, что организация вербальной сети, приспособленная для фиксации большого объема семантических отношений, представляет собой структуру сверхбольшой сложности. Используемые в ней формы «укоренения семантики» играют роль в разных видах когнитивных операций человека – речи, памяти, мышления. Они стабильны, действуют, как правило, латентно, не обязательно связаны с их осознанием человеком.

Наш следующий тезис в отношении вербальной сети обращен к динамической стороне ее функционирования. Мы придерживаемся гипотезы, согласно которой «вербальная сеть» представляет собой сплошное пространство материи языка². Все элементы сети, логогены, имеют множественные функциональные связи с други-

1 GEO. 2009. Июнь. С. 164.

2 По нашей гипотезе, это пространство имеет сферическую форму, свидетельством чего является отсутствие в нем каких бы то ни было границ. Все слова языка в равной мере представлены в вербальной сети, посредством организации структур логогенов и их связей с другими логогенами.

ми функциональными элементами, логогенами, объединенными разнородными по характеру семантическими связями. Протекание любого когнитивного процесса (репрезентации, запоминания, мыслительные и речевые акты), если они включают вербальный элемент, вызывают активацию специализированного по рисунку паттерна на вербальной сети. Возникающая мозаика активации, которая в зависимости от создавшихся условий может быть каждый раз новой и уникальной (творческой), порождает семантическое состояние, обеспечиваемое специфической семантикой входящих в паттерн логогенов, как и системой вовлекаемых в протекающий процесс межлогогенных связей. Так возникает специфическое семантическое состояние, адекватное содержанию поступившего сообщения или мысли субъекта. Это состояние и составляет физиологическую основу понимания, которое может относиться к воспринятой речи собеседника или собственной мысли, догадке, оценке ситуации и т. п.

Подтверждением высказанного теоретического представления послужил цикл экспериментальных работ, выполненных Ш. С. Байтиковой, Л. А. Кокоревой, Н. Д. Павловой, И. А. Соколовой. Эти исследования подробно описаны в главе 3 данной книги. Показано, что в ситуациях осуществления человеком когнитивных действий с включением вербальных сигналов (мнемических, грамматических, логических) точкой приложения семантических операций оказываются структуры вербальной сети, на которой создаются паттерны активаций, адекватные текущим психологическим состояниям.

Вербализация мысли¹

Основополагающей проблемой теоретической психолингвистики, дающей о себе знать в разных ее областях, является проблема взаимоотношения слова с мыслью (или более широко – с сознанием, психическим переживанием). Парадоксально, но до сегодняшнего дня названная проблема ускользает от своего разрешения и продолжает оставаться достаточно загадочной. Ее непреодолимость кроется в том, что требуется проследить связь двух, казалось бы, непересекающихся сфер человеческой психики: сферы нематериальной, включающей сознание, мысль, чувство человека, с одной стороны, а с другой – физического, материального явления – звучащей или записанной речи. Речь – явление материального порядка (она может быть измерена физическими приборами, записана, воспроизведена); психические же феномены (мысль, впечатление, эмоция)

1 В тексте данного раздела использована авторская публикация: Ушакова Т. Н. О встрече мысли и слова в речи человека // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 8–18.

относятся к другой категории действительности, они не обладают протяженностью и иными физическими признаками, не поддаются измерению физическими способами. Взаимодействие материи и психики в акте выражения мысли – это аспект так называемой психофизической проблемы, решение которой по сей день ищут философы, психологи, физиологи.

Тем более ищут ее психолингвисты, поскольку психолингвистика исходно сформировалась как наука, нацеленная на понимание связи психического и словесного; отзвуки этого слышатся в самом именовании данной отрасли знания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, впервые собравшись в 1953 г. для обсуждения содержания новой науки, родоначальники современной психолингвистики работали над проблемой связи мысли и слова. Ч. Осгуд предложил первую психолингвистическую модель речевого порождения, т. е. процесса воплощения мысли в слово.

Центром теории Осгуда является уровневая модель речевого поведения. Модель включает несколько уровней: мотивационный (его единицы – предложения), семантический (единицы – словесные элементы предложения), уровень последовательностей (единицы – фонетически оформленные слова), интеграционный уровень (единицы – слог). В качестве объяснительного принципа протекающей деятельности Осгуд использовал «репрезентативные посредствующие процессы» (*representational mediation processes*). На основе идеи медиативных процессов он описал механизм становления слова в его связи с внешней действительностью и внутренними реакциями, поставил вопрос о значении семантического уровня речепорождения. Автор стремился не только проследить, какие процессы следуют один за другим для порождения речи, но и понять причинную связь явлений. Вряд ли можно считать, что это удалось ему в полной мере. Однако он поставил и в общей форме обрисовал задачу создания схемы речезыковой структуры, сближая ее с существующими психофизиологическими представлениями. Критики Осгуда ставят ему в упрек бихевиористский и упрощенческий способ анализа речи. Конечно, упрощение в модели Осгуда присутствует, но, думается, его не избежали и более поздние по времени исследователи этой темы, что объясняется, конечно, ее исключительной сложностью.

Примерно через 10 лет начался новый этап психолингвистики, связанный с именем Н. Хомского и обращением к так называемой трансформационной, или генеративной, грамматике. Согласно точке зрения Хомского, при формировании всякого высказывания (предложения) в мышлении человека складывается система суждений, выражающих значение предложения, и эта система образует глубинную структуру предложения. Она состоит из системы

категорий абстрактного характера. При посредстве специальных операций – грамматических трансформаций – глубинная структура преобразуется в поверхностную структуру, также состоящую из системы категорий и элементов теперь уже конкретного характера. В частности, расположение и взаимосвязь слов в поверхностной структуре отражается в производимой речи. На следующем шаге языковых операций к поверхностной структуре применяются трансформации фонетического характера, в результате чего образуется звучащая речь.

Названные компоненты образуют, по мысли Хомского, универсальную грамматику языка, используемую каждым говорящим человеком. Природа грамматики включает, таким образом, способность приписывать глубинную и поверхностную структуры бесконечному множеству предложений, соотносить эти структуры соответствующим образом, приписывать семантическую интерпретацию глубинным структурам и фонетическую интерпретацию поверхностным структурам (Хомский, 1972, с. 41).

Тема порождения речи оказалась привлекательной для многих авторов и в нашей стране. Раньше других, еще в 1960-е годы к ней обратился А. А. Леонтьев, разработавший модель, опирающуюся на идеи общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. По модели А. А. Леонтьева, первый этап речепорождения состоит во *внутреннем программировании* будущего высказывания, где закладывается его «содержательное ядро» (Леонтьев, 1999, с. 61–71). Элементы этого ядра имеют образный характер (предметно-схемный или предметно-изобразительный код, в соответствии с разработками Н. И. Жинкина). Внутренняя программа представляет иерархию пропозиций, которая формируется у говорящего человека на основе ориентировки в окружающей ситуации. Следующий этап – *грамматико-семантическая реализация* внутренней программы, где выделяется ряд подэтапов. Происходит перевод программы на объективный код путем замены единиц субъективного кода набором семантических признаков слова, создание комплекса иерархически организованных единиц объективно-языкового кода (тектограмматический подэтап). Осуществляется линейное распределение кодовых единиц высказывания (фенограмматический подэтап). Каждому элементу из комплекса иерархически организованных единиц придаются полные языковые параметры: определяется его место в синтаксической схеме высказывания; приписываются «грамматические обязательства»; определяется полный набор семантических и акустико-артикуляторных признаков (подэтап синтаксического прогнозирования). На подэтапе синтаксического контроля происходит сличение созданного варианта высказывания с программой,

контекстом, ситуацией, порой осуществляется возврат к предыдущим этапам и корректировка речевого продукта. Вслед за протекшими процессами наступает этап *моторного программирования*, связанный с порождением звучащей речи.

Здесь мы коснулись только некоторых разработок, связанных с темой порождения речи. Другие авторы как в нашей стране, так и за рубежом предложили свои варианты модели речепорождения (Т. В. Ахутина, А. А. Залевская, В. Кинч, В. Левелт и мн. др.). Наша задача сейчас состоит не в том, чтобы выявить их особенности. Дальнейшее развитие темы требует рассмотреть, что полезного и перспективного было заложено уже в ранних поисках, что они реально дали и в каком направлении возможно развитие темы сегодня.

Решая эту задачу, уточним, что изучение темы порождения речи – это и есть разработка проблемы связи мысли (вообще психического) со словом. Исследование речепорождения строится на идее, что эта связь не раскрывается одноходовым образом, а реализуется через сложный процесс, обеспеченный предшествующим языковым опытом индивида. Таким образом, построение модели речепорождения – это разработка одной из наиболее фундаментальных тем психолингвистики. При более широком взгляде на нее становится понятным, что она относится не только к психолингвистике, но и к общей психологии в целом.

В этой теме важным оказывается методологический аспект выполняемых разработок, прежде всего – характер используемых объяснительных принципов, а также вводимых авторами терминов. Они разные в трех описанных выше моделях. Осгуд рассматривает речепорождающий акт как осуществление посредствующих («медиативных») процессов и видит свою задачу в том, чтобы по возможности конкретно описать их последовательность и логику. Общая методологическая установка Осгуда на точность и скрупулезность описания речезыкового процесса сохраняет свою актуальность в наши дни. Критической оценки, скорее, заслуживают такие описания речепорождения, где авторы легко и без дальнейших уточнений пользуются неоперационализируемыми, неточно определяемыми понятиями типа *происходит, преобразуется, осуществляется, наступает* и мн. др. К сожалению, такие объяснения нередко используются, что можно видеть из приводимых ниже примеров. «В мышлении человека *складывается* система суждений, выражающих значение предложения», «глубинная структура *преобразуется* в поверхностную структуру», «к поверхностной структуре *применяются* трансформации фонетического характера» (Хомский, 1972, с. 41–42; курсив мой. – Т. У). Из такого рода описаний невозможно понять, как и почему складывается система суждений, что она собой пред-

ставляет, под влиянием каких сил преобразуется в поверхностные структуры и т. п. Высказанное замечание сохраняет силу в отношении других случаев, где автор объясняет ход речевого процесса тем, что человек «подбирает» подходящее слово (подбирает – как? где?), «находит» его в лексиконе (находит – как? кто?), «определяет» его место в синтаксической схеме и т. п. Используемые термины требуют расшифровки, опоры на фактические данные. В противном случае они могут рассматриваться лишь как не вполне проработанные гипотезы в отношении речепорождения.

В рассматриваемой теме отметим еще одну сторону, которую условно можно обозначить как проблему семантики в речевой деятельности. Смысл ее в том, что в естественных условиях каждый акт речепорождения направлен на выражение того или другого содержания. Выражаемое словом содержание – это психологическое образование, оно может представлять собой интеллектуальный акт, какое-либо впечатление, воспоминание, эмоцию и мн. др., – все, о чем мы говорим. Такого рода психологическое содержание составляет необходимую по отношению к слову сторону речи. Мимо нее нельзя пройти, анализируя проблему связи слова и психики. Между тем именно в этом моменте исследователи сталкиваются с наибольшими трудностями и часто молча обходят их. Поэтому в представленных выше моделях преобладает акцент на одной стороне рассматриваемого объекта: словах, словесных элементах, грамматических структурах.

Ниже представлена разработанная нами гипотеза, на основе которой, как мы предполагаем, можно произвести развитие темы движения мысли к слову. Это развитие возможно на основе современных данных о психофизиологической организации вербального механизма человека, а также представлениях о формах материализации семантики в нервной системе человека.

Модель вербализации мысли

Способность человека говорить и понимать речь реализуется на основе сложного психофизиологического механизма. Достаточно подробная модель-схема речезыковой структуры описана выше в главе 2. Здесь мы лишь кратко воспроизведем основные необходимые компоненты процесса. Вербальный механизм состоит из ряда структур. *Периферические звенья*, обеспечивают: а) восприятие языковых знаков (звуковых, зрительных, тактильных) и б) артикулирование (произнесение) смысловых заготовок. Коренной структурой является *центральное, внутреннее, звено*, в котором хранятся накопленные данные о языке – его лексике, грамматике,

семантике, прагматике – и где происходят процессы организации будущей речи и понимание услышанного.

Важнейшим элементом внутреннего звена является логоген, обеспечивающий сохранение следов как внешних материальных воздействий, так и субъективных впечатлений, что составляет *латентную «нуклеарную» семантику слов*. Другой аспект «материализации» семантики в вербальной сфере человека реализуется через системные отношения слов, т. е. «межлогогенные связи». Семантика многих (может быть, и большинства) слов языка у воспитанного в современной культуре человека раскрывается через взаимоотношения с другими словами. Большую роль в такого рода словесно-словесной организации играют жизненные, логические, естественные и другие классификации.

В функционировании вербального механизма важнейшей стороной является семантика (значение, сознание; мысль, передаваемая словом). Стоит вопрос о том, в какой форме мозг человека (материальный орган) оперирует феноменами субъективного плана – *пониманием, осознанием, переживанием*. Можно предположить, что «материализация» субъективности в слове осуществляется при поддержке и включении таких факторов, как следы физиологических процессов, имеющих субъективную составляющую (умственную, эмоциональную) в момент знакомства со словом в психологической истории индивида. Включенность слова в системные языковые отношения придает новое качество семантике в целом: это семантика не столько локальная, сколько системная. Обнаруживается, что семантика слова – это элемент в понятийной системе; меняющаяся, подвижная реальность, зависящая от текущих условий и индивидуального опыта. Эта сложность возрастает по мере более совершенного владения языком. В то же время она приобретает структуру, что делает ее более компактной и экономной.

Кроме структур, долговременно и статично сохраняющих латентное состояние семантики, в речезыковом механизме постоянно протекают *динамические процессы*. Их источником могут быть мысли, возникшие впечатления, воспоминания, т. е. те или иные психические процессы, внутренний мир человека. Содержание этого внутреннего мира при известных условиях может быть выражено в высказываниях человека с помощью языковых средств. Важным условием этой возможности является включение экспрессивной функции – намерения высказаться, т. е. интенции к говорению (Ушакова и др., 2000).

Содержание психического мира и его «интенциональная заряженность» составляют основу речепорождения, направленного на выведение вовне внутренних психологических состояний

говорящего человека. Такого рода проявления внутреннего мира реализуются через высказывание; начальный шаг его формирования – придание имени объектам нашего мыслительного процесса, «прикрепление» слова к психическому продукту. Особенность именованных, совершаемых говорящим человеком, в том, что в ход идут слова, уже приобретенные в предшествующем обучении, но они применяются к различным (практически любым) объектам. Этот вид речемыслительных операций можно назвать *актуальным именованием*, в котором говорящий человек решает задачу нахождения адекватного для его мысли слова или фразы в лексиконе языка. Это задача *выбора словесного средства* для выражения действующей интенции среди множества имеющихся вариантов. Применение известных слов для передачи *нового содержания* придает акту именованного продуктивный характер. Как он происходит?

Механизм актуального именованного

Согласно развиваемой гипотезе, процесс протекает по двум руслам: с одной стороны, это психофизиологические механизмы, реализующие динамику ментального компонента (операции умозаключения, репрезентации, воспоминания), с другой – лексикон говорящего человека. Ментальный компонент содержит текущие «акты сознания», включающие образные, понятийные, отдельные вербальные составляющие. В семантической структуре слов долговременно и латентно хранится память о протекших ранее «актах сознания» и других воспринятых в связи с данным словом впечатлениях. Если структуры «актов сознания» оказываются сходными (общими) в ментальной структуре и в одном из логогенов семантического поля, произойдет суммация их активности. С повышением активности в одном из элементов логогена актуализируется его целостная структура, в том числе звучание и другие компоненты слова, адекватные текущему мыслительному процессу. Этот логоген окажется выделенным из вербально-семантического поля по механизму динамических временных связей, разработанному Е. И. Бойко (Бойко, 2002). Мысль найдет, таким образом, возможность соединиться со словом.

Описанный механизм в схематической форме представлен на рисунке 4.4. Справа от вертикальной черты обозначена динамика процесса (в направлении сверху вниз), реализующего текущую психическую деятельность, подлежащую вербализации. В квадратике показан один из многих элементов, активизирующийся по ходу ментального процесса и не имеющий исходно словесного обозначения. Буквами обозначен его условный содержательный состав

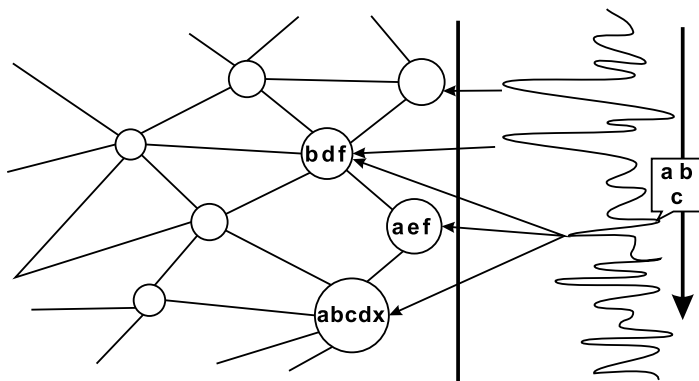

Рис. 4.4. Сканирование вербально-понятийной сети для «выбора» адекватного слова

(например, съедобный объект, круглой формы, оранжевого цвета). Слева – вербально-семантическое поле, соответствующее контексту разговора. В кружках даны условные обозначения элементов вербально-семантической сети, с которыми производится сопоставление психического элемента текущего ментального процесса. Показано, что наибольшее совпадение признаков имеется с одним из элементов сети, который, кроме того, имеет дополнительные признаки, включающие, согласно модели, также искомое словесное обозначение. По механизму суммирования возбуждений последний элемент (слово) оказывается активированным и может быть включен в речевой продукт как выразитель ментального содержания.

Мы полагаем, что разработка предложенной гипотезы обещает продвижение в проблеме встречи мысли (и психического компонента в целом) со словом. Гипотеза строится на постулате о необходимом включении психического компонента («семантики») в действия человека через посредствующие механизмы работающего мозга. Вместе с тем решительно неприемлемым мы считаем предположение о непосредственном взаимодействии психического и физиологического. Психическое понимается как имманентное свойство некоторых форм физиологических реакций. Жизненный и особенно социальный опыт человека служит основой для накопления, развития и обогащения психического компонента («латентной семантики»). Во всех случаях функционирование семантики осуществляется с опорой на систему действующих физиологических реакций. В тексте рассматривается случай протекания речевой деятельности. Выявляются реакции физиологического характера, делающие возможным осуществление психологического акта – «выбора» слова, соответствующего мысли говорящего человека.

Лингвopsихологическое исследование вербальной семантики¹

Одной из активно обсуждаемых сейчас тем в области естественных и гуманитарных наук является тема *сознания* в разных ее аспектах и разном терминологическом оформлении: *сознание, понимание, образ Я, семантика, психосемантика, значение, смысл* и др.

Со стороны естественных наук в последние десятилетия достигнут прогресс в исследовании того, как работает мозг (организм), порождая сознание, и того, что именно он порождает. Со стороны психологии требуется обеспечить конкретную характеристику процесса психической деятельности (в частности, сознательных процессов) во время протекания мозговой деятельности. Однако этот вопрос оказывается достаточно трудным. В. М. Аллахвердов пишет: «... психологи до сих пор не смогли вразумительно высказаться о природе сознания и даже не пришли к согласию в том, какую функцию в человеческой жизни оно выполняет» (2009, с. 13).

В предлагаемом исследовании разрабатывается подход, стремящийся с опорой на объективные данные по возможности конкретно характеризовать явления вербальной семантики, имеющие, в нашем понимании, непосредственное отношение к сознанию. Термин *семантика* мы используем исключительно в психологическом плане, а такие его словоупотребления, как *семантика слова, текста* и т. п. рассматриваем как обозначение области исследования, где обсуждается порождение или восприятие человеком семантики слова, предложения и т. п.

Наш подход мы характеризуем как лингвopsихологический (Ушакова, 2009). Использование этой терминологии связано с тем, что в области исследований вербальных явлений выделяются два направления. Одно из них имеет своим объектом *речевые процессы*, динамично организующиеся в когнитивной системе говорящего человека, другое – стабильно существующие *языковые структуры*. В рамках первого, достаточно развитого и традиционного направления, ведутся исследования речевых процессов, протекающих в момент их исследования (построение говорящим человеком предложений и более крупных речевых произведений, характер актуализируемых ассоциаций, речевые проявления ребенка и др.). В работах этого круга исследователи сталкиваются с той повторяющейся трудностью, что семантический аспект исследуемого процесса не поддается точной характеристике, а тем более формализации, и оказывается поэтому слабым звеном анализа.

1 Работа выполнена совместно с С. С. Беловой и Е. А. Валуевой.

В рамках второго, значительно менее распространенного направления рассматривается преимущественно вопрос о связи психических явлений с особенностями языка и объектом исследования становится *собственно языковой материал*. Примером яркой идеи и формулировки в рамках этого второго направления можно считать тезис Сепира и Уорфа о лингвистической относительности, согласно которому используемый человеком язык оказывает давление на его психику, формируя в сознании соответствующие языку семантические структуры (двоичности, троичности и т. п.). Интересный вариант анализа рассматриваемого типа предложен Дж. Лакоффом в известной статье «Мышление в зеркале классификаторов» (Лакофф, 1988), где автор развивает суждения о выработке у человека мыслительных категорий в соответствии со структурой действующего в его среде языка. Обусловленные особенностями родного языка проявления в психике человека прослеживаются в экспериментальных исследованиях современной американской исследовательницы Л. Бородитской (Boroditsky, 2008).

В отношении направления второго типа мы применяем термин *лингвопсихология*¹, считая ее в целом аспектом психолингвистики, поскольку общая задача исследований в обоих направлениях одинакова: познание природы и сущности психических явлений, связанных с использованием слова (Ушакова, 2008). Привлекательность обращения к этому направлению состоит для нас в том, что семантический аспект организации языка выступает здесь более непосредственно. Лингвопсихология, имея своим объектом лексику и грамматику языка, отражает совокупный продукт, сложившийся в истории осмысленной вербальной деятельности поколений людей. Этот материал, можно думать, свидетельствует о крупных процессах вербальной сферы, соответствующих *логике* многих его носителей – «народной мысли», что свидетельствует о значимости стоящих за ним вербально-семантических механизмов.

Полисемия как предмет лингвопсихологии

В работе проводился анализ полисемии – широко распространенного явления в языках мира, неоднократно исследованного в лингвистике и психолингвистике. Полисемия существует в вербальной сфере человека в форме полисемических полей, где одним общим словом (полисемой) обозначается несколько, иногда достаточно много, различных объектов действительности. В лингвистической терминологии при полисемии осуществляется так называемый

1 Термин *лингвопсихология* использован И. А. Зимней (2001) в контексте, подчеркивающим его связь с отечественной теорией речевой деятельности.

«перенос смысла» с одного элемента поля на другой, что, конечно, не может рассматриваться как научное объяснение этого явления. По существу же, полисемия представляет собой, как мы думаем, естественную форму функционирования семантики в вербальной сфере человека. Поэтому структура полисемического поля становится удобной для семантического анализа *статичной моделью функционирования семантических процессов*, произошедших в истории становления языка и зафиксированных в словарях.

В исследовании разработана и использована методика анализа полисемических групп (полей), направленная на характеристику семантических отношений, сложившихся между элементами полисемического поля в ходе исторического развития языка. Эти отношения выявляются при аналитической установке исследователя. Характерной особенностью полисемического поля является наличие в нем общей идеи («ядерной»), в той или иной мере и форме присущей каждому элементу поля. Операция выявления ядерной идеи в полном ее составе должна состоять в актуализации и осознании набора семантических признаков, присущих каждому элементу поля; последующему сопоставлению выделенных признаков (сравнению) и выделению общего для них элемента. В действительности перебор элементов, входящих в состав полисемического поля, обычно производится говорящим человеком выборочным образом, и решение в отношении ядерной идеи принимается по отдельным элементам поля. Это обстоятельство может рассматриваться как одна из причин того, что ядерный семантический компонент не всегда легко и единообразно выделяется при анализе. После выделения ядерной идеи оцениваются ее модификации в отдельных элементах поля.

Рассмотрим в виде примера схему анализа полисемического поля английского существительного *point* на рисунке 4.5.

Обратившись к приведенному на рисунке примеру, человек легко обнаруживает ядерную идею по элементам конкретного ряда: *точка, пункт, острие, наконечник, игла, резец, стрелка (часов), мыс, вершина горы*. Это обозначение объектов, имеющих в своей форме заостренную часть, вершину. Важно обратить внимание на то, что ядерная идея не обнаруживает своего отдельного элемента для «укоренения» в полисемическом поле, а только в той или иной модификации присутствует в каждом элементе поля. Тем самым создается ситуация, сильно напоминающая когнитивистское понятие распределенной семантической сети, в которой значение ядерной идеи обуславливается включением того или иного паттерна активаций элементов поля. Эта ситуация одновременно дает нечто вроде подсказки к тому, как могут образовываться и функционировать абстрактные понятия человеческого менталитета.

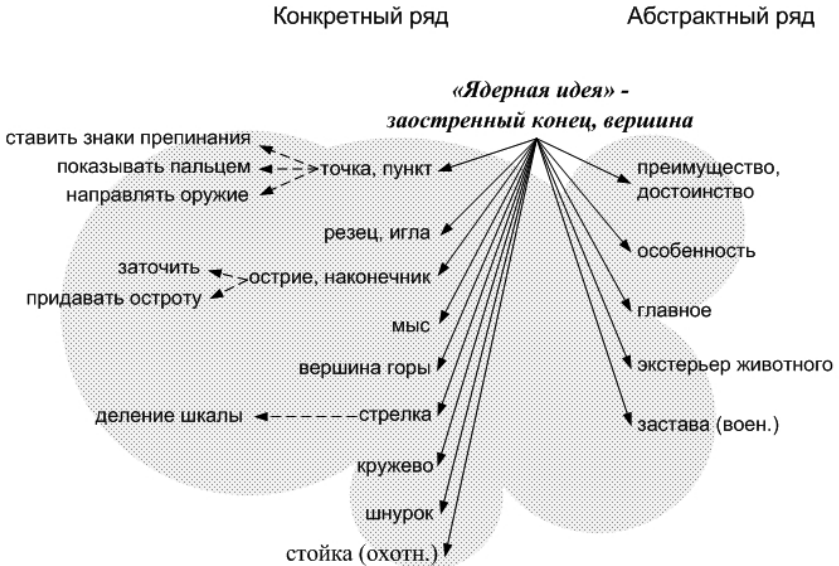

Рис. 4.5. Полисемическая структура семантического поля английского слова *point*

Ядерная идея в элементах полисемического поля оборачивается разными, порой прихотливыми, вариантами. Эта прихотливость хорошо заметна, например, при обозначении словом *point* кружева и шнурков. Объяснение такого случая может состоять в том, что эти объекты, хоть и не воспроизводят названную форму, но связаны с *действием* заостренного конца предмета: кружево плетется иглой или острым на конце крючком; шнурок вдевается острым концом в соответствующее отверстие. Тем самым идея обозначения предмета с заостренным концом проступает здесь через посредство совершаемых с ним действий. Прихотливость выражения ядерной идеи проявляется также в глаголах производного ряда: *показывать пальцем, направлять оружие, ставить знаки препинания, заточить, придавать остроту (оживлять)*. Здесь выделяется жестовая составляющая семантики элементов конкретного ряда. Обратим внимание на характер слов абстрактного ряда: *преимущество, достоинство, особенность, главное*. Как слова, не обозначающие конкретные объекты, они не могут иметь какой-либо физической формы, но в своей семантике содержат идею значимой точки, концентрации сил и возможностей, а также воспроизводят слабую ассоциативную связь с выделяющим направленным вверх жестом.

Рассмотренный пример показывает, что в элементах полисемического поля семантическое ядро выражено в не одинаковой степени,

с разными смысловыми оттенками и ассоциациями, в результате возможных предварительных трансформаций. В ряде других примеров обнаружена возможность смены в полисемическом поле одной ядерной идеи на другую. Из совокупных данных следует, что за лингвистическими описаниями полисемии стоит большая область функционирования семантики вербальной сферы человека. Эта семантика разнообразна, тонко дифференцирована; возможно, переменчива и индивидуально вариативна. Ее исследование с привлечением широкого лингвистического материала может дать возможность *на основе фактов* описать особенности вербальной семантики, принципы организации, усвоения (при овладении языком) и др.

В данный раздел включены две серии проведенных исследований. В 1-й из них решалась задача экспертного выявления ядерной семантики полисемических полей и характеристики ее основных типов на основе значительного числа подобранных образцов полисем английского языка. 2-я серия была направлена на то, чтобы оценить меру сходства в организации вербальной семантики разных людей, в том числе в зависимости от степени их владения языком. Общая теоретическая задача состояла в том, чтобы с психологической точки зрения приблизиться к пониманию того, каковы правила и пути действия вербальной семантики на материале полисемии.

Методика первого этапа исследования

На первом этапе анализ словарного состава полисемий производился на материале английского языка одним исследователем (Ушакова, 2008). Обращение к английскому языку вызвано тем, что он имеет наиболее богатую по сравнению с другими известными нам языками систему полисемии и представляет к тому же в каждом полисемическом поле полную идентичность формы слов при различиях их значений. Использовался англо-русский словарь в 60 тыс. слов, в некоторых случаях – компьютерная система ABBYY Lingvo 11. В анализ включались полисемические группы существительных, где полисемическое поле имело не менее 6 производных элементов. Это условие позволяло применить анализ к наиболее богатым и разнообразным языковым образованиям, а также ограничить объем анализируемого материала, который при более мягком критерии становится необозримо большим. По указанному англо-русскому словарю от первой до последней буквы алфавита на основе формального признака (количества производных элементов) было отобрано и подвергнуто анализу 205 случаев полисем (существительных).

Анализ выбранного материала заключался в выделении ядерной идеи в каждом полисемическом поле; обнаруженные варианты классифицировались.

Результаты первого этапа исследования

При классификации полисемических полей в соответствии с их семантическими ядрами в полученном материале выделилось несколько групп. Наиболее многочисленной оказалась группа, где процесс «семантического переноса» осуществляется на основе сходства зрительно выраженных признаков называемых объектов, их *формы*. Например, объемные полые внутри предметы, такие, как мешок, сумка и вообще форма полости, получают именование *bag*; различные по фактуре, цвету и другим признакам шарообразные предметы маленького размера – *bead* и т. п.

Вторая по многочисленности группа полисемических полей образована на основе наблюдения за *движениями, жестами и действиями* называемых объектов. Динамические признаки, по которым устанавливается сходство различных объектов, разнообразны. Они могут иметь характер наглядных жестов, в других случаях это абстрактные характеристики движений и действий. С большей или меньшей уверенностью в этой полисемической группе можно выделить ядерные идеи, ориентированные на жестовую составляющую или, напротив, очевидно абстрактного характера. Большинство же полисем имеют скорее смешанный, сложный состав ядерной составляющей.

Третья значительная по объему группа полисемических полей содержит ядерные идеи, построенные на основе выделения *функций* объектов. Варианты отмеченных в полисемах функций в самом общем плане мы обозначили следующим образом: социальное функционирование; выполнение ручных операций; обеспечение человеку комфорта.

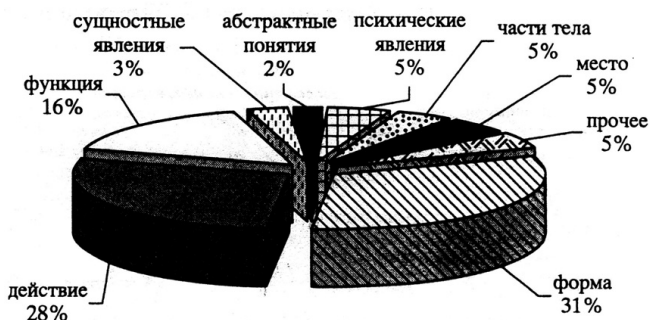

Рис. 4.6. Распределение 205 полисем английского языка в соответствии с характером «ядерной идеи» полисемического поля (по результатам экспертного анализа)

Кроме трех основных групп полисемических полей, встречаются другие менее частые варианты. На рисунке 4.6 представлена обобщенная диаграмма полученных данных.

В данной публикации рассматривается тот круг полученных при анализе материалов, который непосредственно связан с организацией второй экспериментальной части исследования. Однако на рисунке 4.6 представлена диаграмма, отражающая весь состав полученных данных. Видно, что, кроме трех основных групп полисемических полей, встречаются и другие, менее представительные варианты. Их более подробное описание и анализ можно найти в нашей публикации (Ушакова, 2008).

Обсуждение результатов первого этапа исследования

Анализ полисем, выполненный на первом этапе исследования, показал, что в вербальной сфере функционируют полисемические группы (поля), организованные в виде особого рода локальных сетей. Каждая группа объединяет составные элементы поля, относительно стабильно сохраняющие общий семантический признак, ядерную идею. Ядерный признак представляет собой идею абстрактного характера, относящуюся к той или иной характеристике называемых объектов. Использование одного слова для всех элементов поля представляет, по всей вероятности, своего рода «скрепу», создающую его единство. Это единство имеет не только феноменальное, но и объективное проявление, о чем свидетельствуют данные недавнего психофизиологического исследования полисемии, проведенного с применением магнитоэнцефалографии (Pylkkanen et al., 2006).

Ядерный признак представляет собой идею абстрактного характера, относящуюся к общей стороне, черте или характеристике обозначаемых объектов, входящих в единое полисемическое поле. Примечательно, что ядерная идея обычно не имеет своего представителя в полисемическом поле. Этот факт дает основание для предположения о его сохранении в семантической сети в форме распределенного присутствия в элементах поля и его обусловленности характером того или иного паттерна активаций этих элементов в данных условиях. Рассматриваемое явление при его дальнейшей проработке в психологическом и психофизиологическом аспектах может способствовать развитию теоретических представлений о природе функционирования абстрактных понятий человеческого менталитета.

Указанные факты свидетельствуют о проявлении не описанных ранее в психолингвистике форм организации локальных вербальных

сетей. Они характеризуются основополагающей ролью в них семантического компонента и выявляют не только единичное, но и систематическое его действие в пределах элементов полисемического поля. «Ядерная идея», будучи семантическим образованием абстрактного, обобщенного характера, допускает формирование на ее основе идеи следующего уровня абстрагирования, служащей основой для характеристики категорий более высокого уровня. Из сказанного следует, что в общем случае ядерную идею нельзя считать центральной частью структуры слова, поскольку она выполняет свою интегрирующую функцию по отношению к структуре всего полисемического поля, а не отдельного слова. Можно предположить, скорее, что она является частью механизма, обеспечивающего в вербальной сфере функционирование фундаментального акта встречи мысли и слова.

Проявляются и другие особенности семантической структуры полисемического поля. Каждый его элемент, включая общий с другими элементами компонент, имеет в то же время свой набор семантических признаков, строящихся на опыте предшествующих перцептивных впечатлений человека и его множественных ассоциаций. Так, в приведенном примере английской полисемы *point* содержатся элементы, вызывающие у людей разные представления о том или ином объекте и его признаках – игла, вершина горы, мыс и др.

Отмеченная организация указывает на сложность семантической структуры полисемических полей и поднимает вопрос, чему эта организация служит. Учитывая очень большую сложность и нагруженность языковой системы человека в целом, в этом можно увидеть способ «экономной упаковки» лексики в голове человека. Вернее все же, пожалуй, что описанная семантическая «упаковка» благоприятна для извлечения нужной лексической формы в ходе построения быстрой беглой речи (см.: Ушакова, 2006). Возможно, мысленный поиск начинается именно с обобщенной, достаточно абстрактной идеи о том, какой вербальный элемент наиболее адекватен для выражения интенции говорящего человека.

Рассматриваемая организация семантического поля поднимает также вопрос, каким образом она складывается. Понятно, что структура поля отражает осуществленное в истории языка *обобщение* в единую структуру зачастую достаточно различных объектов и явлений. Это привлекает к операции обобщения специальный интерес. Явление обобщения в разных его формах занимает весьма значительное место в вербальной деятельности человека, чему в свое время придала большое значение М. М. Кольцова, исследуя становление речи ребенка (Кольцова, 1967). Добавим к этому,

что явление обобщения вообще широко проявляется в разговорной речи человека. Оно лежит в основе каждой метафоры. При этом в определенном смысле язык от начала до конца строится как метафора. Простые примеры этому встречаются повседневно. Если человек обращает внимание на склонность ребенка подражать, он может назвать его обезьянкой, т. е. обобщить признаки поведения обезьянки и ребенка. Используя отдельные признаки называемых объектов, можно *по видимости* свободно и прихотливо именовать их. Впечатление свободы пользования языком и одновременно его понятности для окружающих создается нередко путем использования определенной формы обобщения. Иначе говоря, свобода обращения со словами в действительности строится на скрытом детерминизме, предполагающем предшествующую систематизацию вербального материала.

Широкая сфера действия обобщения словесных элементов на основе некоторого рода ядерной идеи, так же как поддержание абстрактной идеи на основе элементов конкретного характера, должно иметь пока недостаточно известный науке, но автоматически работающий нейронный механизм, обеспечивающий эти операции. Выше, при рассмотрении онтогенеза именования у ребенка, мы подробно аргументировали нашу гипотезу, согласно которой первичное обобщение воспринимаемых впечатлений (включая вербальные стимулы) происходит в нервной системе младенцев в соответствии с принципами векторного кодирования (Соколов Е. Н., 2003). Развитие этой гипотезы представляется существенным для понимания все еще загадочной способности человека – свободного использования языкового материала. Разработка психофизиологической и нейрофизиологической сторон рассматриваемого явления представляется одной из важных линий его познания. Прогрессивные приемы изучения мозговой деятельности, связанной с высшими психическими процессами человека, в том числе вербальными, успешно разрабатываются в настоящее время в отечественной науке, в частности, на кафедре психофизиологии ф-та психологии МГУ (Е. Н. Соколов, Н. Н. Данилова, Ч. А. Измайлов); в ИВНД и НФ РАН (А. М. Иваницкий и др.).

Из совокупных данных следует, что за лингвистическими описаниями полисемии стоит большая область функционирования семантики вербальной сферы человека. Эта семантика разнообразна, тонко дифференцирована; возможно, переменчива и индивидуально вариативна. Ее исследование с привлечением широкого лингвистического материала может дать возможность *на основе фактов* описать ее особенности, принципы организации, развития (при овладении языком) и др.

Методика второго этапа исследования¹

Второй этап исследования организован с целью выявить, сохраняют ли силу данные, полученные при изучении полисемии одним исследователем, в случае привлечения к анализу других людей, а также, существуют ли индивидуальные вариации в организации семантической структуры многозначных слов.

К эксперименту были привлечены независимые эксперты, выполнявшие задание, по сути, аналогичное анализу полисемических полей по словарю. Методика состояла в проведении анкетирования контингента людей (84 чел.), в той или иной степени владеющих английским языком. Для получения дополнительной информации этот контингент был составлен из двух групп респондентов, различавшихся по уровню языковой подготовки. В группу высокого уровня («продвинутых») вошли преподаватели Московского государственного лингвистического университета, а также магистранты этого вуза по специальности «теория и методика преподавания иностранных языков и культур» (N = 52, 92% – женщины, средний возраст – 23,33 года, ст. откл. – 5,46). Группу менее продвинутого уровня («начинающие») составили студенты лингвистических вузов (МГЛУ, РУДН и МИЛ), изучавшие английский язык в качестве второго иностранного языка (N = 32, 75% – женщины, средний возраст 18,81 лет, ст. откл. – 1,66).

В инструкции к анкете сообщалось, что исследование посвящено особенностям запоминания многозначных слов при усвоении английского языка, приводились примеры полисемических полей, в которых можно выделить основание, являющееся ядерным для составляющих их слов (форма, движение, функция). Далее испытуемым предлагалась в письменном виде инструкция по работе и анкета в виде списка из 30 английских многозначных существительных. Давалось задание определить, какая общая идея (форма, движение или функция) объединяет поле значений предлагаемых полисем. Список был составлен таким образом, что каждая из категорий была представлена в равных количествах десятью примерами. Испытуемые имели возможность выразить степень своей уверенности в ответе (уверен/не уверен), дать множественный ответ с ранжированием (в случае, если, по их мнению, две или три идеи включены в построение данной полисемы), дать ответ «Не знаю», а также предложить свое дополнительное суждение об ином основании полисемического поля. Подробности процедуры анализа разъяснены в инструкции для испытуемого и анкете, которые даются в Приложении 1 в конце данной книги.

1 Соавторы исследования – С. С. Белова и Е. А. Валуева.

Результаты второго этапа исследования

В полученных материалах оценивалось, в какой степени выполнимым оказалось предлагаемое респондентам задание. Процент ответов «Не знаю» («отрицательный ответ») и его соотношение с процентом ответов «положительных» (т. е. ответов, с помощью которых указывается принадлежность слова к одной из трех категорий) может быть использован для суждения по этому вопросу. По всей выборке средний процент «положительных» ответов оказался равен 82,89%, в то время как средний процент «отрицательных» ответов составил 11,11%, (различия значимы на уровне $p < 0,00001$).

Во всех полученных «положительных» ответах для каждой полисемии анкеты подсчитан процент людей, относящих данное слово к одной из четырех категорий: «формы», «движения», «функции» или «не знаю». Слово считалось категоризированным, если выполнялись два условия: а) ответы большинства испытуемых (более 50%) совпали, б) процент людей, отнесших слово к данной категории, значительно отличается от процента людей, произведших любую другую категоризацию (за исключением ответов «не знаю»). Значимость различий оценивалась с помощью критерия хи-квадрат. Результаты оценки представлены на гистограмме (рисунок 4.7), где показаны образовавшиеся в результате анкетирования группировки слов, относимых большинством респондентов к разным категориям. Немногочисленные дополнительные столбики, вкрапленные в основную массу, показывают, что ранжирование не было вполне единодушным, наблюдались исключения. Так, например, слова, относимые большинством к категории «форма», некоторыми участниками эксперимента причислялись к «функции», а в небольшом числе случаев – к «движению». Это можно видеть на гистограмме по небольшим столбикам, «забежавшим» на чужую территорию (см. слово *bead*).

В дальнейшем анализе были прослежены статистические особенности этого распределения. Диаграммы на рисунках 4.8–4.10 обобщают и в другой форме представляют данные рисунка 4.7, показывая средний процент ответов, даваемых респондентами в ситуации, когда оценивались слова одной категории: «форма» (рисунок 4.8), «движение» (рисунок 4.9), «функция» (рисунок 4.10), а также степень включенности нерелевантных ответов.

В категорию «форма» согласно обозначенным выше критериям вошли 6 полисем из 30, представленных в анкете *plate, circle, line, square, board, bead* (рисунок 4.8). Средний процент ответов «форма» для них составил 78,57%, в этой ситуации в категорию «движение» были отнесены 3,17% ответов, «функция» – 6,55%. Ответ «Не знаю» дали 5,56% испытуемых.

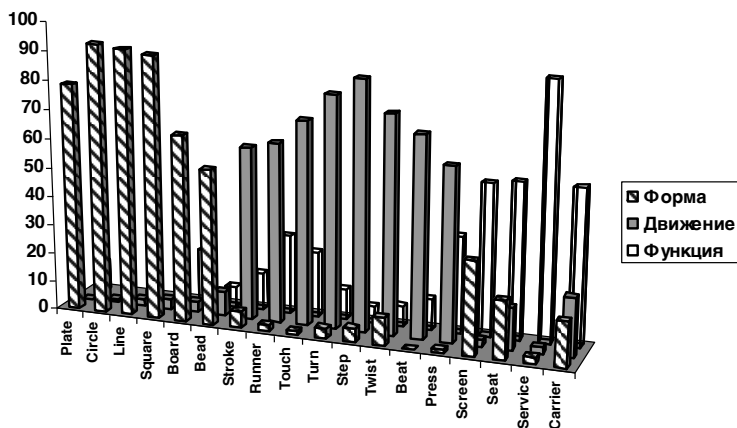

Рис. 4.7. Распределение ответов по 18 полисемам, для которых была выделена ядерная идея

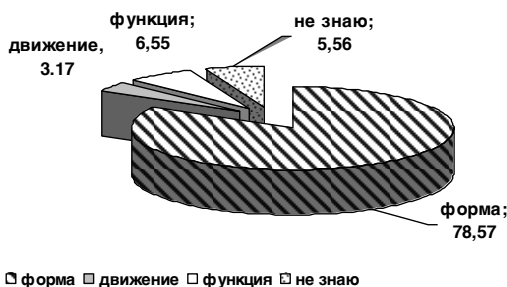

Рис. 4.8. Распределение ответов респондентов по категориям «ядерных идей» для полисем, отнесенных большинством к категории «форма» (в %, вся группа)

К полисемам, где преобладающей оказалась категория «движение», были отнесены 8 слов (*stroke, runner, touch, turn, step, twist, beat*). Средний процент совпадения ответов «движение» для них составил 70,09%, при этом в категорию «форма» и «функция» их отнесли 3,57% и 16,37% соответственно. 4,76% испытуемых дали ответ «Не знаю». Распределение представлено на рисунке 4.9.

В ситуации преобладания категории «функция» к ней отнесены 4 слова (*screen, seat, service, carrier*). Средний результат ответов «функция» составил 61,9%, в этой ситуации к категории «форма» и «движение» их отнесли 17,56% и 9,82% соответственно. 4,46% испытуемых дали ответ «Не знаю». Распределение представлено на рисунке 4.10.

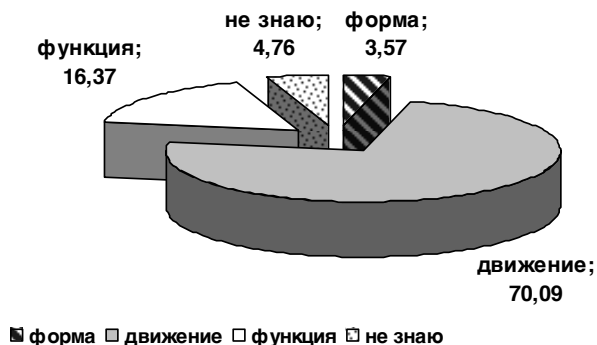

Рис. 4.9. Распределение ответов респондентов по категориям «ядерных идей» для полисем, отнесенных большинством к категории «движение» (в %, вся группа)

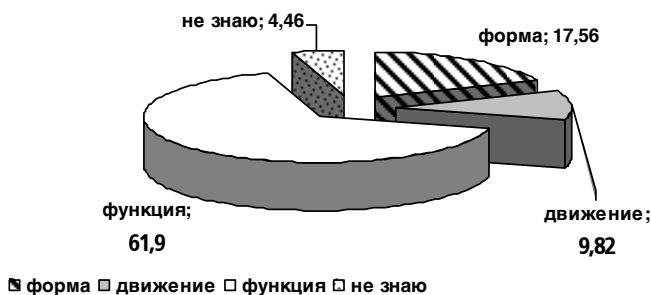

Рис. 4.10. Распределение ответов респондентов по категориям «ядерных идей» для полисем, отнесенных большинством к категории «функция» (в %, вся группа)

Конкретные данные распределения полисем по категориям и первичный обсчет этих данных представлены в таблице 4.2.

На следующем шаге анализа проведен корреляционный анализ между ответами по разным категориям (таблица 4.3). По таблице можно видеть, что корреляция между категорией «форма» и категорией «движение» высокая и отрицательная, что означает взаимоисключаемость этих категорий – высокий процент отнесения слова к одной из категорий означает низкий процент отнесения к другой. Две другие пары категорий (форма-функция и функция-движение) имеют слабую тенденцию к взаимоисключению, но корреляции низки и не достигают значимого уровня.

Таблица 4.2

Распределение слов по категориям для выборки в целом
(в процентах людей, отнесших слово к той или иной категории)

		Слова, вошедшие в категорию «форма»			
		Форма	Движение	Функция	Не знаю
1	Circle	92,86	1,19	0,00	0,00
7	Bead	53,57	8,33	7,14	26,19
8	Board	64,29	3,57	19,05	3,57
13	Line	91,67	2,38	2,38	0,00
23	Plate	78,57	0,00	10,71	1,19
28	Square	90,48	3,57	0,00	2,38
	Среднее	78,57	3,17	6,55	5,56
		Слова, вошедшие в категорию «движение»			
2	Turn	3,57	79,76	10,71	0,00
3	Runner	2,38	61,90	27,38	2,38
6	Stroke	5,95	59,52	13,10	14,29
11	Press	1,19	59,52	33,33	1,19
14	Touch	1,19	70,24	22,62	1,19
18	Step	4,76	85,71	5,95	0,00
19	Twist	9,52	75,00	7,14	4,76
30	Beat	0,00	69,05	10,71	14,29
	Среднее	3,57	70,09	16,37	4,76
		Слова, вошедшие в категорию «функция»			
5	Screen	32,14	2,38	52,38	5,95
16	Service	2,38	2,38	88,10	3,57
24	Seat	20,24	14,29	53,57	1,19
26	Carrier	15,48	20,24	53,57	7,14
	Среднее	17,56	9,82	61,90	4,46
		Слова, не вошедшие ни в одну категорию			
17	Perch	23,81	8,33	13,10	46,43
25	Rod	38,10	3,57	16,67	34,52
27	Dip	10,71	35,71	4,76	41,67
4	Plug	16,67	27,38	39,29	11,90
9	Crack	11,90	45,24	26,19	13,10
10	Mill	16,67	13,10	45,24	19,05
12	Car	19,05	34,52	34,52	3,57
15	Pan	45,24	1,19	32,14	16,67
20	Coat	39,29	1,19	53,57	1,19
21	Fixture	21,43	7,14	36,90	29,76
22	Bridge	41,67	2,38	42,86	0,00
29	Stem	38,10	9,52	22,62	26,19
	Среднее	26,88	15,77	30,65	20,34

Таблица 4.3

Различие взаимосвязей между категориями «ядерных идей»
(коэффициент корреляции Спирмена)

	форма	движение
Движение	-0,814*** p=0,000	
Функция	-0,202 p=0,284	-0,160 p=0,398

Различия между «начинающими» и «продвинутыми» респондентами

Обращает на себя внимание факт, что «начинающие» значимо чаще используют ответ «Не знаю» по сравнению с «продвинутыми» испытуемыми. Это видно из таблицы 4.4, где показано, что среди слов, не вошедших ни в одну из категорий, в группе «начинающих» 5 слов (*perch, fixture, rod, dip, stem*) набрали более 40% ответов «Не знаю», тогда как в группе «продвинутых» такие показатели относились только к первому слову (*perch*). Этот результат подтверждается анализом значимости различий в использовании категории «Не знаю» в двух группах. В группе «начинающих» категория «Не знаю» используется в среднем в 16,46% случаев, а в «продвинутой» группе – в 7,8% (различия значимы на уровне $p < 0,0001$, см. таблицу 6).

В таблице 4.4 приведено распределение слов по категориям в двух группах испытуемых в отдельности¹. В группе «начинающих» в категории «форма», «движение», «функция» вошло 8, 8 и 1 слово, а в группе «продвинутых» – 7, 9 и 7 слов соответственно.

Анализ распределения средних процентов ответов для слов, вошедших в категории «форма», «движение», «функция», показал, что различия между группой «начинающих» и «продвинутых» не достигают значимого уровня. Вместе с тем были обнаружены другие интересные различия между «начинающими» и «продвинутыми» испытуемыми.

«Начинающие» с большей вероятностью предпочитают в ответах использовать категорию «форма» по сравнению с «продвинутыми» испытуемыми. У последних по сравнению с «начинающими», наоборот, преобладают ответы в категории «движение» и «функция». Данные представлены в таблице 4.5, все различия значимы.

1 Поскольку две интересующие нас группы оказались разного размера и невелики по численности, то критерием отнесения слова в ту или иную категорию послужило превышение 50% порога по количеству респондентов.

Таблица 4.4

Распределение слов по категориям для групп «начинающих» (N=52) и «продвинутых» (N=32) респондентов

«Начинающие»						«Продвинутые»					
№	Слова	Форма	Движение	Функция	Не знаю	№	Слова	Форма	Движение	Функция	Не знаю
Слова, вошедшие в категорию «форма»											
1	Circle	96,88	3,13	0,00	0,00	1	Circle	90,38	0,00	0,00	0,00
7	Bead	50,00	9,38	0,00	34,38	7	Bead	55,77	7,69	11,54	21,15
8	Board	81,25	3,13	9,375	0,00	8	Board	53,85	3,85	25,00	5,77
13	Line	87,50	3,13	6,25	0,00	13	Line	94,23	1,92	0,00	0,00
23	Plate	84,38	0,00	3,13	0,00	23	Plate	75,00	0,00	15,38	1,92
28	Square	93,75	0,00	3,13	3,13	28	Square	88,46	0,00	3,85	1,92
20	Coat	68,75	3,13	21,88	3,13	15	Pan	50,00	0,00	38,46	5,77
22	Bridge	62,50	0,00	28,13	0,00						
	Среднее	78,13	2,73	8,98	5,08		Среднее	72,53	1,92	13,46	5,22
Слова, вошедшие в категорию «движение»											
2	Turn	3,13	68,75	25,00	0,00	2	Turn	3,85	86,54	1,92	0,00
3	Runner	6,25	56,25	37,50	0,00	3	Runner	0,00	65,38	21,15	3,85
11	Press	3,13	75,00	15,63	3,13	11	Press	0,00	50,00	44,23	0,00
14	Touch	3,13	56,25	34,38	3,13	14	Touch	0,00	78,85	15,38	0,00
18	Step	9,38	81,25	6,25	0,00	18	Step	1,92	88,46	5,77	0,00
19	Twist	15,63	59,38	12,50	12,50	19	Twist	5,77	84,62	3,85	0,00
30	Beat	0,00	62,5	6,25	25,00	30	Beat	0,00	73,08	13,46	7,69
12	Car	31,25	50,00	15,63	0,00	6	Stroke	3,85	69,23	13,46	5,77
						9	Crack	5,77	63,46	19,23	7,69
	Среднее	8,98	63,67	19,14	5,47		Среднее	2,35	73,29	15,38	2,78
Слова, вошедшие в категорию «функция»											
16	Service	6,25	6,25	81,25	6,25	16	Service	0,00	0,00	92,31	1,92
						5	Screen	25,00	3,85	59,62	1,92
						10	Mill	7,69	17,31	59,62	7,69
						20	Coat	21,15	0,00	73,08	0,00
						22	Bridge	28,85	3,85	51,92	0,00
						24	Seat	17,31	11,54	57,69	0,00
						26	Carrier	3,85	28,85	57,69	5,77
							Среднее	14,84	9,34	64,56	2,47
Слова, не вошедшие ни в одну категорию											
17	Perch	34,38	0,00	12,50	46,88	17	Perch	17,31	13,46	13,46	46,15
21	Fixture	28,13	3,13	21,88	46,88	21	Fixture	17,31	9,62	46,15	19,23
25	Rod	37,50	3,13	15,63	40,63	25	Rod	38,46	3,85	17,31	30,77

Продолжение таблицы 4.4

27	Dip	15,63	18,75	3,13	46,88	27	Dip	7,69	46,15	5,77	38,46
29	Stem	37,5	6,25	6,25	46,88	29	Stem	38,46	11,54	32,69	13,46
4	Plug	21,88	12,50	34,38	28,13	4	Plug	13,46	36,54	42,31	1,92
5	Screen	43,75	0,00	40,63	12,50	12	Car	11,54	25,00	46,15	5,77
6	Stroke	9,38	43,75	12,50	28,13						
9	Crack	21,88	15,63	37,50	21,88						
10	Mill	31,25	6,25	21,88	37,50						
15	Pan	37,50	3,13	21,88	34,38						
24	Seat	25,00	18,75	46,88	3,13						
26	Carrier	34,38	6,25	46,88	9,38						

Примечание: Курсивом обозначены слова, которые были квалифицированы только по ответам «продвинутых» респондентов.

Таблица 4.5

Средний процент использования категорий ядерных идей полисем в группах «продвинутых» и «начинающих» респондентов и различия между ними (критерий Вилкоксона, в скобках – стандартные отклонения)

	Форма	Движение	Функция	Не знаю
Начинающие	36,04 (29,54)	22,5 (27,14)	20,94 (18,08)	16,46 (17,87)
Продвинутые	25,89 (29,48)	29,49 (31,85)	29,61 (24,60)	7,81 (11,89)
Значимость различий	-3,709 p=0,000	-2,426 p=0,015	-2,606 p=0,009	-3,432 p=0,001

Обнаружены также различия двух групп в корреляциях категорий между собой. В таблице 4.6 приведены корреляции между ответами по разным категориям для двух групп. Как и в случае со всей выборкой в целом, в обеих группах можно наблюдать высокую отрицательную корреляцию между категориями «форма» и «движение». Корреляции между другими категориями различались в двух группах. Корреляции между категориями «форма» и «функция» в группе «начинающих» и «продвинутых» составили $-0,37$ ($p < 0,05$) и $-0,18$. Различия между этими коэффициентами не значимы, однако есть тенденция к более выраженной взаимоисключаемости категорий «форма» и «функция» в группе «начинающих». Что касается категорий «функция» и «движение», то здесь ситуация прямо противоположная: почти нулевая корреляция в группе «начинающих» и отрицательная ($-0,249$, различие не значимо) в группе «продвинутых».

Таким образом, как «начинающие», так и «продвинутые» респонденты достаточно хорошо дифференцировали категории «форма» и «движение»; на уровне тенденции «начинающие» лучше, чем «продвинутые», различали категории «форма» и «функция», но при этом хуже дифференцировали категории «движение» и «функция».

Таблица 4.6

Коэффициенты корреляции Спирмена между категориями ядерных идей полисем по группам испытуемых

	Начинающие		Продвинутые	
	Форма	Движение	Форма	Движение
Движение	-0,835*** p=0,000		-0,763*** p=0,000	
Функция	-0,366* p=0,046	0,091 p=0,633	-0,177 p=0,350	-0,249 p=0,184

Далее был проведен анализ расстояний между словами в трехмерном пространстве с осями координат «форма» – «движение» – «функция». Для каждого слова попарно подсчитаны расстояния со всеми другими словами по формуле:

$$R = \sqrt{\Delta form^2 + \Delta mov^2 + \Delta funct^2},$$

где $\Delta form$, Δmov , $\Delta funct$ – разница между двумя словами в процентах ответов по категориям «форма», «движение» и «функция» соответственно.

Расстояния подсчитаны для групп «начинающих» и «продвинутых» испытуемых по отдельности. В таблице 4.7 приведены средние расстояния по всем парам слов для двух групп (в скобках – стандартные отклонения). Анализ значимости различий по тесту Вилкоксона показал, что среднее расстояние между словами существенно больше в группе «продвинутых» по сравнению с «начинающими». Можно образно сказать, что слова в группе «начинающих» образуют более плотное облако, чем в группе «продвинутых» респондентов.

Обсуждение результатов второго этапа исследования

Результаты второго этапа исследования показали, что подавляющее большинство участвовавших в эксперименте респондентов (около 90%) усматривают присутствие «ядерной семантической идеи» в предъявляемых полисемах. «Усмотрение» ядерной идеи разными испытуемыми имеет регулярные и единообразные формы. Распределения полисем по категориям обнаруживает согласованность, совпадение суждений испытуемых составляет более 70%, что далеко превосходит случайные показатели. Этот факт свидетельствует

Таблица 4.7

Средние расстояния между полисемами в трехмерном пространстве, образованном измерениями ядерных идей («форма», «движение», «функция»), в двух группах респондентов и значимость различий (критерий Вилкоксона, в скобках – стандартные отклонения)

	Расстояние
Начинающие	55,42 (28,31)
Продвинутые	62,89 (32,09)
Значимость различий	-10,176 p=0,000

о высокой степени единообразия выполняемых ментальных операций. В соответствии с данным выше определением эти операции мы характеризуем как вербально-семантические по своему характеру, поскольку они сродни таким проявлениям психики человека, как понимание, осознание, осмысление. Организация эксперимента показывает, что в предлагаемой испытуемому задаче осмысление содержания полисемы наступает лишь в результате действия инструкции. Из этого следует, что способность к осмыслению полисем в жизненных ситуациях и практическом использовании языка действует в разных формах – осознанного и неосознанного («автоматического») понимания.

Обратим теперь внимание на факты, показывающие стойкие различия в оценивании респондентами используемых в эксперименте категорий – «формы», «движения», «функции» (рисунки 4.8–4.10, таблицы 2–3). Наиболее единодушно опознаваемой категорией, по нашим данным, стала категория «формы». По корреляционному анализу она в наибольшей степени отличается от двух других используемых в опыте категорий. Это свидетельствует о том, что характер семантических операций, производимых на основе наглядных (зрительно воспринимаемых и представляемых) объектов, отличен от тех, какие включаются в обработку объектов по признаку движения или функции (т. е. в большей мере абстрактных признаков).

Следующая совокупность полученных фактов связана с различием показателей, относящихся к группе «продвинутых» и «начинающих» испытуемых. Эти различия четко проявляются: а) в существенно большей частоте отказа «начинающих» от выполнения задания; б) в обнаружении «начинающими» меньшего числа функционирующих категорий в их языковом арсенале, нежели у «продвинутых», в) в различии внутренней организованности между используемыми в опыте вербальными элементами: слова в группе «начинающих»

образуют более плотное облако, чем в группе «продвинутых» и, соответственно, менее четко дифференцируются. Факты различий в показателях двух групп следует, видимо, понимать в том смысле, что семантические операции, связанные с формированием категорий, развиваются в результате языкового опыта и последовательно заполняют вербальную сферу, начиная с решения более простых задач. Из этих данных следует также, что повышение уровня владения языком включает не только наращивание лексики и грамматики, но и компоненты внутренней семантической организации лексикона.

Выводы

В исследовании выявлены не описанные ранее характеристики в организации семантики локальных полисемических сетей. Эти структурные вербальные образования характеризуются основополагающей ролью в них семантического компонента и выявляют не только единичное, но и систематическое его действие в пределах элементов полисемического поля.

Компонент, названный «ядерной идеей» поля, представляет собой семантическое образование абстрактного, обобщенного характера, в той или иной мере обозначенное в каждом элементе поля. Особенности способа сохранения ядерной идеи в структуре семантического поля дают основание для развития представлений о природе и функционировании абстрактных понятий человеческого менталитета.

В структуру полисемического поля входят другие (часто в большом количестве) вербальные компоненты, имеющие обычно характер конкретных именовании и строящиеся в большом числе случаев на перцептивных, мнемических и ассоциативных данных.

Семантический компонент вербальных элементов при их неключенности в речевой или иной ментальный процесс пребывает в латентной, неосознаваемой форме, однако при определенных условиях он может быть осознан пользующимся языком человеком.

Такие категориальные признаки объектов, как особенности их *формы, движений и функций*, в значительном числе случаев являются компонентами семантической структуры вербальных элементов поля. Можно предположить, что через посредство семантических процессов происходит «укоренение» в вербальной сфере воспринимаемых внешних впечатлений, их «вживление» в когнитивно-вербальный механизм. В этом, по-видимому, состоит одна из сторон обработки действительности словом, которая в разных языках может происходить по-своему.

Способы кодирования семантических компонентов, относящихся к разным категориям, не одинаковы: наиболее четко обозначаются

признаки формы называемых объектов; тогда как признаки движений и функций объектов кодируются менее однозначно.

Наблюдается значительная близость семантической организации полисемических полей у взрослых хорошо владеющих данным языком людей. Слова языка несут на себе «семантические идеи», общие для исследованного контингента людей, а возможно, и для широкого круга людей, говорящих на одном языке.

Представление о внутренней семантической организации полисемических полей – ядерной идее – может быть продуктивно использовано в разработке крупной психолингвистической проблемы именованя, т. е. встречи мысли и слова в речевом процессе.

Рассмотрение модели полисемического поля в динамическом плане показывает, что семантика «переносится» с одного именуемого элемента на другой по определенным принципам. *В основе этого «переноса» лежит когнитивный процесс, вовлекающий в свое протекание операции перцептивного и мыслительного характера.* Это обстоятельство указывает на то, что процесс исторического формирования языка и его усвоения ребенком проходит совместно с развитием восприятия и понимания окружающего мира. Последний тезис, по всей вероятности, правомерен и в отношении речевого онтогенеза, поскольку овладение языком у ребенка происходит в большой мере не столько как «усвоение» языка окружающих, сколько как его развитие и даже «саморазвитие» (Ушакова, 2004).

Исследование текста

В анализе проблемы вербальной семантики нельзя пройти мимо такого объекта, каким является текст. Содержание сознания автора, его мотивация, особенности стиля, эстетические предпочтения нигде не могут быть выражены так полно и развернуто, как в тексте. Специалисты различного профиля занимаются изучением текстов. В нашей работе основное внимание направлено на психологический аспект темы.

Текст как объект психологического анализа¹

Существует распространенное мнение, что необходимая характеристика текста – это его письменная форма (Гальперин, 1981) Отнесение термина «текст» лишь к письменному варианту речевой продукции аргументируется расхождением особенностей письменной и устной речи, различием их синтаксиса и словаря, диа-

1 Использован материал статьи: Ушакова Т. Н. Текст как объект психологического анализа // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 1. С. 107–115.

логической или монологической направленностью, условиями создания и др. По нашему мнению, эта аргументация недостаточна для выведения речевой продукции устного типа из разряда текстов. Существуют такие промежуточные варианты, как подготовленные устные выступления, литературно оформленные экспромты. Они свидетельствуют об отсутствии непреодолимой границы между устной и письменной речью. Главное же заключается в том, что и устная, и письменная формы – это результат единого по своей сути речетворческого процесса, словесно выраженный продукт речемыслительной деятельности человека. В этом их общий корень, основа сближения, не отменяющая различий. Показательно, что многие авторы снимают дихотомию устной и письменной речи (Косериу, 1977; Сорокин, 1985).

Почему именно тексты (а не более дробные элементы речи – предложения, слова) интересны для психологического исследования? Во-первых, в тексте раскрываются полноценные и неограниченные возможности для воплощения часто очень сложного замысла автора, семантики в широком смысле. Во-вторых, на современном этапе развития психологии нарастает тенденция к проведению комплексных, системных исследований, в которых речь и речевые функции рассматриваются в условиях реальной жизни, в структуре общения и взаимодействия людей. Основную роль в этой структуре играют целостные коммуникативные ситуации и целые речевые массивы, отражающие и регулирующие эти ситуации, т. е. тексты моно-, диа-, полилогов. Более ранний поиск ответа на вопрос о том, каким образом человек строит грамматически оформленные предложения (Слобин, Грин, 1977), отступает перед исследованиями сравнительно больших речевых отрезков – текстов, включенных в жизненную ситуацию и служащих коммуникативным целям.

В последние десятилетия текст стал объектом активного изучения в языкознании, появилась так называемая лингвистика текста (Лингвистика текста, 1974, Проблемы связности и цельности текста, 1982; Проблемы теории текста, 1978; Текст и аспекты его рассмотрения, 1977). Лингвистический подход ориентирован на выявление характеристик, которые можно назвать внутритекстовыми, поскольку они описывают способы внутренней организации структуры текста. Выделены так называемые сверхфразовые единства, включающие последовательность предложений. Связность, цельность и семантическая завершенность рассматриваются как основные признаки текстовых единиц. Обнаруживаются грамматические, лексические и интонационные средства, помогающие определить основной текстообразующий признак – связность.

Понятно, что с психологической точки зрения можно посмотреть на текст шире: через текст, через речевую продукцию в общении мы можем понять и почувствовать человека, его мысль, определить настроение, характер, воспитание и т. д. В работе делается попытка рассмотреть текст как объект психологического анализа, т. е. выделить аспекты текста, которые приводят к пониманию тех или иных психологических особенностей человека.

В первую очередь попытаемся определить психологический аспект в содержательной стороне текстов. В речевой форме человек может выразить все или почти все, что он находит в окружающей действительности и в самом себе. Переработанная человеком информация об окружающем мире, воплощенная в речевую форму, несет на себе печать психики человека. Из этого, казалось бы, следует, что объектом психологического анализа должно стать любое переданное с помощью речи знание, в том числе содержание конкретных наук (физики, биологии и др.). Однако такое знание, очевидно, неадекватно передает психическое состояние создателя текста. Нужно ли признать в таком случае, что психологически информативной может быть содержание речи только психологов? Видимо, не совсем так. Отдельные аспекты содержания речи могут быть использованы в психологических целях. Так, с помощью психоанализа по характеру речевых проявлений (течение ассоциаций, оговорки) уже давно производится психологическая операция по выделению болезненных структур подсознания. К. Юнг использует описание сновидений, тексты поэтического творчества для выделения архетипов в подсознании человека (Юнг, 1986). Ж. Лакан анализирует отношение человека к миру, ориентируясь на характер обсуждаемых им тем (Smith et al., 1983; Lacan, 1977).

Содержательная сторона речи достаточно широко рассматривается в процедуре контент-анализа. В теоретическом плане психологически интересными оказываются исследования содержания текстов, проводимые в рамках исторической психологии и культурной антропологии (Аверинцев, 1977; Леви-Стросс, 1974; Лотман, 1968; Топоров, 1983; Фуко, 1977). Через анализ текстов мифов, поэтических произведений и других материалов авторы получают представления о структуре мышления человека (например, оперирование бинарными оппозициями), об особенностях отражения мира в его сознании (использование символов, магия числа).

Вряд ли правильно думать, что только сложные процедуры анализа речевого содержания могут стать источником получения психологической информации. Существует сфера личностных качеств, доступных адекватному осознанию самим человеком: жизненные позиции, убеждения, интересы, привычки. Здесь содержание от-

ветов на характерные вопросы может дать ценную информацию об определенных сторонах личности. Иначе обстоит дело с возможностью даже для подготовленных людей адекватно характеризовать свои психические процессы, функции и состояния.

При использовании косвенных показателей речевого содержания представляется важным выделить такой момент, как выбор человеком темы разговора или обсуждения. Обращение человека к определенным темам (особенно в случае существования излюбленных тем) дает основания для суждения о направленности его интересов. Такие суждения могут опираться на то, предпочитает человек говорить о своих болезнях или спорте, семейных или общественных делах, обсуждает абстрактные проблемы или жизненные ситуации. Обращаясь к конкретной теме, люди обнаруживают индивидуальные психологические особенности и в характере самой ее разработки. «Сильные умом» смотрят «в корень», выделяют главное, судят масштабно, перспективно. Умы «послабее» высказывают вялые, не обладающие новизной суждения, как бы топчутся на месте. В связи со сказанным перед психологом, изучающим через текстовую продукцию психологические особенности человека, встает ряд проблем: использовать надежные приемы для выявления предпочитаемых тем, объективно характеризовать способы их разработки, найти подходы к их количественной оценке, систематизировать существующие случаи и по возможности приблизить их к нескольким общим типам. Такая работа может иметь практическое значение для оказания помощи людям, осуществляющим организационную, административную, политическую деятельность, а также тем, кто стремится к самопознанию и самосовершенствованию. Ситуации, требующие речемыслительных способностей обсуждаемого типа, складываются нередко при совместном обсуждении сложных проблем на больших собраниях.

Симптоматичность обсуждаемых в разговоре тем для психологической характеристики говорящего человека аргументируется во многих публикациях. Развивается точка зрения, согласно которой тематическое содержание речи обнаруживает скрытые, часто неосознаваемые особенности личности. Авторы обсуждаемого исследования описывают феномен так называемой «эгоречи» (egospeak), т. е. «психологической болезни», при которой человек думает в разговоре о том, чтобы сказать только «свое». В эгоречи выражаются скрытые глубины подсознания с их основными мотивами: достижения безопасности и продолжения рода. Соответственно основные темы эгоречи: служебное положение (где прямо или косвенно показывается значительность говорящего), его дети (подчеркивается одаренность и перспективность ребенка), сексуальный партнер

(демонстрируется доминирование говорящего), престижные люди, предметы, места, близость к которым повышает значимость говорящего, и др. (Addeo & Buerger, 1974).

С психологической точки зрения целесообразно выделить для анализа аспект речевых текстов, который можно обозначить как аспект текстовой формы. В круг рассмотрения более или менее органично войдут тогда разнообразные приемы, применяемые говорящим для того, чтобы быть понятым, произвести намеченное или интуитивно предполагаемое воздействие. Среди приемов текстовой формы можно назвать выстроенность письменной или устной речи, т. е. способы организации текстового материала для удобства его восприятия и понимания, получения слушающими желательных говорящему впечатлений; соблюдение естественности речи, ее стилистической адекватности; понимание говорящим слушателей и их учет в своей речи; выполнение требований необходимой достаточности (не избыточности) речи; употребление соответствующей лексики, грамматических форм. Эти, казалось бы, очень разные речевые приемы объединяются на основании их тесной связи с природой порождающего и воспринимающего речевого механизма (с учетом корректирующего влияния на них социального окружения). Дело в том, что если бы человек мог непосредственно передавать другим свои мысли и чувства без помощи речи (как это иногда встречается в фантастических романах), то они могли бы представлять единый и целостный образ, одновременно охватывающий и передающий мыслительное содержание. Однако такие явления науке неизвестны. Речевая передача состоит, по мысли А. Потебни, в возбуждении у слушателей образа, подобного тому, какой есть у говорящего, посредством последовательных и косвенных словесных воздействий (Потебня, 1926). Для этого протяженного во времени процесса характерны естественность его течения, соответствие природе психики и нервной деятельности. Лишь в рамках этих законов человек может быть понят и тем самым оказать желательное воздействие на слушающих. Выработанные народами в ходе употребления языка речевые формы в неявном виде построены с учетом возможностей нервной системы человека, ее функций в обработке речевого материала, на что обратил внимание В. Гумбольдт (1987).

Если рассматривать вопрос о текстовых формах без ограничений, то он окажется непомерно широким. В связи с этим появляется необходимость обращения к исследованиям композиции и структуры литературных произведений, к анализу различных художественных приемов, правил ведения и выражения мысли в текстах. Это область, которая исследуется, прежде всего, литературоведением.

Особенности организации письменных текстов изучались с психологической точки зрения (Артемов, 1963; Добраев, 1982; Жинкин, 1956; Новиков, 1983; Чистякова, 1981). Выделяются два основных подхода к анализу: предикативный и денотативный. По идее Н. И. Жинкина (1956), в тексте выделяется его внутренняя организация, определяемая иерархией предикатов (предикативный подход). Эта иерархия соответствует последовательно раскрываемым в тексте признакам описываемого предмета. Авторы денотативного подхода (Новиков, 1983; Чистякова, 1981) считают, что предикативные конструкции отражают, прежде всего, логическую структуру текста, но не его конкретный смысл и содержание. Психологическому содержанию соответствует денотативный уровень информации, формирующейся в интеллекте человека в виде целостного комплекса, который прямо не связан с формальными особенностями текстов. Денотативный уровень представляется в виде схемы, графа или сети: имена денотатов помещаются в вершины графа, ребра отражают отношения между денотатами.

Если письменной речи присущи последовательность, логическое развитие мысли, полнота, связность, то устная разговорная речь подчиняется в существенной мере иным правилам. Различия между разговорной и письменной речью настолько ощутимы, что неироническое использование приемов письменной речи в обыденных условиях производит обычно негативное впечатление.

Своеобразие устной и разговорной речи исследовано в лингвистических работах (Гаспаров, 1978; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1979, Кожевникова, 1985). Исследования показали, что в норме (а не в нарушении или недоразвитии) устные разговорные тексты обнаруживают неоформленность синтаксических и семантических связей в пределах предложений и развернутых текстов. Лингвистическими средствами фиксируются лишь некоторые, обычно ближайшие связи слов и предложений; в результате дискретность текстовых элементов ослабевает, отдельные элементы образуют смысловые конгломераты. В развернутом тексте встречаются повторения, возвращения к сказанному, чересполосица межфразовых связей. Своеобразна лексика разговорной речи, включающая экспрессивные словообразования; для нее характерны индивидуальное словотворчество, неординарные варианты словоупотребления.

Описаны текстовые формы, реализуемые в письменной и устной речи. В письменной – это выстраивание иерархии предикатов, использование различных уровней «смысловых зон» текста, введение приемов связности, завершенности текста. В устной – это употребление препаратов (вводных форм), опора на нестрогий оформленный план целого высказывания, ближнее введение главной темы, под-

бор отдельных сегментов к общей схеме содержания, возможность использования не выстроенных текстовых структур (возвращение, повторы), активное включение экспрессивного словообразования, неординарное использование семантики слов и др.

Психологический анализ направлен на выявление глубинных оснований различных текстовых форм, что отличает его от большей части описательных литературоведческих исследований. Дальнейшее развитие рассматриваемого психологического направления может иметь практическое значение для повышения квалификации людей «речевых профессий». Их профессиональное совершенствование основывается на осознании своих возможностей и недостатков, а также на практическом усвоении форм устной и письменной речи. Важность работы в указанном направлении обнаруживается в несомненном интересе широкого круга людей к вопросам культуры речи, ораторскому искусству. В наши дни прослеживается тенденция к обновлению и расширению древней науки риторики.

Поскольку текстовые формы тесно связаны с особенностями функционирования речевого механизма, то речевые проявления у различных людей могут служить диагностическим средством для характеристики индивидуальных психофизиологических возможностей людей в речевой сфере, что может быть использовано при профотборе на «речевые специальности», а также для выявления через их посредство текущих функциональных состояний (стресса, утомления и др.) (Речь, эмоции, личность, 1978).

Существует психологический аспект речи, который можно назвать собственно коммуникативным. Этот термин концентрирует внимание на особенностях речи, связанных с обеспечением взаимодействия людей в общении. Тем самым речь превращается в форму поведения человека, обнаруживает проявления его характера, его отношения к другим людям, его жизненные и социальные позиции. Возможность рассматривать речь как вид поведения вытекает уже из того обстоятельства, что в жизни обнаруживаются типы личностей, выделенных на основе особенностей их речевой коммуникации. Например, тип брюзги или молчуна, у которых реакция брюзжания или молчания как универсальная проявляется в разнообразных жизненных ситуациях.

Существует другие личностные типы с акцентом на речевых проявлениях. Можно выделить специально речевые поступки как действия в речевой сфере (например, приласкать или обидеть словом, ввести в заблуждение, выступить со смелым суждением). Встречаются случаи борьбы словами, напоминающие схватку с применением физической силы.

В жизни современного общества существует обширная сфера коммуникативных речевых воздействий. Уже с раннего возраста с помощью речи ребенок побуждается к выполнению жизненных функций. Различными способами регулируется его субъективное состояние: словами его подбадривают, ласкают, наказывают. Значение такого рода воздействий обнаруживается при их дефиците (у детей в домах ребенка, у воспитывающихся в изоляции) (Лисина, 1986). Роль речевых побуждений, запрещений и других форм коммуникации сохраняется на протяжении всей жизни человека: при обучении в школе и вузе, на производстве, в личных взаимоотношениях.

Было бы ошибкой считать, что обсуждаемый аспект речи не требует научного анализа. Долгое время он выпадал из поля внимания психологов и лингвистов, однако зародившаяся в 1960-е годы лингвистическая теория речевых актов выявила значение целевых установок, реализуемых людьми в процессе речи (Теория речевых актов, 1986). Анализируя исходно юридические материалы типа завещаний, установлений и т. п., авторы подчеркнули специфику речи как действия, связали ее с намерениями, желаниями, отношениями человека. Широкий круг проблем связи речи с действительностью, включение фонда знаний собеседников, использование разного рода конвенций рассматриваются сейчас в рамках лингвистической прагматики. За рубежом появился ряд психологических публикаций по исследованию и оптимизации речевого общения (Addeo, Buerger, 1974; Argyle, 1973; Becvar, 1974; Craig, Tracy, 1983; Heun, 1978; Miller, Burgoon, 1973 и др.).

Назрела необходимость систематического исследования речевого общения с позиций психологии коммуникативного аспекта речи. Это означает, что требуется разработать описание его общей структуры, составляющих элементов, выявить существующие личностные варианты, по возможности создать их типологию. Важны методические средства и способы, позволяющие охарактеризовать особенности индивида, а также пути коррекции и совершенствования речевого общения.

Такая работа может способствовать психологическому консультированию, ориентированному на людей с речевыми специальностями: администраторов, политических работников, журналистов, комментаторов. Рекомендации такого рода могут иметь значение и для людей, по роду занятий или по личным склонностям нуждающихся в совершенствовании форм речевого общения: учителей, не находящихся общего языка с учениками; врачей, не умеющих общаться с больными, и т. п. Поэтому полезна выработка общих рекомендаций, их описание в популярных брошюрах для разно-

го контингента необходимо введение спецкурсов в соответствующих учебных заведениях. Такого рода мероприятия послужат общему повышению культуры людей и специально – культуры их общения.

Интеннт-анализ политических выступлений¹

В данном разделе мы обращаемся к разработке, проведенной под нашим руководством коллективом лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН в 1990-е годы с целью характеристики тех речевых приемов, какими пользуются политики в своих действиях. Задача объяснения способов использования слова в практической жизни, позволяющих человеку через речь оказывать влияние на окружающих, остается актуальной в наши дни. С первого взгляда может показаться, что ответ прост: путем приказов, советов и других так называемых директив. Однако более глубокое рассмотрение этого вопроса в современной лингвистической философии и лингвистике показало упрощенность этого представления, что убедительно показано в теории речевых актов (Остин, 1986; Сёрль, 1986). Арсенал средств и методов словесного воздействия отнюдь не исчерпывается директивами и оказывается неизмеримо более богатым. Причем использование приемов словесного влияния и воздействия – далеко не простое дело: в одних случаях людям удается добиваться желаемых результатов, в других – напротив, вразрез со своими желаниями человек оказывается перед совсем другими, неожиданными последствиями своих высказываний.

В представленной здесь работе решалась задача рассмотрения теоретического вопроса о принципах и механизмах, на основе которых субъект использует слова в своих действиях. Эта задача решалась также и в конкретно-практическом плане, поскольку материалом для научного анализа служили современные выступления – тексты, произносимые российскими политическими лидерами, публикуемые в средствах массовой информации.

В теоретическом плане большое значение в работе придано понятию интенциональной направленности говорящего, т. е. того побудительного основания, по которому субъект вводит в свою речь те или иные объекты обсуждения с той или иной их оценочной коннотацией. Через раскрытие интенциональной направленности исследователь получает возможность понять психологический ко-

1 В тексте данного раздела использована авторская публикация: Слово в действии. М.–СПб.: Алетей, 2000. С. 5–40. В исследовании принимали участие сотрудники лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН.

рень речи: почему субъект осуществляет то или иное высказывание, каково отношение говорящего к предмету обсуждения. Разработка проблемы интенции в психологии и сопредельных науках имеет определенную историю, тем не менее само понятие интенции остается в известной мере неоднозначным.

В нашей работе мы не занимались вопросом мистической силы слова и разрабатывали другую идею. Мы полагаем, что человеческая речь в принципе, по самой своей природе обладает действенной силой, только люди не всегда осознают это. Задачу нашего теоретического анализа и эмпирических исследований мы видели в том, чтобы подвергнуть объективному анализу эту способность слова, выявить ее основания, а также путем анализа конкретных образцов речи – текстового материала – разобраться, какие формы действенной направленности повседневно используются в речевой практике. Задача состояла в том, чтобы выявить и объективировать неявные формы словесных воздействий, применяемых людьми в обычной речи. А они присутствуют практически в каждом речевом высказывании, и в них нет ничего мистического. Они усваиваются каждым из нас на практике и служат тому, чтобы мы могли с их помощью более или менее удачно реализовать в жизни наши намерения, желания, порой плохо сдерживаемые импульсы и порывы. В целом мы считаем, что речь – это зеркало души человека, текст – вынесенный вовне продукт человеческой психики. Поэтому недостаточно уметь читать в письменных текстах только описание действительности, что обычно и называется его содержанием. Задача психологической науки, изучающей речь, состоит в том, чтобы научиться читать и то, что может быть названо *психологическим содержанием* устного или письменного текста: внутренний мир автора, его желания, опасения, практические направленности.

Интен-анализ конфликтных политических выступлений

Первый этап наших исследований, начавшийся в 1994 г., связан с анализом конфликтных политических выступлений. Этот материал удобен с исследовательской точки зрения, поскольку конфликтная ситуация, предположительно, вызывает сужение и упрощение «поля сознания» говорящего и тем самым позволяет легче обнаружить его психологическое содержание.

Методика выявления интенций в исследуемых текстах

Использовались материалы конфликтных политических дискуссий, проходивших в нашей стране в 1994 г. преимущественно в связи с чеченским кризисом и обострением внутривнутриполитической обста-

новки в стране. Анализу подверглись следующие тексты: 1) Анпилов В. Стенограмма выступления на вечере газеты «Завтра» 12 мая 1994 г. (Завтра. 1994. № 20 (25) май); 2) Макашов А. Стенограмма выступления на вечере газеты «Завтра». 12 мая 1994 г. («Завтра». 1994. № 20 (25) май); 3) Руцкой А. Интервью от 2 окт. 1993 г. («Московский комсомолец». 1994. 21 апр.); 4) Шахрай С. Интервью газете «Аргументы и факты» («Аргументы и факты». 1994. № 16).

Данные тексты различаются по степени конфликтности, что допускает последующую общую верификацию анализа. Цель анализа состояла в том, чтобы выявить совокупность заложенных в текст интенций как показательных для конфликтной установки, выявить приоритетность отдельных из них, описать индивидуальные вариации.

В связи с этой целью производился сплошной анализ избранных материалов. Приступив к этой работе, мы столкнулись с особенностью текстов, осложняющей анализ. Дело в том, что, с одной стороны, эксперт интуитивно, непосредственно понимает выражаемые автором интенции, поскольку именно к этому автор и стремится в своей речи. С другой стороны, своим высказываниям авторы нередко придают осложняющие их трактовку языковые формы: они могут быть либо расширительными (своего рода литературные или риторические «одежды»), либо, напротив, минимизирующими, делающими едва заметными авторские интенции. Задача нашего анализа состояла в том, чтобы извлекать «сухой остаток» содержания текста. В связи с этим была разработана специальная техника, способствующая выявлению и квалификации заложенных в анализируемый текст интенций. Она включала два операциональных шага. На 1-м из них в результате «вчитывания» в текст и внимательного оценивания каждого слова два эксперта определяли, каково конкретное содержание текстового пассажа и очевидна ли интенция, лежащая в его основе. Если эта очевидность не усматривалась, производилось переформулирование отрезка текста, базирующееся на ряде правил:

- Максимально сохранялся смысл исходного текста, который выражался как можно более кратко.
- Максимально сохранялась лексика оригинала, не допускалось введение ассоциативной расширяющей смысл лексики.
- Опускались второстепенные уточняющие выражения и характеристики.
- Отдельные языковые фрагменты, в сжатой форме обозначающие включенные элементы содержания, отчленялись и выводились для отдельной квалификации.
- В тех случаях, когда «ближайшие интенции» говорящего в некоторых фрагментах текста ясны без переформулирования,

текст оставлялся без изменения, а в соответствующей графе протокола ставилось латинское обозначение id (idem – то же самое).

Следующий операциональный шаг разрабатываемой техники состоял в экспертной квалификации интенции, лежащей в основании анализируемого высказывания. Разработанную процедуру мы обозначили как технику выявления содержательных интенций.

Рассмотрим несколько примеров. Анализируемый текст выступления В. Анпилова начинается фразой: «Во время мучительных раздумий о будущем России, о судьбах моего народа, мне все чаще вспоминаются слова одной из песен Владимира Высоцкого: „Нас наблюдают в трубы сотни глаз и видят нас от дыма злых и серых, но никогда – слышите, никогда! – им не увидит нас прикованными к веслам на галерах“». В этом отрывке мы выделяем два основных пункта, имеющих конкретное содержание и подлежащих интенциональной трактовке: «Я глубоко раздумываю о судьбе народа и России» и «Никогда не увидит нас рабами». В первом случае интенция автора, очевидно, состоит в том, чтоб подчеркнуть перед аудиторией свою заинтересованность в народном деле, ответственность перед ним, т. е. отметить свои положительные черты. Квалификация интенции – одобрение своих действий. Во втором случае мы видим проявление интенции обнаружить несогласие с насилием, порабощением, противостоять противнику. Согласно нашей точке зрения, остальные позиции фрагмента представляются несущественными («...мне вспоминаются...», «песни В. Высоцкого...», «нас наблюдают» и др.) и опускаются при анализе.

Обратный пример можно видеть в анализе другого отрывка из того же выступления В. Анпилова: «Движение „Трудовая Россия“, Российская коммунистическая рабочая партия с самого начала отвергали реформы Горбачева–Ельцина как предательские по отношению к интересам советских народов, как враждебные интересам рабочих и крестьян». Здесь интенциональное содержание вычerpивается, хотя оно порой лишь намечено, из нескольких фрагментов, их конкретный смысл может быть сформулирован следующим образом:

- а) трудовые объединения были против реформ;
- б) с самого начала понимали их суть;
- в) реформы Горбачева и Ельцина – по сути одно и то же;
- г) реформы предательские;
- д) реформы противоречат интересам народа.

Соответствующие интенции могут быть квалифицированы следующим образом: а) обнаружить противостояние, б) обнаружить свою

способность оценивать и предвидеть, в) разоблачить противника, г, д) обвинить его.

В соответствии с разработанной техникой проведен анализ указанных выше текстов с выделением и квалификацией фрагментов. Полученные результаты дали возможность выделить круг интенций, содержащихся в текстах конфликтного характера, дать их ранжирование по всему имеющемуся в нашем распоряжении материалу, а также описать индивидуальные стили их авторов. К этим результатам мы обратимся позднее, после рассмотрения вопроса о надежности использованной нами техники.

В технике выявления содержательных интенций мы видели как сильную, так и слабую стороны. Сильная сторона состоит в том, что техника дает возможность в поддающейся квантификации форме вычерпывать и квалифицировать интенциональное содержание текста. Очень важно, что получаемые результаты находятся в согласии с интуитивным восприятием и пониманием анализируемого текста: ведь именно на такого рода интуитивное восприятие и ориентируется говорящий, именно его он и пытается вызвать. Сказанное позволяет считать данную технику адекватной поставленной задаче, вычерпывающей глубинное содержание текста.

Следует, однако, указать и на ее слабую сторону, состоящую, прежде всего, в том, что техника содержит в себе известную долю субъективизма и неоднозначности, в некоторых случаях допускает огрубление тонких речевых нюансов. Сознвая эти ее недостатки, мы задались целью определить меру ее субъективизма. Представлялось возможным сделать это путем сравнения трактовок, предложенных экспертной группой (2 человека), с трактовками более широкого круга людей (респондентов). С этой целью была проведена дополнительная исследовательская серия.

Верификация методики выявления содержательных интенций

Контрольная оценка проводилась с использованием материала выступления Руцкого. Контролю подверглись две стороны экспертного оценивания: 1) адекватность выделения фрагментов-тезисов, подлежащих квалификации; 2) адекватность приписывания фрагменту той или иной интенции.

В процедуре контрольной оценки приняли участие 5 респондентов, близких по образовательному уровню (высшее образование) и по сфере профессиональных занятий (психологи – научные работники). Процедура состояла в том, что каждому участнику контрольной серии предъявлялся подготовленный ранее экспертами протокол анализа текста, в нем респонденты оценивали каждую из позиций по принципу «Согласен» (+) или «Не согласен» (-). Согла-

сие или несогласие касалось того, что в высказывании содержится данный тезис, и того, что этот тезис можно характеризовать указанной интенцией. Общее число оцениваемых фрагментов текста составило 79 единиц.

Результаты суждений респондентов представлены в таблицах 4.8 и 4.9.

Таблица 4.8

Оценка респондентами адекватности выделения экспертами фрагментов текста

Респонденты	Согласен	Не согласен	Процент совпадений с суждениями экспертов
1-й	77	2	97,5
2-й	74	5	93,7
3-й	75	4	94,9
4-й	68	11	86,1
5-й	75	4	94,9

Общий процент совпадений суждений 5 респондентов с суждениями экспертов составил 93,4%, т. е. за незначительным исключением респонденты были согласны с выделением экспертами основного содержания высказываний.

Таблица 4.9

Оценка респондентами адекватности трактовки интенций со стороны экспертов

Интенции	1-й респондент	2-й респондент	3-й респондент	4-й респондент	5-й респондент	Общий показатель
Похвала	100	100	100	100	87,5	97,5
Разоблачение	100	100	75	100	100	95
Одобрение себя	92,8	92,8	92,8	92,8	92,8	92,8
Обвинение	100	100	94,4	88,9	61,1	89
Противостояние	100	87,5	100	100	37,5	85
Критика	100	100	50	–	–	83,3
Угроза	100	100	100	60	40	80
Отвод обвинений	100	87,5	87,5	75	50	80
Демонстрация силы	100	0	100	100	60	72
Побуждение	50	25	75	100	50	60

Несогласие респондентов с той или иной трактовкой интенционального содержания было связано в ряде случаев с тем, что они

стремились к более конкретным формулировкам. Так, например, в категории «побуждение» вызывало затруднение различение «побуждения», «требования», «призыва». В других случаях неуверенность респондентов касалась того, следует ли разделять или включать в одну категорию близкие интенции, например, выражающие угрозу и демонстрацию силы. Вместе с тем в отношении высказываний, квалифицируемых полярными категориями (например, в отношении одобрения и порицания), эти возражения не возникали.

Результаты проведенной контрольной серии показали, что применяемый метод анализа текста позволяет со значительной степенью объективности характеризовать его интенциональное содержание. Большой процент согласия респондентов с данными экспертного анализа дает основания для того, чтобы говорить о высокой надежности разработанной техники.

Структура интенциональных составляющих текстов конфликтного характера и их индивидуальные варианты

В полученных данных рассмотрим, прежде всего, наиболее общие результаты. Одна из задач работы состояла в том, чтобы получить достаточно полные данные о составе выражаемых в политической речи интенций. Иначе говоря, требуется обозначить объекты, находящиеся в сознании говорящего человека, и их «психологический модус», т. е. отношение к ним говорящего. Анализу подвергнуто значительное количество текстовых фрагментов (более 300) по четырём указанным выше текстам. Их анализ проведен отдельно по совокупности трех текстов (В. Анпилова, А. Макашова, А. Руцкого) и тексту С. Шахрая, поскольку они имеют различный по признаку конфликтности характер.

Материалы текстов 1–3 обнаруживают ряд выраженных авторами интенций, их перечень приведен в таблице 10.

Приведенные в таблице 4.10 интенции отражают интенциональную направленность политика, выступающего в конфликтной ситуации. Примечательно, что указанные интенции не составляют однородного ряда, а образуют своего рода структуру, которая, по нашим данным, включает следующие основные объекты и позиции:

- Противник: выражение его отрицательной оценки, включающей такие родственные направленности, как обвинение и разоблачение; выражение враждебного отношения к нему, складывающегося из форм противостояния, угроз и демонстрации силы.

Таблица 4.10

Основные интенции, выражаемые в конфликтных текстах, процент их присутствия в тексте

Интенции	Их присутствие в тексте, %
Обвинение	26,4
Противостояние	14,1
Одобрение	12,3
Угроза	10,3
Побуждение к действию	9,7
Отвод обвинений	7,1
Разоблачение	7,1
Похвала	6,5
Демонстрация силы	3,9
Критика	2,6

- Говорящий: выражение положительной оценки себя и своих сторонников, куда включаются варианты одобрения своих качеств и действий, а также отвод обвинений в свой адрес.
- 3-я сторона: в отношении нее может быть высказана критика, похвала, она может быть побуждаема к тем или иным действиям.

По обобщенным данным текстов 1–3 процентная представленность каждой позиции показана в таблице 4.11.

Таблица 4.11

Процентное соотношение высказываний по основным объектам: противник, говорящий, «3-я сторона» конфликта

Основные референциальные объекты говорящего	Их количественная представленность в тексте, %
Противник	61,8
Говорящий	19,4
«3-я сторона»	18,8

Полученные данные обнаруживают, что в сознании человека, порождающего текст конфликтного характера, присутствуют резко поляризованные и более нейтральные объекты: [противник] ↔ [я сам и мои сторонники] – (3-я сторона). Большая часть интенций связана с дискредитацией противника (обвинение, разоблачение) и нанесения по нему «вербальных ударов» (угроза, противостояние, демонстрация силы). В рассмотренных материалах представлена также защита своей позиции («Я хороший, не виноват, бесстрашный, сильный»). Несколько более редки обращения к 3-й стороне конфликта.

В анализируемых текстах следует отметить также характер высказываний по каждой позиции. Эти позиции часто весьма конкретны и указываются достаточно определенно. Объекты обвинений называются по фамилиям (Ельцин, Горбачев, Громов), точно определяются (вожди, СМИ, маршалы, генералы, президент). Так же точно характеризуются действия противника («людей бьют», «растреляли народ», «предали государство», «обобрали народ»).

С меньшей определенностью характеризуется «3-я сторона» конфликтной ситуации, тем не менее и она оказывается достаточно проясненной: это люди, стоящие под дождем, защищающие демократию, люди в Белом доме, рабочие, прокурор.

Из приведенных данных мы выводим заключение о круге основных референциальных объектов, затрагиваемых в конфликтном обсуждении, и о характере интенциональной направленности на них. На рисунке 4.11 представлена схема, обобщающая материалы проанализированных текстов. Кроме наглядности, она дает основание для выделения и описания индивидуальных характеристик речи, что и будет осуществлено ниже.

В сопоставлении с текстами 1–3 весьма заметны особенности текста С. Шахрая. Последний текст не имеет конфликтного характера. Типично для данного текста подавляющее преобладание практически безоценочных суждений и информирования. Например: «Душа человека – целый мир», «Идет мучительный процесс выздоровления или умирания», «Идет война элит – экономических, политических».

Далеко не в каждом высказываемом суждении можно обнаружить ясную оценку обсуждаемого объекта. В тех случаях, когда

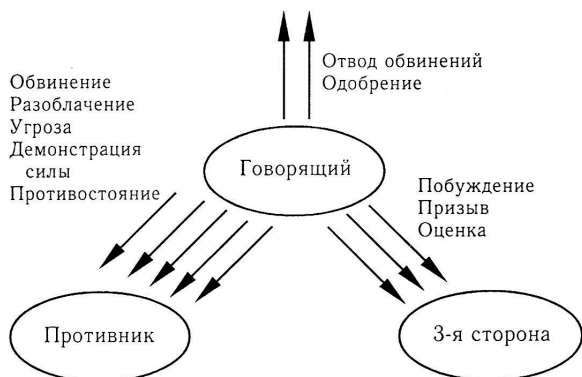

Рис. 4.11. Основные референциальные объекты конфликтных обсуждений и связанные с ними интенциональные направленности

оценки все же присутствуют, они обладают спецификой: а) они как бы вторичны, неявны и спрятаны, б) направлены на неопределенный объект. Основная задача автора, видимо, состоит в том, чтобы взвешено рассмотреть существующую в обществе ситуацию и предшествующие ей события, обозначить возможные перспективы и проблемы и др. Оценочные суждения негативного или позитивного характера, составляющие небольшую часть и не отнесенные к чему-либо конкретно, используются как контекст, как отправные точки для формулирования аналитических или прогностических суждений, обсуждения собственной позиции.

Не обнаруживаются объектов «мы» и «они», так же как нет их противостояния. Неопределенны персонажи «3-й стороны», они выступают в лице «народа», «человека», «России» и др. Приведем некоторые примеры.

С. Шахрай: «...не было всеобщего братства и любви».

Квалификация интенций:

- а) высказать суждение о ситуации;
- б) высказать упрек по неопределенному адресу.

С. Шахрай: «Но в той же самой душе – любовь к людям другой национальности, к их культуре, истории».

Квалификация интенций:

- а) высказать общее суждение, связанное с обсуждаемой ситуацией;
- б) отметить возможность оправдания межнациональной вражды – оправдания неопределенного субъекта («душа», «человек»).

Материалы неконфликтного характера показывают, таким образом, что представленная на рисунке 4.11 схема специфична лишь для ситуации конфликтного обсуждения.

Рассмотрение индивидуальных вариантов интенционального содержания текстов 1–3 показывает наличие в них целого спектра интенций конфликтной заряженности, их специфическое конфликтное содержание, а именно: выраженное стремление автора дискредитировать оппонента различными обвинениями, раскрыть перед аудиторией его истинное лицо, стремление столкнуть между собой позиции сторон выражением противостояния и сопротивлением, стремление запугать и заставить отступить, стремление представить себя в лучшем свете, повисить собственную значимость. Вместе с тем каждый текст отражает индивидуальные особенности речевого поведения в конфликте.

Выделенные интенции конфликтной направленности образуют три блока, относящиеся к следующим объектам:

- *противник* (блок «они»), к которому устремлены направленности обвинения и разоблачения (интенции оценочного характера с негативной направленностью), а также направленности противодействия, угрозы, демонстрации силы (выражение враждебности действий),
- *говорящий* (блок «мы») связан со стремлением отвести от себя обвинения и высказать позитивные оценки в свой адрес и в адрес своих сторонников (интенции оценочного характера с позитивной направленностью),
- *3-я сторона конфликта*, в адрес которой высказываются то критические замечания, то похвала (интенции оценочного характера с негативной или позитивной направленностью), а также призывы к определенным действиям (побуждение к действию).

Рассмотрим индивидуальные особенности интенций в анализируемых текстах.

Текст 1 – выступление В. Анпилова

В. Анпилов – заметная фигура оппозиции, возглавляет одно из движений, руководствующееся резко оппозиционными установками. Анализируемый текст В. Анпилова – это стенограмма его выступления в мае 1994 г. на представительном собрании оппозиционеров, т. е. перед аудиторией своих единомышленников. Политический момент того времени можно характеризовать как период относительной стабилизации конфликта между властью и оппозицией.

В таблице 4.12 и на рисунке 4.12 показана структура интенциональных паттернов рассматриваемого текста.

Таблица 4.12

Количественные показатели интенциональных составляющих в тексте В. Анпилова

Референциальные объекты	Интенциональные направленности	Количественная представленность интенций, %	Всего
«Они»	Обвинение	19,6	49,0
	Разоблачение	4,9	
	Противостояние	21,3	
	Угроза	1,6	
	Демонстрация силы	1,6	
«Мы»	Одобрения себя и своих действий	1,6	1,6
	3-я сторона	8,2	9,8
	Похвала	1,6	

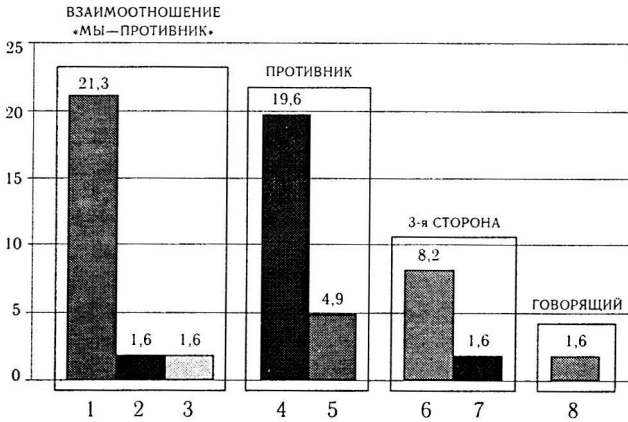

Рис. 4.12. Структура интенциональных паттернов текста

Специфику интенционального содержания данного текста можно охарактеризовать следующим образом. Автор сосредоточен главным образом на противнике и взаимоотношении с ним, выражая враждебность в форме противодействия и противостояния (24,5% текста) и резкого осуждения его позиции и действий (24,5%). Обращения к третьей стороне конфликта гораздо более редки (9,8%). Позитивные оценочные суждения в собственный адрес практически отсутствуют (1,6%). «Ядро» интенций составляют, таким образом, направленность на противника и на взаимоотношения сторон в конфликте. Общая структура интенциональных составляющих представлена на рисунке 4.13.

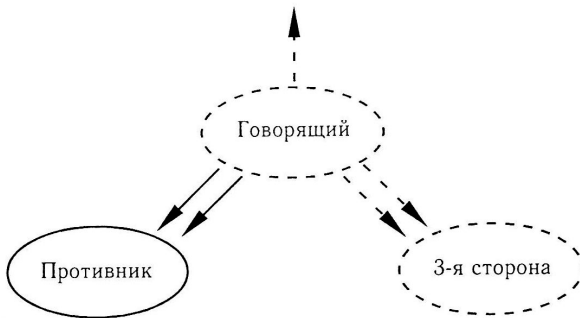

Рис. 4.13. Структура интенциональных составляющих в тексте В. Анпилова (сплошными линиями обозначены интенсивно обсуждаемые объекты, штриховыми линиями – менее интенсивно обсуждаемые объекты)

Аналогичный анализ проведен в отношении текста выступления А. Макашова. Генерал А. Макашов – одна из политических фигур, примыкающих к оппозиции правительству. Анализируемый текст представляет собой стенограмму выступления перед собранием оппозиционеров в мае 1994 г.

В тексте содержится 9 конфликтных интенций. Удельные веса интенций по отношению к тексту в целом и структура блоков показаны в таблице 4.13 и на рисунке 4.14.

Таблица 4.13

Количественные показатели интенциональных составляющих в тексте А. Макашова

Референциальные объекты	Интенциональные направления	Количественная представленность интенций, %	Всего
«Они»	Обвинение	23,7	62,9
	Разоблачение	7,8	
	Угроза	13,1	
	Противостояние	2,6	
«Мы»	Отвод обвинений	7,8	10,4
	Одобрение себя и своих действий	2,6	
3-я сторона	Побуждение	15,7	31,4
	Критика	10,4	
	Похвала	5,3	

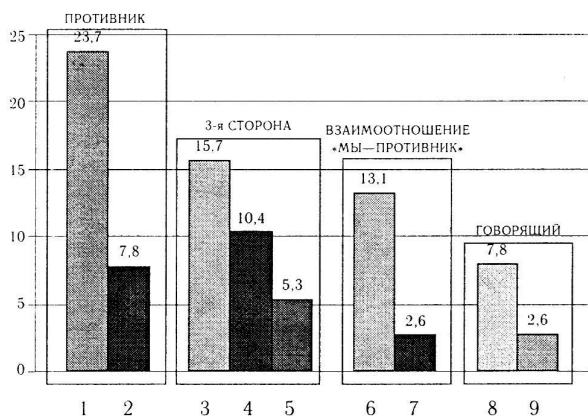

Рис. 4.14. Интенциональная характеристика текста А. Макашова

- 1 – обвинение; 2 – разоблачение; 3 – побуждение; 4 – критика;
5 – похвала; 6 – угроза; 7 – противостояние; 8 – отвод обвинений;
9 – одобрение себя и своих действий

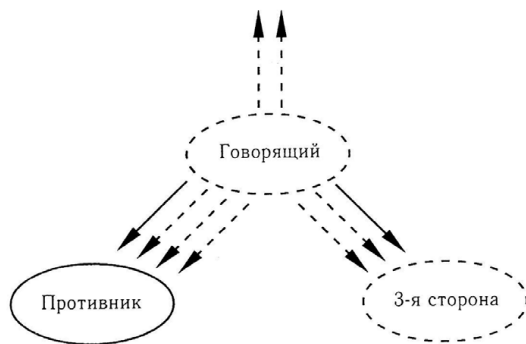

Рис. 4.15. Структура референциальных объектов в тексте А. Макашова (обозначения те же, что и к рисунку 4.12)

Приведенные материалы характеризуют индивидуальную структуру интенционального содержания текста А. Макашова. Главные объекты обсуждения – противник (31,5% по совокупности соответствующих интенций негативного оценивания) и третья сторона конфликта (31,4%), что составляет «ядро» данной структуры. В меньшей степени выражена враждебность позиции и действий по отношению к противнику (15,7%), еще меньшей – представленность в речи позитивных оценок в свой адрес (10,4%). Интенциональная характеристика текста А. Макашова показана на рисунке 4.14. Структура референциальных объектов показана на рисунке 4.15.

Текст 3 – выступление А. Руцкого

Анализируемый текст представляет собой интервью одной из газет от 2 октября 1993 г. В тот момент А. Руцкой выступал как главное действующее лицо в конфликте «Президент–Парламент», переросшем в вооруженное столкновение.

В тексте содержатся 9 конфликтных интенций. Представленность интенций в тексте показана в таблице 4.14 и на рисунке 4.16.

Основными объектами обсуждения являются конфликтующие стороны («противник» и «говорящий») и их взаимоотношение. Данные блоки интенций составляют ядро интенциональной структуры и присутствуют в практически равном соотношении (соответственно 26,7%, 25,7% и 23,6%). Третья сторона конфликта отражена в меньшей степени (12,3%). Структура референциальных объектов в тексте А. Руцкого представлена на рисунке 4.16.

Обратимся к сравнению интенциональных паттернов текстов 1–3.

Таблица 4.14
Количественные показатели интенциональных составляющих
в тексте А. Руцкого

Референциальные объекты	Интенциональные направленности	Количественная представленность интенциональных направленностей, %	Всего
«Они»	Обвинение	21,6	
	Разоблачение	5,1	
	Угроза	10,3	50,3
	Противостояние	8,2	
	Демонстрация силы	5,1	
«Мы»	Отвод обвинений	8,2	25,7
	Одобрение себя и своих действий	17,5	
3-я сторона	Похвала	7,2	12,3
	Побуждение	5,1	

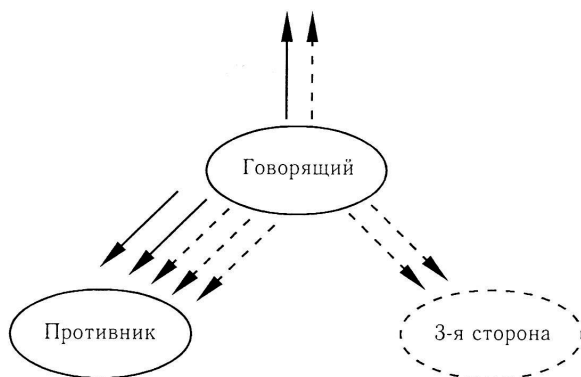

Рис. 4.16. Структура референциальных объектов в тексте А. Руцкого (обозначения те же, что и к рисунку 4.12)

А. Обозначение сторон конфликта. Сходство текстов 1–3 состоит в том, что в них проявляются конфликтующие стороны, выражается противопоставление «мы–они». Вместе с тем конкретное обозначение противоборствующих сил имеет в текстах свои особенности. Противник может обозначаться предельно персонифицированно (у А. Руцкого: «президент» и ряд конкретных фамилий), может быть представлен более широко, но достаточно конкретно (у В. Анпилова: «Горбачев–Ельцин», «вдохновители и исполнители рыночных реформ», «банкиры-капиталисты»), а также в собирательно-обобщенной форме (у А. Макашова: «горе-вожди», «Кремль»). К проти-

востоящей противнику силе авторы причисляют прежде всего себя лично и своих сторонников. Ряд вариантов имеет обозначение собственного лагеря: широко и конкретно (В. Анпилов: «мой класс, класс рабочих и крестьян», «движение „Трудовая Россия“»), широко и обобщенно (А. Макашов: «мои товарищи», «наши силы»), несколько суженно и размыто (А. Руцкой: «наша группа», «наш спецотряд»). В зависимости от уровня конкретизации взаимодействие сторон в конфликте представляется более как противостояние определенных сил («мы–они» у В. Анпилова и А. Макашова) или как противостояние личностей («я–президент» у А. Руцкого).

Другие участники конфликта, обозначенные как 3-я сторона, выступают достаточно обобщенно: «народ», «люди в Белом доме», «рабочие», «женщины».

Б. Соотношение интенциональных блоков. Тексты различаются по тому, какие блоки и в каком количестве составляют интенциональное ядро. Так, ядро может включать негатив в отношении противника и выражение враждебности к нему (В. Анпилов), негатив в отношении противника и обращение в разных формах к третьей стороне конфликта (А. Макашов), позитивные оценки говорящего в собственный адрес, выражение противнику негативного отношения и враждебности, а также обсуждение взаимодействия в конфликтной ситуации (А. Руцкой). Общим характерным моментом в данных текстах является то, что в ядро интенциональной структуры в качестве одного из компонентов входит выражение отрицательных оценок в адрес противника.

В. Структура интенциональных блоков.

а) Блок «они». Анализ показывает существенное сходство анализируемых текстов в структуре данного блока интенций. Во всех трех текстах он представлен такими интенциями, как обвинение и разоблачение. Его структура в разных текстах имеет сходную конфигурацию с выраженным пиком на позиции «обвинение». Данный блок является одной из составляющих ядра интенционального содержания.

Взаимоотношения с противником в анализируемых текстах представлено по-разному. Варьируется его наполненность интенциями. Так, в текстах А. Руцкого и В. Анпилова представлены 3 позиции («угроза», «противостояние» и «демонстрация силы»), в тексте А. Макашова – только 2 («угроза» и «противостояние»). Конфигурация интенций также имеет варианты: с выраженным пиком на какой-либо позиции (А. Макашов и В. Анпилов) или без выраженного преобладания одной из них (А. Руцкой). Первое место по относительному значению (внутри данного блока) занимают разные позиции: «угроза» (А. Макашов и А. Руцкой) или «противостояние»

(В. Анпилов). Индивидуальную характеристику текстов по данному блоку можно представить следующим образом. В тексте В. Анпилова обсуждение взаимоотношений с противником входит в качестве одного из компонентов в интенциональное ядро и выражается главным образом противопоставлением позиций, занятых сторонами в конфликте («противостояние»), а враждебность действий по отношению к нему («угроза» и «демонстрация силы») проявлена слабо. В тексте А. Руцкого обсуждение взаимоотношений с противником также входит компонентом в ядро интенциональной структуры, но имеет иное выражение: нет заметного преобладания какой-либо одной интенции, хотя демонстрация враждебности по отношению к противнику («угроза» и «демонстрация силы») проявлена несколько сильнее, чем позиционная борьба сторон («противостояние»). В тексте А. Макашова взаимоотношения с противником не входят в интенциональное ядро, выражены меньшим числом интенций, при этом угрозы в адрес противника преобладают над обсуждением позиций сторон в конфликте.

в) Блок «мы». Структура, конфигурация и относительное положение данного блока – интенций позитивного оценивания говорящим себя и своих сторонников – в разных текстах разные. Так, в одном тексте (А. Руцкого) самооценивание составляет ядро интенциональной структуры, в двух других – оно представлено слабо и занимает последнее место в ряду других. В структуру блока могут входить обе позиции («одобрение себя и своих действий» и «отвод обвинений в свой адрес», как у А. Руцкого и А. Макашова) или только одна («одобрение себя и своих действий», как у В. Анпилова). Преобладающей позицией может выступать как «одобрение» (А. Руцкой), так и «отвод обвинений» (А. Макашов).

г) «3-я сторона». Данный интенциональный блок входит в ядро только в одном тексте (А. Макашова), где представлен тремя позициями («побуждение к действию», «критика», «похвала») с плавной ступенчатой структурой. «Побуждение» имеет некоторый перевес над оцениванием («критика» и «похвала»). В двух других текстах данный блок представлен только двумя позициями (отсутствует позиция «критика»). Преобладающим намерением по отношению к сторонним участникам конфликта может являться стремление дать оценку (выразить позитив в форме «похвалы» у А. Руцкого) или призвать к каким-либо действиям (в форме «побуждения к действию» у В. Анпилова).

Анализ интенционального содержания текстов по структуре основных интенциональных блоков показывает наличие как сходных, так и различных черт в рассмотренных текстах. Общим является яркое проявление противника в качестве главного объекта, по от-

ношению к которому выражаются негативные оценки и борьба позиций. Другие объекты – сам говорящий и 3-я сторона конфликта – проявляются в разных случаях по-разному. Интенции, выражаемые по отношению к этим объектам, довольно подвижны, меняясь от текста к тексту как в соотношении друг с другом внутри одного блока (преобладание той или иной интенции), так и по всей совокупности интенций (от ярко выраженных до слабых).

Для характеристики форм выражения интенций в речи использовался анализ индивидуальных данных, что позволяет выделить различные формы конкретного проявления той или иной интенции в речи. Общим во всех текстах является резкая речевая форма осуждения противника и обвинения в аморальных и противозаконных действиях с хлесткими, неприкрытыми формулировками: «враги нас ненавидят», «курс на насильственную капитализацию страны, начатый иудой Горбачевым», «никакого прощения преступникам», «Обограбили народ, транжируют его национальные богатства» (В. Анпилов); «освободить Кремль и Россию от всей этой нечисти», «выбросить эту гадость из России» (А. Макашов); «нужна не та демократия, которую пытается нам навязать все это ворье», «не услужничать фашистскому режиму имени Ельцина» (А. Руцкой).

Выражение угроз происходит в разных формах. Во-первых, в форме демонстрации говорящим намерений предпринять в отношении противника карательные или наступательные меры (угроза-намерение): «Придет время, и мы разберемся, мы накажем» (А. Руцкой); «Я продолжу борьбу в верхах» (В. Анпилов); «Я и мои товарищи выкинем из России всю эту нечисть» (А. Макашов). Во-вторых, в форме предупреждения о том, что будут предприняты вынужденные оборонительные меры в ответ на нападки противника (угроза-предупреждение): «Если сюда бронетехника пойдет, мы сожжем и бронетехнику», «Положим ровно столько, сколько попытается сюда проникнуть» (А. Руцкой).

Побуждения к действию также имеют разные формы выражения. Они могут звучать: как обращение – «Живым надо продолжать служить Отечеству» (А. Макашов); как требование – «Никакого прощения преступникам» (В. Анпилов), «Вслушайтесь и поддержите меня» (А. Макашов); как призыв – «Общественность Москвы должна встать против всего этого» (А. Руцкой).

Противостояние проявилось в одном из текстов (В. Анпилова) в форме сопротивления: «Мы на колени не станем, мы не рабы».

Таким образом, анализ индивидуальных особенностей выражения конфликтных интенций в речи показывает наличие их разных форм. По-видимому, с расширением анализируемого материала возможно дополнение уже выделенных вариантов, обнаружение вари-

ативности других интенций, а также обнаружение внутри каждой из них некоторого континуума от наиболее мягких до наиболее жестких форм.

Индивидуальные особенности интенционального содержания анализируемого материала проявляются в том, какой процент текста содержит выделенные интенции конфликтного характера и что собой представляет другая его часть. Сравнительный анализ дает картину различий текстов А. Руцкого и А. Макашова, с одной стороны, и текста В. Анпилова – с другой. Так, у А. Руцкого и А. Макашова «конфликтное» содержание охватывает почти весь текст (соответственно 88,3% и 89,0%), в тексте В. Анпилова – 58,8%. Другая часть текста А. Макашова содержит главным образом высказывания метафорического характера, придающие речи оттенок художественности и «высокого стиля», у А. Руцкого (интервью) – главным образом реплики непосредственного реагирования на вопросы интервьюера – информационного, объяснительного или уточняющего характера. У В. Анпилова эта часть представляет суждения аналитического характера, где автор дает характеристику ситуации, формулирует цели и задачи деятельности, дает возможный прогноз и др., и в этом смысле существенно отличается от того, что содержится в аналогичной части двух других текстов. Вероятно, при дальнейшей разработке метода интент-анализа и углублении его возможностей будет найден способ квалифицировать и подобные аналитические суждения, которые в ряде случаев (не во всех) несут в себе неявный, скрытый конфликтный заряд.

Поскольку общие закономерности отражения в речи конфликтной действительности имеют индивидуальные варианты, то возможна диагностика речевого поведения в конфликтной ситуации, способная дать некоторые ориентиры политическим деятелям в сложных условиях современного политического конфликта.

Индивидуальные особенности интенционального содержания текстов проявляются также в динамике интенциональных актов, т. е. развертывании разного рода интенций во времени. Для представления этой стороны текстов были вычерчены графики, построенные по следующим правилам. Горизонтальная полоса обозначает временной вектор, направленный слева направо, а также служит представлению содержательных суждений. Вертикальные стрелки вверх отражают случаи позитивных интенций (одобрение, похвала, отвод обвинений). Вертикальные стрелки вниз показывают интенции негативного характера (обвинение, разоблачение, угроза, противостояние). Величина вертикальных стрелок отражает выраженность интенции: длинная стрелка явная, короткая – неявная, скрытая интенция.

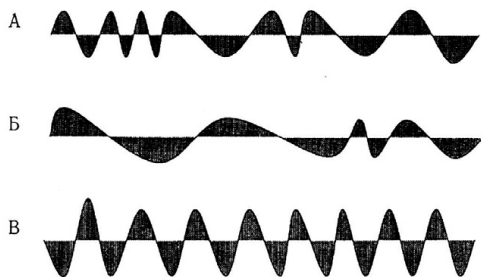

Рис. 4.17. Динамика смены позитивных и негативных оцениваний по данным выступления: А – В. Анпилова, Б –А. Макашова, В – А. Ручкого

Результаты такого рода представления текстового анализа отражены на рисунке 4.17. Их рассмотрение показывает существенную вариативность данных. Основные различия динамики интенций состоят в ее периодичности. В показателях текста А обнаруживается своего рода ригидность проявления негативных интенций, которые при их значительном преобладании над позитивными интенциями как бы «выплескиваются» пачками. Текст В свидетельствует скорее в пользу гибкости говорящего, легкости его переходов от позитивных к негативным интенциям и обратно. Текст Б представляет промежуточный случай.

Данные о различиях в динамике интенций в ходе ведения разговора, очевидно, являются предварительными в силу ограниченности анализируемых материалов. Для их более основательной интерпретации они, безусловно, должны быть существенно расширены. Однако мы сочли достаточно интересным предложить читателям и эти предварительные материалы, поскольку в случае стабильности проявления данной речевой характеристики можно думать о ее интерпретации как индивидуальной речевой особенности и использовании в виде диагностического показателя.

Структура интенциональных составляющих в текстах предвыборных выступлений¹

Цикл исследований на втором этапе наших разработок направлен на решение ряда возникших задач. Требовалось, прежде всего, выяснить, существуют ли специфические интенциональные структуры в текстах, не относящихся к категории конфликтных. Для этого было

1 В тексте данного раздела использована публикация: Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И. Структура интенциональных составляющих в текстах предвыборных выступлений // Слово в действии. СПб., 2000. С. 91–109.

необходимо расширить и сделать более разнообразным материал, подвергаемый интент-анализу. Было также важно осуществить дальнейшее развитие техники интент-анализа, поскольку процедура его проведения не однозначна, зависит от опыта эксперта, его способности к углубленному вчитыванию в текст. В связи с этим в работе был несколько расширен и усилен состав экспертной группы, проводящей анализ, применены новые технические приемы, проведена дополнительная серия, верифицирующая результаты анализа.

Для продвижения в решении первой из названных задач интент-анализа был применен в отношении выступлений кандидатов на пост президента РФ в 1996 г. (Выборы состоялись в июне 1996 г.) Этот материал представляет интерес по ряду оснований. Он обладает уникальностью в плане концентрации устремлений автора текста, выдвигающего свою кандидатуру на пост главы государства. Данная позиция, с одной стороны, создает общее условие для всех авторов, а с другой – обнаруживает уникальность ситуации и индивидуальные подходы к решению проблемы достижения понимания и успеха. Поскольку кандидаты являлись опытными профессионалами в области политики, тексты их выступлений можно рассматривать как в определенной степени образцы умелых дискурсивных воздействий. Используемые при создании текстов приемы, выделенные в результате анализа и описанные в обобщенной форме, могут быть использованы в практических действиях ораторов.

Проведен анализ следующих публикаций:

Гайдар Е. Т. Президент ответил мне письмом // Московские новости. 1996. 11–17 февраля.

Горбачев М. С. Моя программа не будет состоять из несбыточных обещаний // Московские новости. 1996. 18–24 февраля.

Ельцин Б. Н. Каждая строчка в списках убитых и раненых – это моя неутраченная боль // Комсомольская правда. 1996. 30 марта.

Зюганов Г. А. Справедливость, безопасность, независимость // Советская Россия. 1996. 17 февраля.

Лебедь А. И. Игры на крови // Независимая газета. 1996. 3 апреля.

Лужков Ю. М. Власть должна служить // Московские новости. 1996. 7–14 апреля.

Федоров Б. Игольное ушко предвыборных обещаний // Московская правда. 1996. 13 марта.

Федоров С. Н. Я – поумневший баран // Невское время. 1996. 30 марта.

Явлинский Г. А. Яблоко собирает коалицию // Московские новости. 1996. 28 января–3 февраля.

Явлинский Г. А. Ельцин плюс Зюганов, третьего не дано? // Невское время. 1996. 3 апреля.

Конкретная задача анализа состояла в выявлении и идентификации выражаемых в рассматриваемом тексте намерений и целей автора. Такое выявление и идентификация производились группой квалифицированных экспертов (3 человека), имеющих опыт работы с текстами. Экспертами были сотрудники, работающие в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН в конце 1990-х годов.

Не все выделенные интенции автора текста поддаются однозначной интерперетации. Интенции часто (скорее обычно) выражаются в косвенной форме, количественная характеристика их представленности в тексте зависит от многих обстоятельств, в том числе от техники анализа (например, от того, на какие единицы разделяется анализируемый текст). Как показал полученный материал, некоторые типы интенций не являются строго независимыми и содержательно смешиваются между собой. Общая задача проводимого анализа состояла в выработке общих принципов, «рамоч», позволяющих делать получаемые характеристики более стабильными и согласованными.

На пути решения этой задачи эксперты согласились следовать нескольким правилам.

- Для более точной привязки интенциональных характеристик к тексту условились считать абзац текста своего рода «единицей анализа», полагая, что автор использует абзац для выделения интенционально ограниченного сегмента текста. Если интенция, выраженная в первом предложении, повторяется и в последующих предложениях того же абзаца, то она фиксируется лишь один раз. В то же время в одном абзаце может быть заключено несколько разнородных интенций, и тогда все они должны быть идентифицированы и названы. Появление той же самой интенции в следующем абзаце мы рассматривали как намеренное ее усиление, и поэтому снова фиксировали ее.
- Даже для опытного эксперта определенная трудность заключена в точной качественной характеристике интенции. Например, содержится ли в словах автора интенция обвинения противника или его разоблачения, интенция самопрезентации или анализа ситуации? С целью преодоления данной трудности был разработан рабочий словарь, где сформулированы различия в используемых терминах. Этот словарь основывался на анализе экспертных суждений, а также прошел пилотажную верификацию в ходе экспериментальной проверки валидности выделяемых интенций. «Примерива-

ние» готовой терминологии к анализируемому материалу оказывается более простой работой, чем поиск экспертом характеристики интенции на основе своего чувства языка. Использование контрольного списка интенциональных характеристик позволяет перейти к более строгой и надежной аналитической процедуре, которая допускает статистическую проверку надежности оценок.

- Экспертная группа работала в два этапа: в ходе первого этапа рассматривались материалы, обработанные каждым экспертом независимо; на второй стадии допускалась коррекция экспертных суждений при их обсуждении с другими членами группы. Допускались коррекции и изменение мнений экспертов на основе предложений других членов группы. В конечном результате производились пометки о согласованности или различии мнений. Интенция, одинаково идентифицированная всеми тремя экспертами, получала значок (***) , двумя экспертами при несогласии третьего – (**), одним экспертом – (*). Данная операция помогла обнаружить некоторые особенности проявляемых интенций и анализируемых текстов.

Результаты

По материалам всех 10 исследованных текстов выделен довольно широкий круг разнокачественных интенций, отражающих особенности коммуникации в исследуемой разновидности текстов. Их общее число в наших материалах составило 27. Вместе с их словарным разъяснением они представлены в нижеследующем списке.

- 1 Анализ. Рассмотрение, разбор темы, ситуации, не предполагающий выражение отношения к действующим лицам и самому говорящему.
- 2 Анализ (+). Основанное на фактах рассмотрение, разбор темы, ситуации, предполагающий выражение положительного отношения к действующим лицам.
- 3 Анализ (-). Основанное на фактах рассмотрение, разбор темы, ситуации, предполагающий выражение отрицательного отношения к действующим лицам.
- 4 Безличное обвинение. Обвинение, при котором виновники осуждаемых действий или поступков не указываются.
- 5 Безличное разоблачение. Разоблачение, при котором его объекты не называются, т. е. не указывается лицо/лица, чьи злоупотребления, тайные замыслы и т. п. становятся предметом открытого обсуждения и осуждения.

- 6 Дискредитация. Приведение фактов и аргументов, подрывающих доверие к кому-либо или чему-либо, умаляющих чей-нибудь авторитет.
- 7 Информация. Приведение точных данных и фактов.
- 8 Кооперация. Выражение отношения, направленного на привлечение к участию в совместных действиях или разделение позиций.
- 9 Критика. Отрицательное суждение о людях/человеке и их/его действиях и поступках.
- 10 Неявная самопрезентация. Самопрезентация, выражаемая косвенно, без прямого указания на объект позитивного оценивания.
- 11 Обвинение. Приписывание кому-нибудь какой-либо вины, признание виновным в чем-либо.
- 12 Отвод критики. Отрицание негативных суждений о людях/человеке и/или их/его действиях и поступках.
- 13 Отвод обвинений. Отрицание приписываемой кому-нибудь какой-либо вины.
- 14 Отказ в просьбе. Отрицание возможности выполнения просьбы.
- 15 Оценивание (+). Положительное суждение о людях/человеке и их/его действиях и поступках.
- 16 Побуждение. Призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения.
- 17 Предупреждение. Предостережение; предвещающее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т. п.
- 18 Презентация. Представление кого-либо или чего-либо в привлекательном виде.
- 19 Противостояние. Обнаружение противоположной позиции, непримиримого несогласия.
- 20 Размежевание. Выявление различий и несходства в позициях и мнениях.
- 21 Разоблачение. Раскрытие, обнаружение чьих-либо неблагоприятных действий, намерений, отрицательных качеств.
- 22 Самокритика. Критика, направленная на самого говорящего.
- 23 Самооправдывание. Приведение аргументов и/или фактов с целью доказательства своей невиновности.
- 24 Самоохранение (осторожность). Выражение неопределенного отношения к разбираемой теме, ситуации и ее действующим лицам.
- 25 Самопрезентация. Представление себя говорящим в привлекательном, выгодном свете.
- 26 Угроза. Запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло.

27 Успокоение аудитории. Приведение аргументов и/или фактов с целью успокоить аудиторию.

Как отмечалось выше, идентификация экспертами той или иной интенции в анализируемом тексте не всегда однозначна. Участники нашей экспертной группы нередко расходилась в суждениях, особенно на начальных этапах работы. Это обстоятельство стало предметом анализа путем введения, как это уже упоминалось, приема маркирования степени согласия экспертов. Приведем в виде образца результат первичной обработки протокола анализа одного из исследованных текстов, включающий маркировку согласия экспертов.

Таблица 4.15
Протокол анализа текста М. Горбачева

Степень согласия Интенция	***	**	*
Самопрезентация	11		
Анализ	7		
Осторожность	6		
Самооправдывание	5	1	
Критика	2		1
Уход от ответа	2		1
Размежевание	1	1	
Кооперация	1	1	1
Предупреждение	1		
Разоблачение	1		
Точный ответ			1
Всего	37	3	4

Маркирование степени согласия экспертов позволило выявить по материалам всех исследованных текстов интенции, стабильно идентифицируемые, и нестабильные, перепутывающиеся с другими. Количество стабильных интенций составило 20, нестабильных – 7. Рисунок 4.18 в условной форме представляет поле взаимодействий выявленных интенций.

Неясность различения ряда интенций была рассмотрена нами как фактор, вносящий «шум» в анализируемые данные, что было учтено при обобщении и количественном представлении результатов. Знание такого рода «зон неясности» может быть полезным в методическом плане для специалистов, проводящих анализ текстов. В теоретическом плане мы полагаем, что фактор «размытости интенций» составляет важную сторону функционирования языка в целом, связан с его глубинной природой. Интенции говорящего

Рис. 4.18. Стабильно различаемые и «перепутывающиеся» интенции по материалам рассмотренных текстов

субъекта в обыденной жизни далеко не ясно выражаются в его речи, надо быть мастером слова для того, чтобы оперировать языком с большой отчетливостью или, напротив, с намеренной туманностью.

Перейдем теперь к характеристике представленности интенций в исследованных нами текстах. Полученные результаты анализа в обобщенном виде отражены в таблице 4.15.

Крайняя левая колонка таблицы показывает, что по своему характеру интенции разделились на 4 категории. Они условно обозначены нами следующим образом: категория «Мы» (8 разнокачественных интенций, проявленных при обсуждении автором себя и своих сторонников); категория «Они» (9 интенций, относящихся к оппонентам, противникам); «3-я сторона» (5 интенций, адресуемых к аудитории); «Ситуация» (5 интенций, выраженных при обсуждении происходящих событий). Категория «Мы» связана с позитивной психологической направленностью говорящего субъекта – одобрением, поддержкой, позитивным оцениванием. Установка негативного характера отражена в отношении к оппонентам и противникам. Существуют также и категории нейтральной направленности («3-я сторона», «Ситуация»).

Таблица 4.15
Представленность идентифицированных интенций
по материалам 10 текстов
(в процентном соотношении)

Интен- цион. кате- го- рии	Тексты индивидуальных выступлений										Тексты интервью			Все- го	
	Авторы тек- стов	Б. Ель- цин	Г. Зюга- нов	А. Ле- бедь	Б. Фёдо- ров	С. Фёдо- ров	Г. Яв- линский	Е. Гай- дар	М. Гор- бачев	Ю. Луж- ков	Г. Яв- линский				
Интенции															
Самопрезен- тация		10,7	21,7	16,1		40,6	5,6	18,1	27,2	45,4	19,9			205,3	
Неявная само- презентация			3,0											3,0	
Презентация своих сторон- ников			7,6											7,6	
Отвод обвине- ний		10,7	2,6			8,7	5,6				1,8			29,4	
Отвод критики											1,8			1,8	
Самооправды- вание		1,8							14,1					15,9	
Самоохране- ние (осторож- ность)								39,9	20,7		3,6			64,2	
Самокритика										7,8				7,8	

	Обвинение	7,1	14,4	31,2		7,3	8,3	7,0		1,3	3,6	80,2
	Безличное обвинение		7,2	9,7								16,9
	Разоблачение	1,8	5,5	7,6	2,4		30,6		2,5		16,4	66,8
	Безличное разоблачение		2,6									2,6
«Они»	Дискредитация					4,3	8,3					12,6
	Критика				9,8	5,8	8,3	2,3	5,8	6,5	7,8	46,3
	Противостояние		1,3	3,2				2,3				6,8
	Размежевание					8,7		9,4	4,1	5,2	10,8	38,2
	Угроза	14,3	2,6			2,9				1,3		21,1
	Кооперация	5,4	1,3	3,2	8,7	8,7		2,3	5,0		10,8	45,4
	Успокоение аудитории	23,2										23,2
«Грешительного стона»	Отказ в просьбе	5,4										5,4
	Побуждение	1,8			6,1		8,3					16,2
	Предупреждение	7,1			3,6		8,3	2,3	2,5	2,6	3,6	30,0
	Анализ		30,2	29,0	18,3	13,0	16,7	9,4	17,3	29,9	18,1	181,9
	Анализ (+)				35,8			2,3				31,6
	Анализ (-)				10,6							3,6
Ситуация	Оценивание (+)	10,7			11,0						1,8	23,5
	Информация							4,7	0,8			5,5

На поле таблицы показана количественная представленность интенций во всех рассмотренных текстах – по материалам индивидуальных выступлений (фамилии авторов даны в алфавитном порядке) и интервью (также в алфавитном порядке фамилий авторов). Материалы таблицы являются результатом двуступенчатой обработки полученных данных. Во-первых, абсолютный количественный показатель интенций переводился в относительный, т. е. вычислялось отношение количества обнаруженных случаев к общему объему текста. Это связано с тем, что для сравнения разных текстов абсолютное значение количества выявляемых интенций неинформативно. Оно прямо зависит от объема анализируемого текста: чем длиннее текст, тем больше в нем интенций. Поэтому в нашем случае, когда решалась задача сравнить выраженность интенций в текстах разного объема, необходимо было перейти к процентному показателю. Во-вторых, в обработке данных был учтен фактор расхождения мнений экспертов: те квалификации, которые получили общее согласие, умножались на 3, получившие согласие 2 экспертов умножались на 2, отдельные суждения фиксировались без изменения.

Рассмотрение крайней правой колонки таблицы дает суммарные по всем текстам показатели выраженности интенций. Обнаруживается, что для каждой из выделенных категорий существует своего рода «корневая» интенция: именно она эксплуатируется наиболее часто в рамках избранной позитивной, негативной или нейтральной установки. Так, при обсуждении себя и своих сторонников чаще всего проявляется интенция позитивной самопрезентации. Обсуждение оппонентов и противников связано с подчеркнутым проявлением интенции обвинения. 3-й стороне обычно выражается кооперативная интенция. Для обсуждения ситуации характерна нейтральная аналитическая позиция.

На фоне указанных общих тенденций проявляются индивидуальные особенности интенциональных установок авторов рассмотренных текстов.

Представленность интенций оказывается различной у разных авторов. Так, например, в тексте С. Федорова первое место по частоте проявления заняла интенция самопрезентации, в тексте Г. Явлинского – разоблачение, А. Лебеда – обвинение. Индивидуальными чертами обладают также количественные показатели выражения интенций. В отдельных текстах обнаруживается разнообразие проявленных интенций, общее их количество достигает 12, в других текстах они более однообразны, в наименьшем варианте их 8–9. Количественный показатель соотношения частоты использования различных интенций также различен у разных авторов. В этой свя-

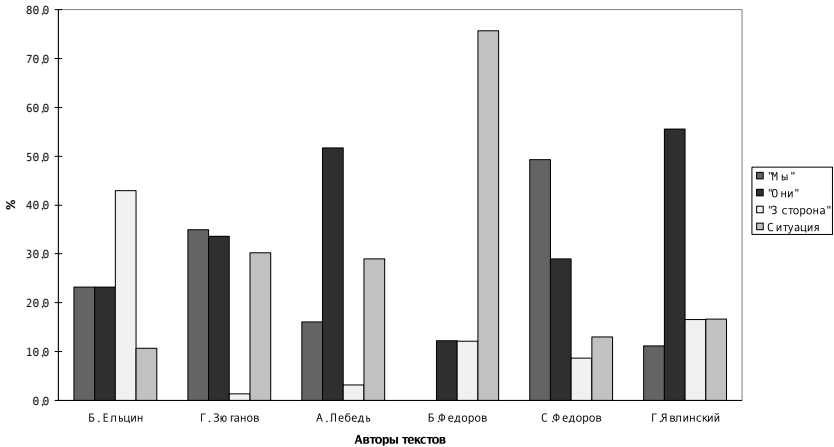

Рис. 4.19. Индивидуальные варианты интенциональных паттернов

зи возникает возможность характеризовать индивидуальные варианты интенциональных паттернов авторов текстов. Такого рода интенциональные паттерны, выраженные в исследованных материалах индивидуальных выступлений, представлены на рисунке 4.19 (6 текстов). Материалы интервью не были включены в анализ, поскольку обсуждаемые темы во многом зависят от инициативы интервьюера.

Рисунок 4.19 показывает, что интенциональные паттерны всех авторов текстов индивидуальны, и по имеющимся в нашем распоряжении материалам нельзя выявить какую бы то ни было типологию. Почти все паттерны имеют ту или иную акцентуацию. В тексте Б. Ельцина больше, чем у всех других авторов, выражена направленность на аудиторию («3-ю сторону»). Текст Г. Зюганова отличается взвешенностью и соразмерностью основных интенций. В текстах А. Лебеда и Г. Явлинского акцентирована отрицательная направленность на противника, Б. Фёдорова – на анализ ситуации, С. Фёдорова – на самопрезентацию. По-видимому, требуется накопление значительного материала интент-анализа для выработки представлений о типах интенциональных паттернов, адекватных характеру человека, обсуждаемой ситуации или другим моментам коммуникации.

Рассматриваемое исследование продолжает ту работу, в которой интент-анализ был применен к текстам конфликтного характера (см. предыдущий раздел). Интенциональная структура конфликтных текстов в той или иной степени образует «конфликтный треугольник». Сознание говорящего концентрируется на трех обобщенных

объектах: самом говорящем с его сторонниками при позитивных направленностях на них; его противниках и оппонентах с негативными на них ориентациями; «3-й стороне», аудитории, относительно нейтрально оцениваемой.

Исследование политических выступлений предвыборного характера обнаружило как черты сходства с конфликтными текстами, так и отличия от них. Сходство состоит в том, что и в предвыборных выступлениях также присутствуют объекты конфликтного характера с теми же направленностями негативного, позитивного и нейтрального воздействия. Обнаруживается наряду с этим и своя специфика. Значительную долю высказываний в предвыборных текстах составляют элементы анализа, рассуждений, аргументирования («4-й угол интенциональной структуры»). Введение элементов данного вида делает текст более взвешенным и спокойным. Обращает на себя внимание и то, что количество выражаемых интенций в предвыборных выступлениях существенно увеличивается, возрастает их разнообразие в рамках одного текста. Эти данные свидетельствуют о возможности выработки достаточно строгих правил, дающих ораторам возможность взвешивать и объективно оценивать степень остроты или сглаженности своих выступлений.

Вместе с тем полученные результаты ставят вопросы, относящиеся к особенностям интенциональной структуры дискурсов других типов: публицистических, литературно-художественных, научных. Можно предположить, что дальнейшее развитие представления о роли интенционального пласта в организации речевого продукта может пойти по этому направлению.

Проведенная работа расширила наши представления об интенциональной составляющей как элементе сознания человека в процессе речевого продуцирования. Материалы показали, что в одной единице текста может содержаться несколько интенций, они как бы «слипаются» друг с другом. В то же время в каждой интенциональной категории выделяется наиболее часто повторяемая, «осевая» интенция: для категории «мы» – это самопрезентация, для категории «они» – обвинение, для категории «3-я сторона» – привлечение симпатии аудитории. Весьма характерным явлением оказалось «размытое» проявление интенций, когда слушатель (эксперт) не может с уверенностью идентифицировать заключенную в словах интенцию, она может быть отнесена к различным категориям. Это явление может быть понято двояко. Возможно, говорящий субъект, даже опытный, в рассмотренной нами ситуации не всегда находит адекватные языковые средства для самовыражения, не может оценить, насколько точно он будет понят. Возможно и другое: неясность, размытость интенций сознательно или бессознательно ис-

пользуется как прием, позволяющий говорящему вуалировать свою позицию.

Одним из существенных результатов работы стало развитие методической стороны интент-анализа. Обнаружилась важность работы группой экспертов. Это не только делает аналитическое исследование более полным и надежным, но и позволяет также открыть некоторые стороны текста, остающиеся без этого скрытыми. Имеется в виду, например, обнаружение «размытости» интенций в некоторых частях анализируемых материалах.

Полезными методическими введениями стали также такие находки, как определение формальных условий проведения оценок: установление «единиц анализа», неповторение интенциональных квалификаций в пределах этих единиц и др. Облегчающим приемом послужила разработка оперативного словаря интенций, используемых в текстах политического характера.

В методе интент-анализа эксперты выполняют оценивание содержания текста в соответствии с естественным, выработанным в ходе усвоения языка умением распознавать языковые конвенции и оценивать по тексту человека. По нашему мнению, разрабатываемый метод оказывается адекватным своему объекту – речи человека, субъективной в своей основе.

В результате проведенной работы возникла возможность приблизиться к ответам на трудные теоретические вопросы, которые были затронуты в первой главе книги.

- Существенным элементом психического состояния говорящего, находящего отражение в его речи, является его интенциональная направленность на вербализацию находящихся в сознании объектов.
- Функции интенционального механизма оказываются шире, чем только «энергетического толкача» речевого процесса. Это связано с тем, что набор разнокачественных интенций значительно меньше количества используемых в языке выражений, и интенциональные направленности могут играть роль механизма, классифицирующего и аккумулирующего вербальный материал в соответствии с интенциональной категорией. Так, например, интенция угрозы вводит в употребление круг следующего типа конвенциональных языковых форм: «Ты об этом пожалеешь!», «Смотри, будет хуже!», «Я тебе не прощу!» и т. п. Интенция самооправдания использует другой набор вербальных форм: «Я не нарочно!», «Меня ввели в заблуждение», «Дело было в другом» и др.
- Хранение языкового материала в памяти говорящего в форме блоков, соответствующих характеру интенций, может стать

одним из механизмов динамического оперирования статикой языка.

- Способность говорящего вербализовать свои субъективные состояния хотя и велика, однако во многих случаях остается неоднозначной.
- Поэтому и понимание неизбежно оказывается неполным.

В заключение¹ цикла описанных выше работ, выполненных с сотрудниками лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, отметим, что проведена теоретическая, эмпирическая и методическая разработка темы интенциональной организации речи человека. Согласно развиваемой теории, речевая функция в своем корне состоит в выведении вовне, «экстериоризации», семантических состояний говорящего субъекта («состояний его сознания и подсознания»), что обычно происходит с включением посредствующих языковых механизмов. Это значит, что в основе вербализации, говорения, заложен иницирующий импульс, который по его психологическому содержанию является формой желаний, интенции сказать нечто. Такого рода интенциональность, мотивированность речи имеет, по нашей гипотезе, органические основания в функционировании мозга человека (Ушакова, 1995). Эта естественная обусловленность речи мозговым функционированием особенно ясно проявляется в раннем детском возрасте, когда ребенок только начинает овладевать языком (Ушакова, 1998).

Взрослые социально адаптированные люди, вступая в общение, как правило, не столько простодушно выражают то, что у них на уме, сколько стремятся к достижению своих целей, соответственным образом организуя свою речь. Эти цели в определенных условиях бывают сложными, порой скрываются и вуалируются. Как показывают полученные в работе факты, интенциональные направленности говорящего человека образуют порой достаточно сложную структуру.

Несмотря на разнообразие форм проявления интенций, они организованы по законам языка таким образом, чтобы слушатели могли ухватить их общую направленность и уловить в высказывании одобрение, порицание, угрозу и т. п. Исследование интенциональных форм дает ключ к пониманию словесных побуждений и воздействий. Соответственно знание правил интенционального построения вербальных высказываний, особенно в случаях ответственных письменных или устных выступлений, может оказать важную помощь автору текста, дискурса, участнику дискуссии.

1 В тексте данного раздела использована авторская публикация: Ушакова Т. Н. Заключение // Слово в действии. СПб., 2000. С. 305–307.

Теоретические позиции, разработанные в авторском коллективе, нуждаются в конкретизации, обогащении жизненными фактами, которые обнаруживаются на основе анализа живого речевого материала. Эта работа и была проделана объединенными усилиями сотрудников. Исследованию подвергнуты тексты современных политических выступлений в нашей стране с целью выявления и описания их интенциональных особенностей. На первых порах исследовались тексты конфликтного типа, поскольку в конфликтной ситуации люди действуют «по сокращенной программе», круг их сознания в известной степени сужается, чем облегчается исследовательская аналитическая задача. Позднее в работу были введены более сложные материалы, ими стали предвыборные выступления кандидатов на пост президента России. Круг исследовательских фактов был еще более расширен при обращении к изучению прямых и опосредованных диалогических интенций.

При исследовании текстов конфликтного характера выявлена отчетливая особенность их интенциональной структуры, которую можно обозначить как форму «конфликтного треугольника». Отмечена особенность семантического состояния говорящего субъекта, состоящая в том, что в его сознании доминируют три вида объектов, которые он обсуждает: противники и оппоненты (категория «они»); говорящий и его сторонники (категория «мы»), 3-я сторона, аудитория. Каждый объект «конфликтного треугольника» связан со своей совокупностью интенциональных направленностей. В отношении противника выражается отрицательная оценка, обвинение, разоблачение, враждебность, угроза. Категория «мы» связана с положительной оценкой, одобрением своих качеств и действий, отводом обвинений. В адрес 3-й стороны высказывается то критика, то похвала, порой на нее оказываются побудительные воздействия.

Формы выражения конфликтности индивидуально и ситуативно вариативны. Наибольшая конфликтность выражается в максимальной нагруженности и заостренности категории «они». Эта заостренность подчеркивается прямым называнием имен обвиняемых людей, употреблением предельно жестких характеристик («предатели», «нечисть», «ворье», «преступники», «обобрали народ» и др.). Степень конфликтности отражается в мере баланса или дисбаланса речевых высказываний, относящихся к категориям «они» и «мы». Резкое преобладание обвинительно-разоблачительных высказываний – свидетельство остроты конфликта. Показателен характер выраженных автором интенций негативного типа (угроза, демонстрация силы или обвинение). Индивидуальные особенности проявляются и в том, какой процент текста содержит интенции конфликтного характера и что представляет другая его часть.

Наконец, определенная информация содержится в динамике интенциональных актов, их развертывании во времени и периодичности смены негативных (в адрес оппонента) и позитивных (в свой адрес) высказываний. Так, одни авторы ригидно упорно используют одну и ту же категорию, другие гибко переключаются с одной на другую.

Кроме конфликтных, изучались другие виды выступлений. В одном из циклов исследований проведен анализ дискурса в ситуации предвыборной борьбы претендентов на пост президента РФ в 1996 г. Данный материал уникален, поскольку продуцирован, с одной стороны, в ситуации общей для всех претендентов целевой направленности. С другой стороны, он обнаруживает индивидуальные возможности и подходы к достижению успеха. Поскольку все кандидаты – опытные и способные профессионалы, то в их выступлениях можно видеть образцы умелых дискурсивных воздействий, что само по себе представляет интерес для исследования.

Результаты проведенной работы показали, что в рассматриваемых текстах также выделяется интенциональная структура типа «конфликтного треугольника» (категории «мы», «они», 3-я сторона). Однако эта структура обычно дополнена категорией направленности на анализ ситуации. Элементы анализа, рассуждений, аргументирования образуют порой значительную долю высказываний. Они составляют как бы «четвертый угол» интенциональной структуры. Количество выражаемых в тексте интенций заметно увеличивается, возрастает и их разнообразие в рамках одного текста. Вместе с тем в границах избранной позитивной, негативной или нейтральной установки используется своего рода «корневая» интенция: именно она используется наиболее часто (например, самопрезентация, обвинение и др.). Интересной особенностью рассмотренных текстов явилось комплексирование различных, но принадлежащих одной категории интенций в одном высказывании. Интенции как бы «слипаются» друг с другом, характеристика интенционального содержания становится комплексной. Характерным явлением оказалось «размытое» проявление интенций, когда эксперт не может с уверенностью их идентифицировать. Причина этого, возможно, в том, что эта особенность вообще присуща человеческой речи, что ставит перед исследователем фундаментальную проблему. Возможно, однако, что политик сознательно или бессознательно использует это как прием, вуалируя свою позицию.

Перечисленные исследования послужили базой для дальнейшего развертывания работы в отношении ситуации диалога.

Еще одна линия проводимых исследований сомкнулась со сферой социальной психологии путем обращения к коллективной фор-

ме дискурса. Дело в том, что авторство дискурса может принадлежать не только отдельным субъектам, но и коллективам, как это бывает в действиях средств массовой информации, транслирующих установочные представления (идеологию) на широкую аудиторию. Такого рода установки являются продуктом коллективных умственных усилий и направлены на формирование тех или иных представлений в обществе. В психологии такого рода представления получили название социальных (С. Московичи и др.) и явились предметом изучения.

В круг исследования с использованием метода интент-анализа введены системы социальных представлений, транслируемых в нашей стране средствами массовой информации. Задача работы состояла в описании представлений о социальной структуре общества и центральных институтах власти, содержащихся в периодической печати, и прослеживании динамики их изменений.

Использовались материалы публикаций ряда газет («Московский комсомолец», «Российская газета», «Известия», «Советская Россия») за 1992–1995 гг. В. В. Латыновым разработана специализированная методика, позволяющая определять, какие институты власти и социальные слои характеризуются газетой как активные, компетентные, позитивно оцениваемые людьми, а какие представляются слабыми, некомпетентными, аморальными. В результате применения методики к значительному объему материала были получены достаточно однозначные данные, свидетельствующие о продуктивности направления исследования. Показано, что газеты различной политической направленности последовательно и с выраженной тенденциозностью позитивно представляют одни институты власти и социальные слои и негативно другие. Направление оценок в значительной степени отражает позицию печатного органа. Отмечается лишь незначительное сходство между анализируемыми газетами в отношении ограниченного круга объектов политического мира. Выбор объектов описания в публикуемых текстах и даваемые им характеристики часто достаточно произвольны, социально-политические оценки нередко неаргументированны. Таким образом, оказывается затруднительным говорить о реальности черт и характеристик, приписываемых тому или другому институту власти средствами массовой информации.

В целом данная линия исследования принесла факты, касающиеся не только интенционального содержания публикаций видных печатных органов нашей страны, но и в принципе позитивно решила вопрос о возможности и продуктивности применения метода интент-анализа в его конкретно разработанном для данного объекта варианте.

В итоге достаточно широкого цикла эмпирических исследований получено немало новых фактов, раскрывающих психологическое содержание избранного объекта. Эти факты и вытекающие из них теоретические заключения позволяют говорить о фундаментальном вкладе в разрабатываемую проблему. Важно, что осуществлено продвижение в методическом направлении исследования. В результате проведенных работ достигнуто развитие психологического метода анализа дискурса, названного нами интен-анализом. Этот метод имеет в своей основе теоретическую концепцию структуры и функций речемыслительного механизма. Языковые формы, становящиеся для слушающих адекватным сигналом субъективных интенциональных состояний говорящего, служат основой речевого общения людей, фактором формирования высказываний и понимания. Адекватный метод выявления интенциональных направленностей говорящего ориентирован на субъективное оценивание слушающего. Следовательно, метод интен-анализа является, по сути, психосемантическим.

Соответственно, общая методическая организация анализа состоит в последовательном, шаг за шагом, оценивании экспертом или группой экспертов авторских высказываний избранного текста. Оценивание производится с заданной и стабильно удерживаемой позиции: чем вызвано данное высказывание, какова его целевая направленность, зачем оно нужно говорящему человеку.

Субъективный элемент методики, при всей его теоретической необходимости, оставляет «точку неустойчивости», возможность субъективизации результатов и потому нуждается в специальной проработке. В проведенных сериях исследований были определены основные условия, способствующие усовершенствованию методики интен-анализа текста и достижению более стабильных результатов.

- Интен-анализ необходимо вести групповым образом, с включением в группу 3–4 экспертов. Желательна взаимная согласованная коррекция суждений экспертов. При этом получают дополнительные факты о «зонах неразличимости» или «трудной различимости» интенций.
- Полезным оказывается составление на основе ясных случаев оперативного словаря интенций. «Примеривание» ранее обозначенных вариантов к новым подлежащим анализу случаям облегчает задачу идентификации интенций.
- В высказываниях, где основная направленность авторской речи облечена в сложные языковые одежды, полезно применение процедуры переформулирования с сохранением смыс-

ла оригинала. Эта процедура может оказать существенную помощь в выявлении интенций.

- Приступающий к применению интент-анализа исследователь должен приобрести навык работы, прежде чем его суждения станут стабильными и убедительными.
- Надежность получаемых при проведении интент-анализа результатов может определяться путем введения контрольной процедуры, при которой, кроме экспертов, проводивших первоначальную идентификацию, привлекается дополнительная группа респондентов. Возможно проведение дополнительного экспертного оценивания.
- Исходный вариант метода интент-анализа может быть дополнен модификациями, например, разработкой так называемых «ментальных карт» (В. В. Латынов).

Отметим, что интенциональные направленности говорящего субъекта предстают как один из важнейших аспектов организации его психической деятельности и практических действий. Слово выступает в его действенной силе. Интенции являются иерархически высоким уровнем речевой системы, ближайшим образом связанным с личностью говорящего, его устремлениями, предпочтениями, включенностью в жизнедеятельность человека.

В результате проведенной работы возникла возможность приблизиться к ответам на ряд трудных теоретических вопросов.

- Существенным элементом психического состояния говорящего, находящего отражение в его речи, является его интенциональная направленность на вербализацию находящихся в сознании объектов.
- Функции интенционального механизма оказываются шире «энергетического толкача» речевого процесса. Это связано с тем, что набор разнокачественных интенций значительно меньше количества используемых в языке выражений, и интенциональные направленности могут играть роль механизма, классифицирующего и аккумулирующего вербальный материал в соответствии с интенциональной категорией. Так, например, интенция угрозы вводит в употребление круг следующего типа конвенциональных языковых форм: «Ты об этом пожалеешь!», «Смотри, будет хуже!», «Я тебе не прощу!» и т. п. Интенция самооправдания использует другой набор вербальных форм: «Я не нарочно!», «Меня ввели в заблуждение», «Дело было в другом» и др.
- Хранение языкового материала в памяти говорящего в форме блоков, соответствующих характеру интенций, может стать

- одним из механизмов динамического оперирования статикой языка.
- Способность говорящего вербализовать свои субъективные состояния хотя и велика, однако во многих случаях остается неоднозначной.
 - Поэтому и понимание неизбежно оказывается неполным.

Речевые интенции в межличностном общении

В предшествующих разделах рассматривались интенции, проявляемые в ситуациях официальных выступлений и обусловленные в основном социальной мотивацией. Здесь мы обращаемся к сторонам речевого общения, происходящего в условиях свободных, нерегламентированных встреч. В последнем случае можно наблюдать довольно неожиданные формы поведения людей. Оказывается, речь человека сама по себе способна накладывать свой отпечаток на характер, стиль и эмоциональный настрой общения. Происходит это потому, что существует своего рода «стихия речи», подчиняющаяся закономерностям, несводимым к проявлениям других психических функций. Эта «речевая стихия» не всегда очевидна постороннему наблюдателю, однако она вносит заметный вклад в человеческие взаимоотношения в социуме.

Недооценка значимости речевых закономерностей в организации процесса общения происходит, по-видимому, вследствие прочно утвердившегося представления, согласно которому общение определяет функционирование речи у взрослых людей, а также и само ее возникновение и развитие в онтогенезе. Речи при этом отводится роль *средства* общения – фактора, как бы вторичного по отношению к общению. Общение – фигура, речь – фон. Тот факт, что младенец усваивает и использует язык, на котором говорят окружающие, служит, можно сказать, незыблемым доказательством того, что именно общение с окружающими определяет речевое развитие. Главный его механизм тогда, естественно, видеть в подражании. Другая объяснительная идея, привлекаемая для характеристики речевого онтогенеза, состоит в том, что младенец якобы открывает принцип, согласно которому каждая вещь имеет свое название. Эта идея также вуалирует собственную роль речевого механизма в процессе общения. В целом онтогенетический аспект, конкретно момент возникновения речевой способности, оказывается ключевым для утверждения точки зрения о тотально преобладающем значении общения в организации и протекании речи.

Наши исследования показали, что важнейшим аспектом речевого функционирования является его интенциональное основание. Интенция понимается как субъективное намерение человека, побуждение, осуществить тот или иной речевой акт. Через речевой акт происходит выражение интенционального содержания и отражается большая часть субъективной семантики говорящего.

В результате проведенного нами исследования детей младенческого возраста от 0 до 12 мес. выявилось, что уже в момент рождения нормальный ребенок обнаруживает наличие задатка интенциональной голосовой выразительности (Ушакова, 2004). Этот задаток проявляется в первом крике новорожденного. В данном акте содержатся два главных признака будущей речи: включение голосовой активности и выражение при ее посредстве психического состояния новорожденного. На первом месяце жизни младенец выражает голосом преимущественно негативные субъективные состояния. Нейтральный модус психики связан с молчанием. Это согласуется с данными нейроанатомии, согласно которым в мозге новорожденного обычно преобладает правое полушарие с активностью отрицательных эмоций. В возрасте 2–3 мес. возникают голосовые проявления, отражающие состояния положительного знака – это так называемое гуление, переходящее позднее в лепет. В течение первых 7–8 мес. жизни развитие рассматриваемой вокально-семантической функции идет в согласии с основными условно-рефлекторными законами: глобальные недифференцированные состояния негативного знака, отражаемые в крике и плаче младенца, постепенно дополняются проявлением других вокализаций (гуления, лепета). Вокализации связываются с более многообразными, специфичными и дифференцированными внутренними состояниями. Этот интересный и, по сути, очень сложный процесс идет практически без влияния социума, на основе прирожденной программы. Свидетельством этого служит тот хорошо установленный факт, что такие вокальные проявления, как гуление и лепет, обнаруживаются не только у слышащих, т. е. воспринимающих звуки детей, но и у глухих от рождения.

Генетически заданный механизм описанного периода предречевого развития состоит, по нашей гипотезе, в реактивном принципе работы мозга: поступающие из различных источников нервные сигналы активируют соответствующие мозговые структуры, образуя своего рода энергетический аккумулятор, источник, который находит выход в двигательной активности. Среди многих форм двигательных проявлений для новорожденного характерны сначала примитивные вокализации в виде плача и крика, позднее – другие, более сложно организованные.

Общий вывод из исследования состоит в том, что «экстериоризация» внутренних состояний составляет базовый принцип функционирования нервной системы младенца, зародыш этой голосовой функции присутствует уже в первый момент появления ребенка на свет, в ходе онтогенеза он по определенным и строгим правилам превращается в речевую интенцию.

Встает вопрос: как ведет себя данная функция на протяжении жизни человека? По нашим данным, потребность выразить во вне психическое содержание в норме функционирует постоянно, но имеет различные, порой сложные и интересные модификации. Ярким примером потребности речевой экстериоризации служит явление эгоцентрической речи, наблюдаемое в дошкольном возрасте и рассмотренное Ж. Пиаже и Л. С. Выготским. Это явление хорошо известно, добавлю лишь, что в нем, кроме отмеченной Ж. Пиаже эгоцентрической позиции ребенка, несомненно, проявляется спонтанная активность детского говорения. Спонтанность проявляется у дошкольника и в так называемом словотворчестве, подробно рассмотренном мной раньше (Ушакова, 1979).

Речевая спонтанность действует и у взрослых людей, только не всегда в явной форме. По сути, любой акт говорения происходит на основе некоторого рода иницирующего импульса. С его содержательной стороны такой импульс является интенцией.

Развитие интенциональных проявлений в онтогенезе контролируется социумом. В ходе социализации и «вращивания» ребенка в культуру социально неодобряемые интенции оттормаживаются воспитателями, где-то им придаются одобряемые социумом стандартные «вежливые» формы. У взрослого социально адаптированного человека, в «нормальных» условиях речевая интенция социализована и тесным образом слита с процессом общения. Существуют, однако, и такие ситуации, когда интенция прорывается сквозь культурно насажденные ограничения, запреты, условности. Тогда неудержимо проявляется разное, в том числе неуправляемое говорение о себе, своих заботах, интересах. Это так называемое «эго-говорение», «эго-речь». Так, пробыв какое-то время в ситуации напряженного официального общения, человек, вернувшись домой, с облегчением, как будто избавляясь от тесной обуви, с удовольствием поведывает о своих переживаниях домашним. Среди женщин часто проявляется склонность подолгу рассказывать по телефону подругам о своих порой даже совсем мелких, но все же волнующих впечатлениях. Бабули возле подъездов домов целыми днями обсуждают важные для них домашние вопросы и мн. др.

Систематическое исследование такого рода явлений проведено американскими авторами Аддео и Бюргером и представлено

в их книге (Addeo, Buerger, 1974). В работе даны описания ситуаций, где американцы упорно повествуют о том, что вовсе неинтересно окружающим или даже раздражает их, но как бы фатально захватывает говорящего.

Интересен вопрос о социальной оценке эго-говoreния. Названные авторы отрицательно оценивают его, с чем трудно не согласиться. Это отмечается и другими специалистами. Н. Гумилев, например, пишет о затрепанных словах: «...как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова». Вспомним, однако, что речевая энергетика необходима для организации каждого акта речи. Можно думать также, что повышенная активность экстериоризирующего источника лежит в основе литературного и поэтического творчества. У многих поэтов встречаются суждения, согласно которым творческий процесс идет как бы независимо от автора, побуждаемый сильной внутренней потребностью. Так, А. Ахматова писала, что невысказанные стихи, как ей кажется, могут ее задушить. Аналогичная идея встречается у А. Пушкина. И. Бродский утверждал, что поэт пишет стихотворение потому, что язык подсказывает и диктует следующую строчку.

Такого рода побудительные речевые силы составляют, вероятно, значительную часть того, что можно назвать «стихией речи». В свете этих данных любой диалог предстает не как обмен объективной информацией, а как заинтересованное ожидание его участниками возможности высказаться, скрытая или явная борьба за «речевой канал», использование привилегии иметь слово, включение тормозящих механизмов, задерживающих порыв к говорению, умение смолчать и мн. др.

Кроме энергетической, интенции имеют другую, не менее существенную сторону – их содержательную, качественную специфику. Она состоит в том, что у человека есть желание сказать *что-то*: спросить, похвалить, осудить, попросить и др. Кратко представлю здесь данные исследования, проведенного совместно с З. А. Бартеновой¹.

В работе изучалось интенциональное содержание речи детей 3–6 лет. Обнаружен спектр интенциональных направленностей в ситуации свободной игры – на кооперацию, где происходит приглашение к участию в игре, принятие приглашения или отказ от него, предложение темы игры и ее участников, принятие предложения или контрпредложение и т. п. Структура каждого высказывания ребенка, как правило, проста и прямолинейна.

1 Ушакова Т. Н., Бартенева З. А. Психологическое содержание речи ребенка 3–5 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 56–65.

Обнаруживаются некоторые различия у детей младшего возраста (3–4 года) по сравнению с старшими (5–6 лет), т. е. выделяется возрастной фактор. Различия проявляются в старшей группе в большей взвешенности детских реакций, меньшем проценте прямых отказов от кооперации и т. п. Эти проявления можно трактовать как шаг в развитии социальной адекватности ребенка. Показано наличие статистически значимых различий интенциональных направленностей мальчиков и девочек (Ушакова, Бартенева, 2000).

Высказанные представления можно обобщить в следующих тезисах:

- Существует реальность, которую можно назвать «стихией речи», состоящая в проявлении тех закономерностей, по которым организована речевая функция человеческой психики.
- Одной из сторон этой «стихии» является потребность в экстерииоризации, выведении вовне внутренних психических состояний. Такая потребность составляет природный интенциональный корень речи. Он находит свое проявление в поведении детей и взрослых в форме «эго-говорения», постоянного или периодического стремления высказаться, объяснить свои переживания, поразившие впечатления.
- Потребность субъекта к «эго-говорению» в социальном плане, в общении может быть неприятной для окружающих. Но она требует понимания от доброжелательного слушателя – в семейных ситуациях, у терапевта, педагога. Она предполагает также соответственно направленные ответные действия: поддержку, выслушивание, обсуждение или, напротив, корректирование высказывания т. п. В ряде ситуаций требуется помощь людям, не понимающим сути этого явления и не работающим в направлении усовершенствования своего речевого поведения.
- Проникновение в интенциональное содержание диалога дает возможность глубже понять психологическое, порой сложное семантическое состояние говорящего, выраженное в его словах.
- Тема роли и места речевых закономерностей в организации процесса общения остается, на наш взгляд, обойденной вниманием при исследовании проблемы общения. То, что можно метафорично назвать «стихией речи», глубоко воздействует на этот процесс. Совокупность возникающих здесь вопросов заслуживает внимания в теоретическом и практическом плане.

Вербальное творчество¹

Используемые понятия

Термин *творчество* относится к явлениям, связанным с созданием индивидом нового психологического продукта, обладающего ценностью в широком смысле этого слова; в тексте термин *творчество* применяется наряду и в том же значении, что и *креативность*. Творчество обнаруживается в разных областях активности человека. Описано столько проявлений креативности, сколько существует видов деятельности человека: умственной, художественной, эмоциональной, социальной, физической, а также речевой и языковой.

Словесное творчество

Содержание понятия *словесное творчество* неоднородно. По идее, его можно отнести к любому случаю креативности, связанной со словом. Однако требуется уточнить, что словесное (вербальное) творчество относится к двум, хотя и связанным, но все же разным областям: *творчеству в речи* и *творчеству в языке*. Речевым мы называем такой вид креативности, какой приводит к созданию нового ценного *речевого* продукта, т. е. нового текста, устного или письменного, любого объема, в любой его форме – прозаической, поэтической, кодифицированной, вольной, монологической, диалогической и т. п. В отличие от речевого, с *языковым творчеством* связаны те процессы, которые ведут к преобразованию в самой языковой системе, как у отдельной личности, так и в общенациональном языке. Различение языка и речи существенно потому, что названные виды творчества различны и по своему характеру, и по соотношению с разными отделами вербального механизма.

Обратимся сначала к *речевому* творчеству. Наиболее широкая область его проявления – литературное творчество, представленное в письменно зафиксированных текстах, прозе и поэзии. Однако креативные процессы проявляются и в устной речи: в изобретательных рассказах, динамичных диалогах, остроумных экспромтах. Креативность может осуществляться не столь явным образом, например, в форме тактичности и «элегантности» речевого поведения, при котором говорящий человек учитывает многие стороны ситуации, особенности своего собеседника, интересно проявляет себя, находит соответствующие случаю адекватные и выразительные слова.

1 В тексте данного раздела использована авторская публикация: Ушакова Т. Н. О психологии словесного творчества // Психологический журнал. 2007. № 4. С. 90–100.

Обратим внимание на то обстоятельство, что речевое творчество практически не встречается в чистом виде, поскольку словесная форма неразрывно сплетена с интеллектуальным содержанием. В то же время содержательность речи и ее форма могут быть по-разному связаны в ценностном плане: плохая вербальная форма может быть при хорошем содержании, и наоборот. Несмотря на тесное сплетение обеих названных сторон, мы попытаемся прояснить понятие и природу творчества в собственно вербальной сфере.

Виды и формы творческих проявлений в создании письменных и устных текстов необозримы в своем разнообразии. Основания этого разнообразия как в богатстве выражаемых мыслей, ситуаций и положений, так и в широте языковых возможностей. Этот тезис можно иллюстрировать «шахматным примером». На шахматной доске, состоящей из 64 клеток, на которой размещено 16 фигур со стороны каждого играющего, может быть создано бесконечное множество положений, какое недоступно исчерпывающему перебору даже современным компьютером. Развитой язык интеллектуально полноценного современника содержит намного больше, чем в шахматах, оперативных элементов: десятки тысяч слов и словесных выражений, грамматических конструкций. Бесконечен также ряд ментальных состояний и ситуаций, подлежащих словесному выражению. Соответственно, количество творчески создаваемых человеком речевых форм может на порядки превосходить счет, ведущийся в отношении шахматной игры. Это сравнение позволяет оценить тот простор, перед которым находится человек для проявления творчества в своей речи. Мы видим свою задачу выделения некоторых общих оснований и принципов, которым подчиняется творческий процесс в речевой сфере.

Разные специалисты обращаются к теме словесного творчества – философы, литераторы, психологи, лингвисты, психолингвисты. В каждом из названных подходов содержатся идеи и факты, которые могут быть ценными при разработке нашей темы.

Наша способность менять и варьировать речевые формы, искать и находить подходящие случаю слова, а порой и играть ими означает, что в нас работает механизм сотворения речи, творческая к ней способность. Значение динамической, подвижной стороны речи отмечено философами языка. В. Гумбольдт писал: «... в языке все живет, все течет, все движется; человек – творец языка, божественно свободен в своем языковом творчестве, всецело определяемом его духовною жизнью изнутри» (Гумбольдт, 1984, с. 40). В этом тезисе сделан акцент на индивидуальных возможностях психики, только из них творчество может черпать силы: повторение чужих находок,

копирование, свидетельствует об отсутствии собственных душевных достижений и усилий, отсутствии творчества.

Представление о творческой свободе языка разделял П. А. Флоренский (1990, с. 155). Он провел разносторонние исследования этой области, включая анализ конкретных материалов языкового творчества поэтов-авангардистов. Интересными в нашем контексте оказываются две теоретические идеи автора: он подчеркнул значение логосной и энергетической сторон слова в развертывании речевого процесса, а также развил оригинальную «органическую» концепцию речи, характеризуя слово как особый телесный организм. Понятие логосной составляющей языка у Флоренского оказывается близким тому, что в современной терминологии обозначается как семантика, психологическое содержание речи и ее элементов. Это, несомненно, центральный, хотя теоретически трудный и мало исследованный вопрос психологической науки, все больше привлекающий к себе внимание исследователей. Важным оказывается и тезис об энергетической составляющей речи, сближающийся с темой интенциональности, поднятой учеными еще в XIX в. Оба названные вопроса органично включаются в контекст естественно ориентированных исследований нашего времени, они будут рассматриваться позднее. Что касается представлений о слове как физическом теле, то эта тема также созвучна современности в свете психофизиологических исследований функциональной организации речевых единиц («логогенов») и их мозговой локализации..

Литераторы о словесном творчестве

Природа словесного творчества привлекла к себе интерес литераторов – авторов и критиков литературных произведений. Любопытно проследить и использовать в психологических работах этот план данных, поскольку он получен на основе высказываний людей, наиболее близко стоящих к процессу литературного творчества. Вырисовываются некоторые общие черты такого рода описаний. Настойчиво звучит мотив о том, что писатель ощущает себя не столько автором, сколько проводником, «восприемником» содержания, сотворенного кем-то другим. Вопрос об источниках возникновения творческих идей рассматривается В. М. Аллахвердовым (2006, с. 353). По утверждению В. Н. Дружинина, «версия внеличного источника творческого акта проходит через пространства, эпохи и культуры» (Дружинин, 1995, с. 99). В сфере литературного творчества источник творчества персонифицирован: это Муза. Так, у А. С. Пушкина:

...Моя студенческая келья вдруг озарилась:
Муза в ней открыла пир молодых затей.

Этот образ зримо представлен в стихах А. А. Ахматовой: Муза – печальная смуглая дева, с ярким взглядом, с ней можно говорить, о чем-то просить. Она – действительный автор поэтического произведения (Ахматова, 1991, с. 68):

...Ей говорю: «Ты ль Данте диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Другим признаком творческого акта считают его спонтанность, внезапность, особое субъективное состояние пишущего. Момент вдохновения и создания поэтического произведения описывается как наплыв звуковых впечатлений, нарастание гула, появление ритма; возникают, гаснут и снова слышатся слова и наконец проступают поэтические строки. Впрочем, стихотворный процесс протекает не всегда единообразно, его варианты интересно описывает А. А. Ахматов в цикле «Тайны ремесла» (там же, с. 76).

Язык как самостоятельная сила

Романтическое представление о Музе как авторе творчества порой трансформируется в загадочный образ языка как самостоятельной созидательной силы. В своем выступлении при получении Нобелевской премии И. Бродский говорил: «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или попросту диктует следующую строчку... Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в настоящее» (цит. по: Дружинин, 1995, с. 99).

Еще более остро высказывается по данному вопросу современный писатель В. Отрошенко. Он обсуждает *существо языка*, которое «мыслит, строит, любит», «*единственно язык есть то, что собственно говорит*»; человек «говорит только тогда, когда он соответствует языку» (Отрошенко, 2005, с. 50). Писатель А. Платонов, например, по мнению В. Отрошенко, обладал таким существом языка, которому «всего лишь соответствовал» (там же).

Отметим, что понятие *существо* в указанном тексте двусмысленно: это слово можно в равной степени понять как *сущность, суть чего-то или кого-то*, а также в контексте рассматриваемой работы как *некто или нечто существующее в писателе само по себе*. Придание языку свойства определенной *сущности* не вызывает возражений. В отличие от этого другой смысл слова – пребывание в психике литератора *некоторого самого по себе другого существа* – представ-

ляется романтической фантазией, таинственной и красивой, однако не имеющей поддержки в существующих фактах.

Психологический подход к анализу речевого творчества

Анализ словесного творчества в рамках философии языка и литературоведения оказывается во многом полезным для психологии, поскольку концентрирует исследовательское внимание на интересных, а порой труднодоступных для неспециалиста сторонах рассматриваемой темы. Недостаточность этого анализа для психолога видится в слабой разработанности причинного объяснения обсуждаемых явлений, которые без этого имеют налет субъективизма, а некоторые из сторон вербальной креативности остаются скрытыми и обойденными вниманием исследователя. В последующем изложении мы учитываем наблюдения, накопленные при разных подходах, однако, главным основанием анализа служит сопоставление феноменов словесного творчества с особенностями деятельности вербального механизма.

С этих позиций потребуется, в первую очередь, искать ответ на вопрос, какими механизмами обеспечивается коренное свойство любого речевого акта, в особенности, если он имеет творческий характер, свойство подвижности, изменчивости, способности включения различных словесных форм для выражения мысли. Этот вопрос остается исключительно сложным и дискуссионным в науке. Проблема состоит в том, что требуется проследить связь двух, казалось бы, непересекающихся сфер человеческой психики: нематериальной мысли человека и физического явления – звучащей или записанной речи. Речь – это явление материального порядка (она может быть измерена физическими приборами, записана, воспроизведена); в отличие от этого психические феномены (мысль, впечатление, эмоция) относятся к другой категории явлений, не обладающих протяженностью и иными физическими признаками, не поддающихся измерению физическими способами. Взаимодействие материи и психики в акте выражения мысли – это аспект так называемой психофизической проблемы, убедительного решения которой на основе философских, психологических и физиологических подходов не достигнуто до сих пор.

Это только кажется объяснением, если появление слова в речи «объясняется» исследователем тем, что человек «подбирает» подходящее слово (подбирает – как? где?), «находит» его в лексиконе (находит – как? кто?) и т. п. Согласно широко используемой схематизации Г. Фреге, так называемому «семантическому треугольнику», предлагается считать, что в результате жизненной практики пси-

хический элемент (понятие, представление) оказывается связанным со словом и объектом. Эта схематизация подталкивает мысль к тому, что активность в психической сфере как бы естественно перетекает в сферу слов. Однако действительность не отвечает этому представлению, да и характер применяемого объяснения далек от научного. Более адекватной на этом уровне может быть другая схематизация, показывающая множественность связей некоторого заданного мыслительного элемента с различными словами и различными объектами. Н. И. Жинкин, например, отметил так называемую «податливость слов к заменам»: разными словами можно описывать одно и то же явление; бесспорно и то, что один и тот же объект действительности нередко получает разные словесные обозначения (Жинкин, 1998). Если же принять справедливость отличной от Фреге схематизации, то мы снова оказываемся перед той же принципиальной проблемой: как производится «мысленный выбор» в сфере материально организованных слов?

В изложенных выше работах делается попытка развить гипотезу о пути движения мысли к слову, учитывая особенности психофизиологической организации вербального механизма человека, а также возможные формы материализации семантики в нервной системе человека. Рассмотрены общие контуры речезыкового механизма, обсуждается вопрос о семантическом компоненте речевого процесса, предложено понимание того, каким образом семантика «срачивается» с физиологической стороной процесса, в той или иной мере воплощается в ней. В этой области определяющую роль играет слово, составляющее один из основных компонентов языка человека. В когнитивной системе человека ему соответствует специальный физиологический механизм, так называемый логоген. Устройство логогена обеспечивает сохранение следов не только внешних материальных воздействий, но и субъективных впечатлений, что составляет *латентную «нуклеарную» семантику слов*.

Семантика слова – это элемент в понятийной системе; меняющаяся, подвижная реальность, зависящая от текущих условий и индивидуального опыта. Разрабатывается гипотеза, объясняющая продуктивный акт «выбора» слова из лексикона для выражения текущего мыслительного процесса, на основе этой гипотезы предложена модель «вербализации мысли». Рассмотренный вид речемыслительных операций назван *актуальным именованием*, в котором говорящий человек решает задачу *нахождения* адекватного для его мысли слова или фразы в своем лексиконе. Это – задача *выбора словесного средства* для выражения действующей интенции среди множества имеющихся вариантов. Применение известных

слов для передачи *нового содержания* придает акту именованя продуктивный характер.

В намеченном алгоритме обозначено ядро, основной элемент процесса перехода мысли в словесную форму. Существуют и другие этапы вербализации мысли. Отметим роль инициирующего импульса (интенции к говорению), который активизирует взаимодействие ментального и языкового компонентов, «запускает» процесс сканирования.

Произошедшее актуальное именование – лишь первый шаг словесного оформления высказывания. Большей частью мы говорим не отдельными словами, а предложениями, в состав которых входит несколько слов. Стало быть, в психике говорящего активизируются многие логогены, соответствующие произносимым в предложении словам. После того, как обозначаемые явления оказываются поименованными, речевой процесс развивается в направлении создания психологической структуры, выявляющей отношения между актуализированными логогенами: выделяется центральный объект мысли (обычно подлежащее в будущем предложении), характеристики этого объекта (глагол, определение), обстоятельства высказывания и др. На основе такого рода психологической структуры строится грамматически оформленное предложение, в результате чего наступает достаточно полная вербализация мысли.

Активизация необходимых логогенов («подбор слов») может произойти не только по механизму актуального именованя, но и путем актуализации существующих в вербальной сети ассоциаций, которыми заполнен лексикон. Построение речи связано с детерминированной структурой вербальной сети «растеканием» активации по ее ассоциативным путям. Актуальное выделение логогена имени вызывает активацию соответствующего поля вербальной сети. В активное состояние приходят связанные с найденным именем слова (синонимы, антонимы, омофоны), вербальные клише, парадигмальные и понятийные структуры, выделяются адекватные случаю глагольные и определительные словесные логогены. Поиск всего набора слов, подходящих для выражения актуальной словесно еще не оформленной интенции, происходит как «блуждание» по путям вербальной сети. На заключительном этапе формулирования мысли выделяемые лексические единицы оформляются в соответствии с грамматическими правилами, образуя синтаксические структуры (Ушакова, 2004). В процессе речепорождения важную роль играют обратные связи, оценка говорящим человеком получаемого речевого продукта, использование поправок, гезитаций и т. п.

Основа словесного творчества и ее ограничения

Рассмотренная выше гипотеза о выборе слов в лексиконе предлагает принципиальный ответ на вопрос, каким образом работает вербальный механизм не только в его статической части (хранящей латентную «нуклеарную» семантику), но и в части динамической организации поиска слов, адекватных текущему психическому состоянию и задаче формулирования высказывания. Этот механизм *в принципе* обеспечивает новизну создаваемого речевого продукта. Поэтому, казалось бы, в нем можно видеть основу словесного творчества. Тем не менее, это предположение оказывается не столь бесспорным. Рассмотрим небольшой жизненный пример.

Сотрудница организации звонит на работу с целью передать информацию, содержащую три позиции: а) она заболела, б) болезнь будет оформлена официально, в) на работу не придет. Эту информацию можно вербализовать различными способами, каждый из которых содержит элемент словесной новизны по отношению к другому, а также по отношению к задаче передать требуемую информацию:

- 1) *Я заболела, вызвала врача. На работу прийти сегодня не смогу.*
- 2) *Сегодня я плохо себя чувствую, буду получать больничный. Трудитесь без меня.*
- 3) *Мне придется брать больничный – мне что-то не по себе. Не ждите меня на работу.*

Хотя тексты в примерах построены в довольно свободной манере, с элементами новизны, все же в целом они достаточно частотны, в них встречается немало стандартных выражений (*брать больничный, быть не в себе, прийти на работу* и т. п.), поэтому вряд ли их можно признать творческими. В языке, как уже говорилось, существует большой пласт привычно воспроизводимых стандартизированных элементов, словесных клише, постоянных эпитетов, связанных слов. Соответственно, мы должны признать, что в реальности далеко не всякий акт речепорождения, отвечающий критерию новизны, может быть признан творческим.

Отметим, что специалисты по проблеме творчества со своей стороны не удовлетворяются оценкой креативности только по критерию новизны. Предложены дополнительные признаки: *общественное значение* продуктов творческой деятельности (Рубинштейн, 1989); включение взаимодействия, *ведущего к развитию* (Дружинин, 1995, с. 27) и др.

По-видимому, и для словесного творчества требуются дополнительные факторы.

Стихосложение как творчество

Попробуем приблизиться к более полному пониманию речевой креативности, обратившись к анализу таких образцов словесных произведений, которые бесспорно признаются творческими. Такими можно считать, например, стихи. В поэтической речи автор осуществляет некое повествование, для выражения своих мыслей и чувств использует слова, строит грамматические предложения. Но сверх этого принимает на себя дополнительные обязательства. Если мы будем говорить о форме, то отметим, что слова подбираются специальным образом. Будучи направлены на выражение мысли, они должны отвечать определенным формальным требованиям – входить в ритм чередования ударных и безударных слогов, обычно в определенной позиции словесного ряда используются рифмы. Таким образом, перед автором поэтического произведения в момент его создания стоит задача соединения и комплексирования не одноколейного ряда вербальных элементов, а набора признаков, каждый из которых сам по себе достаточно сложен. Это – выражение мысли, настроения автора; нахождение выразительных для данного случая слов; совмещение их с ритмическим рядом; поиск рифм, стремление к новизне формы (оставляем за скобками вопрос о художественности произведения). Все факторы должны быть «прилажены» друг к другу и образовать некоторый комплекс, «ментальную конструкцию», технические трудности создания которой не должны быть явлены читателю или слушателю, а «системообразующим» и доминирующим фактором является мысль и настроение автора.

Напомним здесь обстоятельство, отмеченное исследователями литературного творчества: в момент поэтического вдохновения целостная ментально-словесная конструкция нередко возникает у поэта во взаимной координации всех ее элементов и как бы «сама собой» одномоментно, хотя, возможно, и после предварительных поисков.

Названные особенности сближают акт поэтического творчества с известным в психологии феноменом гештальта, широко изучавшегося в свое время в школе гештальт-психологии. Акт создания стихотворной конструкции, по всей вероятности, можно квалифицировать как вербальный гештальт, устанавливающийся на ментально-вербальных структурах. Можно думать, что создание такого рода скоординированных ментальных комплексов составляет одну из прирожденных способностей человеческой психики и мозга.

Есть основания считать, что вербальные гештальты функционируют не только в поэтической, но и прозаической (в том числе устной) речи. Их проявление возможно в словесном продукте любого

объема: в небольшом стихотворении, а также в поэме; многотомном романе и отдельном высказывании. Так, художественная структура обнаруживается в романе «Красное и черное» Стендаля, но также и в одной строке Гете: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!».

Понятно, что в речевых продуктах разного рода писатель производит комплексирование элементов разного объема, сложности, новизны и глубины. Соответственно, от него требуется вложение разного объема ментальных, эмоциональных, волевых, временных усилий. Сокращение информационной насыщенности обычно облегчает автору создание творческого произведения, не потому ли получают распространение так называемые *верлибры*, свободные стихи, не стесняющие автора обязательным включением рифмующихся слов. Наблюдается и обратная тенденция, при которой литератор при создании произведения принимает на себя груз дополнительных по отношению к норме формальных обязательств. Тогда обычно создаваемый поэтический продукт содержит особые стороны, приводящие к усилению художественного впечатления.

Различия во вложенных в творческий продукт ментально-эмоциональных силах ставят задачу квантификации произведенных «актов сознания» и использованных вербальных элементов. Такого рода задача в общих чертах поставлена и в определенной мере разработана в трудах Г. А. Голицына, исследовавшего информационную специфику в гуманитарной и естественно-научной сферах (1997).

Язык как творческая сила

Выше мы останавливались на гипотезе внутренних творческих сил языка (И. Бродский, В. Отрошенко). Сейчас возникает возможность с наших позиций подойти к оценке этой гипотезы. На протяжении своего существования каждый развитой национальный язык формируется вложениями творческих вербальных актов миллионов его носителей, чем обеспечивается аккумуляция многих выразительных возможностей. Члены языкового сообщества адсорбируют, укрепляют и обогащают огромную систему языка, которая образует постоянно функционирующую часть психики и ментальной жизни каждого индивида. Язык поэтому становится общей рамкой, «сеткой», через которую люди языкового сообщества смотрят на мир. Вербально-понятийная сеть дает основу для понимания описываемого языком мира, ориентируясь на воспринимаемые осколки впечатлений, обрывки слов, недомолвки. Эта же система в потенции содержит в себе все созданные на данном языке тексты – поэтические, прозаические, научные, общественные. Явятся ли они миру, зависит от случая: возникновения конфигурации мысли, идеи, фантазии, может быть, у единственного автора. Язык

независимо от такого случая готов стать материалом любого текста. Соответственно, можно думать, что талантливый литератор – это человек, обладающий неординарными способностями во владении возможностями языка. В той степени, в какой функционирует авторский язык, словесные структуры будут активно включаться в творчество литератора. Однако язык является только материалом, а не действующим лицом поэтического процесса. Творцом произведения остается мыслящая личность.

Язык и поэт

Талантливые литераторы не раз демонстрировали свои особые возможности во владении вербальным механизмом. Например, С. Есенин с необыкновенной легкостью находил рифмующиеся слова по всему пространству лексики. Интересно в этом плане творчество А. Платонова, язык которого по характеристике В. Отрошенко доходит «до своих крайних пределов, где происходит увечье и уничтожение языка и одновременно выражение невыразимого...» (Отрошенко, 2005, с. 51). Мы полагаем, что одним из оснований этой предельной выразительности может быть использование писателем языковых форм, далеко уходящих от общепринятой «языковой сетки» (вербальной сети), по которой создаются привычные, «затертые» проскальзывающие мимо нашего сознания языковые фигуры. Взамен писатель предлагает новую сетку видения жизни, наполненную индивидуальными впечатлениями и чувством автора: «беспрекословной рукой» стучит кто-то в дверь «сокровенному человеку», вчера похоронившему жену («заботчика о продовольствии»), испытывающему «тяжелую медицинскую усталость», «слабосильность и задумчивость среди общего темпа труда».

Искусство владения скрытыми языковыми силами ярко обнаруживается в стихах А. А. Ахматовой. Среди других поэтических способностей, ей присуще ощущение заложенных в вербальной сети ассоциативных возможностей, позволяющих направленным образом формировать сознание читателя. Путем построения ассоциативного угадываемого мира наряду с миром ясным, названным, она создает динамичную внутреннюю структуру стихотворений, высвечивающую борьбу чувств и личность автора (Ушакова, 1990).

Творчество в языке

Практика жизни выделила случаи творчества в языке, обозначив их термином *словотворчество*. Оно проявляется в создании и использовании индивидом новых по отношению к действующему языку словесных форм. Существует несколько видов этого явления:

а) детское словотворчество – спонтанное создание незаимствованных языковых форм на определенном этапе речевого развития ребенка; б) словотворчество в ходе литературной, главным образом поэтической, работы; в) стихийное изменение элементов действующего языка под воздействием жизненных влияний; г) искусственное создание новых языков.

Детское словотворчество

Это широко распространенное явление, которое, однако, часто ускользает от внимания окружающих, к тому же нередко расценивающих его как ущерб или недостаток речевого развития малыша. Словотворчество у детей проявляется мимоходом в повседневном общении или игре, когда малыши в ход обычного разговора включают слова такой структуры, какая не используется в языке окружающих и тем самым не может быть имитационно ими усвоена. «Изобретенные» ребенком слова (неологизмы) по своей семантике обычно понятны взрослым и уместны в употреблении: *кат* (действие катания), *пургинки* (частицы пурги), *умность* (качество ума), *сгибчивая* (береза), *я взяю* (возьму), *долгее* (дольше), *стотая* (сотая), *саморубка* (мясорубка) и мн. др.

Детское словотворчество имеет свои временные границы: появляясь у нормально развивающихся детей в 2–2,5 года, оно практически исчезает в раннем школьном возрасте. Исследователи фиксирует его проявление у детей, усваивающих русский, немецкий, французский и в английский языки.

Анализ большого массива детских неологизмов позволил выявить причины их появления в речи ребенка и пути формирования (Ушакова, 1979, 2004). Обнаружено действие в развивающемся вербальном механизме спонтанных процессов дробления (членения) поступающего извне речевого материала и последующего синтезирования образующихся элементов. Эти процессы протекают не хаотично, а в соответствии с устройством действующего языка, по строгим, почти математическим правилам, приводящим к формированию неологизмов определенного вида.

Аналитические, дробящие процессы – результат сопоставления и членения исходно воспринятых словоформ с совпадающими элементами. Простым примером могут служить так называемые «слова-осколки», представляющие кусочки употребляемых слов: *брос* (то, что брошено), *леп* (то, что слеплено), *пах* (запах), *мот* (то, что мотает) и др. Услышав слова: *бросил*, *забросал*, *бросала*, *перебросили* и др., ребенок путем их неосознанного сопоставления образует слово *брос*. Процессы, членившие целостные вербальные структуры, охватывают

различные части речи – существительные, глаголы, прилагательные, наречия и основаны на сопоставлениях различных языковых форм.

Другой вид динамических преобразований речевого материала – синтезирование, объединение выделенных языковых элементов – обнаруживается в большинстве неологизмов, начиная от самого простого – присоединения к известному слову оригинального аффикса. Существует единый принцип формирования синтезированных слов. Он состоит в том, что объединяются такие словесные структуры с общими элементами, где в процессе их проговаривания происходит переключение с одной структуры на другую через общий элемент. Таким общим элементом в ряде случаев оказываются отдельные звуки внутри слов, и тогда возникают слова типа *ворунишка* (*вор* + *врунишка*), *бананас* (*банан* + *ананас*), *паукан* (*паук* + *таракан*) и др. Слияние словесных элементов двух слов возможно в динамике связной речи при образовании слов по аналогии с образцом в случае семантической близости образующих слов и наличия в них общего семантического элемента. Так, при образовании детского неологизма *пургинки* (от *пурга*) со значением уменьшительности и единичности происходит семантическое взаимодействие со словом *снежинки* при использовании суффикса *-инки* из образующего слова (Ушакова, 2004, с. 134–143).

Образование неологизмов происходит по обобщенным типизированным образцам. Неологизмы создаются в соответствии с теми обобщенными словесными значениями, какие существуют в языке окружающих. Эти обобщенные значения различны по характеру. Часть из них служит для выражения грамматических отношений, другая – логических категорий (Ушакова, 1979, с. 147–157). Словотворческие процессы всегда протекают в рамках действующего языка.

Проявление словотворчества наблюдатель обнаруживает на примерах отклоняющихся от принятых в данном языке форм, однако в скрытом виде оно может существовать в гораздо более широких рамках, составляя основу продуктивных языковых операций. Наблюдение за этими процессами позволяет обнаружить, каким образом в вербальной сфере ребенка строится сложная и чрезвычайно важная для овладения родным языком грамматическая система. Здесь находит объяснение поражающая исследователей быстрота и успешность в овладении детей действующим языком. Возникает возможность объяснять речевой онтогенез не только как восприятие и подражание воспринятому образцу, но в большой мере как творческое изобретение языка каждым маленьким человеком. Операции словотворчества представляют собой показатели возникновения и развития символической функции человека.

Словотворчество литератора

Тема литературного словотворчества изучалась П. А. Флоренским на материале неологизмов, созданных российскими поэтами-футуристами начала XX в. В. Каменским, И. Северяниным, В. Хлебниковым, Е. Гуро (Шукуров, 2006, с. 120–121). Флоренский одобрительно относился к формам словесных новообразований, построенным по аналогии с нормативными словами языка: *осупружиться, окалошиться, дерзобезумие*; он видит сходство этих форм с теми, которые создаются детьми. С меньшим сочувствием он отзывается о виде неологизмов, имеющих «орнаментальное» назначение, логосное (семантическое) содержание которых ограничено. Примером здесь служит широко известный текст В. Хлебникова «Заклятье смехом»: *О, расмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи!* Еще меньшее нравятся исследователю фонетические эксперименты футуристов, так называемая «звукопись» (например, *Дыр бул цыл* Крученого), они характеризуются как «заумь», «художественный опыт приближения к дологической стихии языка» (там же, с. 121).

Интересно отметить тот факт, что создание новых словесных форм, имеющих ту или иную степень осмысленности («логосности»), подчиняется тем же правилам, по которым происходит детское словотворчество. Это можно видеть на примере строчек В. Хлебникова в его стихотворении «Заклятие смехом» (Хлебников, 1986). В приводимых автором неологизмах находим действие тех же принципов, что и в детском словотворчестве: вычленение элементов из существующих слов (в стихотворении используется один корневого элемент *сме-, смех-*); синтезирование по определенным алгоритмам новых форм (соединение корня с префиксами *рас-, за-, у-, над-, ис-* и постфиксами *-ач, -янств, -яльн, -ши, -ейн, -яч*); действие в границах и правилах существующего языка (использование аффиксальных элементов русского языка).

Изменение действующего языка

Примеры стихийного изменения современного языка под воздействием иноязычных влияний в изобилии предоставляет действительность наших дней. Поток новых терминов хлынул на нас через компьютеры, построенные на использовании английского языка: мы работаем на *компах*, *принтируем*, создаем *файлы*, заходим на *сайты*, получаем *спамы* по *имэйлу*, боремся с *хакерами* и мн. др. Эти слова пришли к нам из чужого языка, но они нужны нам, и, что характерно (!), мы обращаемся с ними, как с элементами родного языка – склоняем, спрягаем, произносим по общим правилам русского языка. Используются значащие корни, к ним

присоединяются русскоязычные аффиксы, новые слова включаются в русскоязычные парадигмальные структуры. Все это – по общим правилам словотворчества.

Создание новых языков

Речь и языки возникли в человеческом сообществе очень давно, – видимо, одновременно с самим сообществом. Каковы были причины, позволившие одному из видов человекообразных существ шагнуть от неязыкового общения к языку и речи, видимо, никто в точности не знает, хотя сейчас и существуют научные объяснительные гипотезы этого явления (Ушакова, 2006). Бесспорен только факт, что развитие языка и речи не было результатом сознательной деятельности человека, а опиралось на естественные основания, не потребовавшие от людей специальных усилий и тем не менее выдвинувшие вид *homo sapiens* на передовые позиции из ряда близких биологических существ.

Возникшие языки не оставались неизменными. Этот факт зафиксирован историческим языкознанием. Появление новых языковых форм происходило главным образом по линии взаимовлияния диалектов, заимствований, ассимиляций, фонетических изменений. Так же как при начале речи, волевой элемент процесса не был зафиксирован.

Новая ситуация возникла в наше время. Она обусловлена способностью человека рефлексировать свою речь и сознательно вносить в нее те или иные поправки и добавления, т. е. включать творчество в сферу языка. Произошел возврат к старой идее искусственного изменения языка, а также создания нового языка.

К этой идее обращались многие именитые и не очень именитые люди. В рамках научного подхода раньше других ею заинтересовался Ф. Бэкон (конец XVI – начало XVII в.). Он сформулировал правила обработки естественного языка, позволяющие сделать его более правилосообразным, простым и удобным для усвоения (Нелюбин, Хухуни, 2003, с. 61). Вопрос был углублен Р. Декартом (XVII в.), который поставил задачу создания всеобщего языка, построенного на философских основаниях. Такой язык исходно должен включать сумму простых, далее неразложимых идей и понятий, а также отношений между ними. Выполняя исчисления, формальные операции над этим исходным материалом, люди смогут получать истинное знание. Идеям Р. Декарта оказались близки разработки Г. Лейбница (конец XVII – начало XVIII в.). Ученый конкретизировал характер используемых языковых элементов и настаивал на возможности замены рассуждений вычислениями. Примечательно, что разработки

Лейбница получили развитие в современной символической логике (там же, с. 63).

Если посмотреть на итог приложенных усилий, то видна их невысокая практическая результативность. Разработки этого направления все же стали практически применимы, правда, в ограниченном масштабе. Позднее, в 1870-е годы, усилиями варшавского врача Заменгофа был создан искусственный международный язык, так называемый эсперанто (*esperanto* – надеющийся). В нем используются распространенные корни европейских языков, объем лексики невелик, грамматические правила упрощены: соединения слов происходят по принципу агглютинации (простого присоединения), отсутствуют исключения. Эсперанто используется по миру довольно узким кругом людей, засвидетельствовав, однако, фактом своего существования успешность сознательно направляемого творчества человека в области создания действующего языка.

В итоге анализа можно сказать, что словесное творчество имеет непосредственное отношение к жизни, проблемам личности и ее развитию. Речь – это форма нашего поведения, проявляющаяся постоянно и повсеместно, поэтому творческие способности в области слова имеют большое значение. Быть творческим человеком в области слова привлекательно. Креативная способность содержит в себе элемент силы, неожиданности, преимущества перед другими. Вместе с тем это свойство не зависит от наших ожиданий и желаний. Оно нам дается или нет, как дается ум, красота, рост и т. п. Талантливая речь – большое богатство, легкое перо – не меньшее.

К счастью, словесные способности тренируются. Поэтому если нас увлекает перспектива сделать нечто большее из нашей столь привычной и мало замечаемой способности к разговору, выражению своих мыслей и чувств, умению общаться с другими, можно поставить перед собой несколько задач. Поначалу потребуются самоанализ. Следует почувствовать, как реагируют на наш разговор другие люди, не забывая, что речевое общение – это форма поведения. Необходимо избегать навязывания окружающим рассказов о себе и своих заботах; лучше почувствовать, что интересует собеседника. Поищем способы сделать содержание нашей речи ясным, точным и немногословным. Не стоит излагать известные истины, повторять уже сказанное, рассказывать старые анекдоты. Постараемся активизировать наш ум для содержательного участия в разговоре, преодолевая пассивность и робость. Значение имеет и то, как звучит наш голос: не крикливы ли мы, не гнусавим ли, не бормочем или говорим слишком быстро и тихо. Прислушаемся к интонациям наших фраз: нет ли в них грубости, неудовольствия, презрения.

Всем этим мы внесем креативность в нашу манеру разговаривать. Если же мы сумеем по разным линиям, в комплексе усовершенствовать наше речевое поведение, мы повысим творческую сторону не только речи, но личности в целом.

Краткие итоги главы 4

На основе совокупности представленных в данной главе материалов мы подходим к уточнению понятия психологии вербальной семантики. Используются три линии ее анализа: а) наблюдения за проявлением в раннем онтогенезе, б) исследование ее включенности в вербальные психофизиологические механизмы, в) экспериментальное лингвopsихологическое исследование. Понятие *вербальная семантика* относится, в нашем понимании, к психическому нематериальному компоненту целостного механизма, осуществляющего вербальную деятельность человека. Обсуждаемый специфический компонент реализуется в виде психического состояния, переживаемого человеком в отношении внешних событий или внутренних ощущений субъекта (состояний сознания). В наиболее простых случаях эти субъективные переживания касаются «правильности», «соответствия» события или его словесного описания известному порядку вещей в сфере материальных объектов и поведения людей. События, переживаемые как соответствующие такого рода «правильности», воспринимаются субъектом как осмысленные; нарушающие его – как лишенные смысла. Мысленное обращение к объекту с целью оценки его «правильности», «соответствия» представляет собой основу так называемой рефлексии.

Вербальная семантика наряду с ее сложным психологическим содержанием имеет физиологический механизм, организованный в соответствии с психологическим функционированием человека («функциональный механизм»). Изучение этого механизма и понимание принципов его устройства дает материал для познания и характеристики психологической семантики. Обсуждаемые «функциональные механизмы» – основа вербальной деятельности, обеспечивающие осмысленные речевые проявления людей.

Маленькому ребенку семантическое чувство присуще, по-видимому, с момента его появления на свет. Поначалу это чувство у здорового малыша ограничено кругом жизненных потребностей, обеспечивающих его существование в новом для него мире: питанием, температурным режимом, общим телесным благополучием. В первые дни и недели жизни новорожденного здесь сочетаются эндогенные и экзогенные факторы его существования и развития с преобладанием значения первых из них. С течением времени

при интенсивном разрастании у малыша сферы получаемых извне впечатлений экзогенные факторы набирают силу: у него вырабатываются семантемы, отражающие особенности окружающих людей и предметов, связанных с ними цветовых, звуковых, тактильных, вкусовых впечатлений. Как обнаружили полученные экспериментальные факты, уже в 2–2,5 месяца малыши понимают некоторые правила поведения физических тел: при падении предметов сверху их появление ожидается ребенком внизу, при скрытии за ширмой с одной стороны – их появление с другой и т. п.

Новый мир осваивается малышом на основе слышимой вокруг речи. Общий вектор развития ребенка в этом мире – образование вербальных структур, их внутреннее развитие, обогащение дополнительными признаками, связывание между собой, формирование сложных ветвящихся структур.

Процессы когнитивного развития протекают скрытым образом, новые, не сразу проявляющиеся структуры, создаются при посредстве скрытых механизмов на основе ранее возникших. Это позволяет говорить о значительной роли фактора саморазвития в когнитивном развитии.

У взрослого хорошо владеющего языком человека семантический элемент включен во множество образований когнитивной сферы: его содержит каждое правильно употребляемое слово, его содержат семантические поля и словесные категории, а также когнитивные образования, соответствующие предметам, которые могут не иметь точного словесного обозначения, но адекватно используются в работе или повседневной жизни.

Каждый семантический элемент может находиться в двух различных состояниях: актуальном и латентном. В первом случае семантическое содержание осознается человеком, во втором – может функционировать в автоматическом режиме, практически бессознательно.

Латентные «дремлющие» логогены с их семантическим содержанием, разного рода семантические поля, словесные категории играют основополагающую роль при построении связной осмысленной речи. Молниеносное автоматическое пробегание активационного импульса по ветвям семантических структур, образование вербальных гештальтов, включение грамматических стереотипов лежит в основе беглой грамматически оформленной устной речи.

Семантические образования составляют основу построения текстов. В тексте важным стержневым его элементом становится семантема, имеющая форму сохраняющейся на протяжении высказывания интенции. Текстовые интенции разнообразны, зависят

от ситуационных, а порой и жизненно значимых для человека позиций, включены в его социальный мир.

Предложенное понимание вербальной семантики носит во многих своих частях эскизный характер, однако помогает насытить его относительно конкретным (где-то гипотетическим) содержанием. На его основе видится возможность построения направленных экспериментальных исследований. Становится возможным рассмотрение теоретических вопросов, относящихся к более широкой проблеме сознания человека.